Надежда Мамаева
Академия темных властелинов
Фэнтези • Любовный роман • Приключения

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Если судьба решила, что ты должна случайно умереть в молодом возрасте, с этим тяжело спорить. Тяжело, но возможно. Особенно если вооружиться юмором, иронией и умением убеждать. И не важно, что договариваться придется с самой Смертью. А вот к чему могут привести такие переговоры, задумываешься, уже оказавшись в другом мире и теле. Мыслительному процессу помогут пересуды за спиной и милые родственнички, жаждущие упрятать тебя в дом скорби. В такой ситуации остается одно — бежать и прятаться в стенах Академии темных властелинов, ведь у тебя оказался дар некроманта: ты поцелована Смертью. Но так ли безопасно в магистерии? Шпионские игры, заговоры, от которых не укрыться даже за широкими черными крыльями главы внешней разведки… И наемный убийца, который совсем близко. Под какой из масок скрыто его истинное лицо?

- Надежда Мамаева
  - ○
  - ○
  - ○ ПРОЛОГ
  - ○ ГЛАВА 1
  - ○ ГЛАВА 2
  - ○ ГЛАВА 3
  - ○ ГЛАВА 4
  - ○ ГЛАВА 5
  - ○ ГЛАВА 6
  - ○ ГЛАВА 7
  - ○ ГЛАВА 8
  - ○ ГЛАВА 9
  - ○ ГЛАВА 10
  - ○ ГЛАВА 11
  - ○ ЭПИЛОГ

Надежда Мамаева

АКАДЕМИЯ ТЕМНЫХ ВЛАСТЕЛИНОВ

Автор сердечно благодарит Светлану — за внимание к деталям, Максима — за морковку, Ольгу — за огранку и дорогих читателей — за поддержку.

ПРОЛОГ

Проливной дождь пошел резко и стеной, словно кто-то вспорол небесный бурдюк, полный воды. Капли застучали по крышам, забарабанили по разлапистым листьям каштана, начали отплясывать джигу на подоконнике распахнутого настежь окна второго этажа и поливать мужчину, цеплявшегося пальцами за самый край карниза. Вот только вероятность промочить сюртук насквозь волновала его меньше всего. Висевший был занят очень важным делом: он подслушивал. А разговор в комнате, освещенной в этот ночной час тремя дюжинами свечей, велся презанятный.

— Так, значит, нужно отправить в бездну этих пятерых? — Голос с характерной для курильщика хрипотцой был спокоен и деловит.

— Да, и желательно, чтобы убийства были громкими и не оставляли сомнений, что это именно не случайная смерть. — Второй, наоборот, обладал приятным баритоном человека, привыкшего не просто говорить, а заставлять собеседника слушать.

— Хорошо, я передам ваши пожелания моему исполнителю, — усмехнулся любитель табака.

— Надеюсь, он стоит тех денег, что я плачу.

— Даже не сомневайтесь, этот мастер — один из лучших в гильдии Черных Плащей.

Порыв ветра заставил створку удариться об откос и, черпанув пригоршню капель, закинул их в нутряное тепло комнаты.

— Позвольте закрыть окно, а то становится промозгло. — В баритоне послышались сварливые нотки. А после этого — характерные шаркающие шаги, словно говоривший хромал.

Подслушивавший разговор мужчина расцепил замерзшие практически до бесчувствия пальцы и полетел вниз, руководствуясь принципом: лучше иметь сломанную ногу, чем не иметь на плечах головы. А то, что он ее лишится, едва собеседникам в комнате станет известно, что у их разговора есть свидетель, было очевидно.

ГЛАВА 1

Нет хуже награды, чем похвала начальства. Оттого что за ней чаще всего следует речь в духе «ты — молодец», «наш коллектив тобой гордится» и «соверши трудовой подвиг во благо начальства». Я предпочла бы льстивым речам пополнение зарплатной карты, но главбух посчитала иначе. Подойдя ко мне под конец рабочего дня с миной анаконды, только что разбавившей свой пищевой рацион отборной крольчатиной, она похвалила меня за отчет и расторопность, а потом положила на стол пухлую папку: стопка счетов-фактур за квартал. Елейным голоском мне сообщили, что Лейлочка, по совместительству невестка Джоконды Степановны, как значилось полное имя нашего главбуха, приболела, а сверку итогов надо провести пренепременнейшим образом сегодня.

Выдав эту ценную информацию, на меня уставились в упор. Дескать, попробуй возрази. Я молча проглотила, лишь кивнув. Прописную истину «не нравится — увольняйся» знает каждый, кто хоть когда-то работал. Но пока зарплата все же удерживала, да и стаж был нужен.

Не распахивали конторы гостеприимно двери перед вчерашними выпускницами, впрочем, как и перед позавчерашними. Я даже усмехнулась: в двадцать не найдешь работу оттого, что нет стажа, в тридцать — потому как уже есть маленькие дети и часто будешь уходить на больничный (а то и в еще один декрет), в сорок — уже не так расторопна, а в пятьдесят — слишком большой багаж знаний, которым можешь задавить пламенный спич молодого директора. Из этого порочного цифрового круга 20-30-40-50 порой мне виделся единственный выход: 90-60-90. При таких параметрах руководство зачастую закрывало глаза на все остальные, как то: квалификация, исполнительность, пунктуальность… Хотя был еще один карьерообразовательный способ, но ради него терпеть такое свекровище, как Анаконда Джокондовна (как за глаза называли начальницу офисные коллеги), я бы ни за какие коврижки не согласилась.

Часы продолжали свой бег, офис пустел, охранник любовно поглаживал сканворд, периодически кося на меня глазом в открытую дверь.

Я задерживалась. Основательно так. На столе стояло уже пять грязных кружек из-под кофе, когда я с наслаждением потянулась и выключила монитор. Расквиталась.

Лампочка моргнула. Скачок электричества, что ли? В

вентиляции запели то ли застенчивые духи, то ли подгулявший мартовский ветер.

Настенные часы показывали два часа ночи. Соблазн остаться на рабочем месте и прикорнуть на диванчике был велик, но я решила, что лучше поспать на час меньше, но на нормальной кровати, чем скрючившись в три погибели, а потом весь день хвататься за поясницу.

Вызвала такси, благо съемная квартирка, которую мы делили с подругой, находилась недалеко от работы. В получасе езды. В ожидании эсэмэски с номером машины накинула на плечи плащ и, распрощавшись с охранником, вышла из офиса.

Коридор радовал глаз приглушенным светом, а вот тишина, столь несвойственная зданию бизнес-центра, наоборот, настораживала. Подойдя к лифту, по привычке не задумываясь нажала кнопку вызова. Именно в это время мобильный пискнул.

Я начала рыться в сумочке в поисках пиликалки, когда створки лифта разъехались. Все так же копошась в недрах своего баула, не глядя шагнула вперед. Нога не нашла опоры, а сила земного притяжения, напротив, никуда исчезать не собиралась. Оттого я с криком полетела в шахту лифта.

Двенадцать этажей. Это много или мало? Пока взберешься по лестнице на высоченных шпильках, по ощущениям — покоришь Эверест. За это время успеешь проклясть и изверга-архитектора, и свою работу, и лифтеров, что никак не починят лифт. А вот если летишь вниз…

Говорят, за миг до смерти перед глазами проносится вся жизнь. То ли молва врет, то ли моя жизнь была столь скучна и однообразна, но передо мной пролетели только тридцать метров бетона. Удар.

Мое тело упало на чертову кабину, которая так и не приехала. Она стояла на первом этаже, а внизу под ней суетились ремонтники.

Но все это я поняла спустя несколько мгновений безумной боли, когда меня буквально вышибло из собственного тела.

Я висела над собой. Вернее, над тем, что от меня осталось. Россыпь веснушек на скулах рассекли сразу несколько шрамов, рыжие волосы начали пропитываться кровью, ноги были вывернуты под неестественным углом.

Меня теперешнюю от меня привычной, живой, отделяли всего лишь три секунды. Гребаные три секунды и один шаг! И телефон, на разбитом дисплее которого красовалась издевательская эсэмэска: «Такси выехало. Красный „рено“, номер а848мк. Время ожидания 7 минут».

Больше было некуда спешить. Мне. А вот ремонтники,

услышав удар, засуетились. Полезли проверять, и тут я… лежу, почиваю.

Мужик в комбинезоне, первым выбравшийся из шахты, увидев мою неземную красоту, побледнел до синевы. Эдак я соберу целую компанию призрачных душ. Судя по тому как сей упитанный дядька схватился за сердце и начал заваливаться, у него были все шансы присоединиться ко мне. Вот это будет поворот судьбы: собственной смертью отомстила своим невольным убийцам.

Истерический смех, как выяснилось, свойственен не только людям, но и призракам. Только он был беззвучным. Случившееся выглядело столь абсурдным, что я просто не могла в это поверить. Казалось, что это просто дурной сон, что задремала на рабочем месте, упала лицом на клавиатуру. Вот сейчас проснусь, посмотрю на папку со счетами и продолжу составлять отчет… милый, любимый отчет.

Ведь такого просто не могло случиться со мной!

У второго рабочего нервы оказались покрепче. Он подхватил своего напарника, усадив его прямиком на пол и прислонив спиной к стене. А сам подошел к моему телу и прижал палец к шее, затаив дыхание. Долго стоял, минуты три, а потом обреченно бросил:

— Звони начальству. И в «скорую». Пусть труповозку высылают.

Это его «труповозку» прозвучало так естественно и правдиво, что захотелось заорать благим матом. Но тут из темного угла раздался скрипучий голос:

— Ну что, убедилась, что окочурилась? Тогда пойдем со мной.

Тень, еще мгновение назад представлявшая собой бесформенный сгусток тьмы, сделала шаг вперед. И я увидела ее. Смерть. Она явилась, как и положено, с косой и в черном балахоне. Единственное, что выбивалось из традиционного образа, — планшет, который она держала в своих скрюченных пальцах.

Идти куда-то с этой образиной не хотелось, оттого я поступила в лучших традициях организаторов торгов: начала тянуть время в надежде выгадать.

— А вы, простите, собственно, кто? — задала я самый нелепый из всех вопросов, что смогла придумать.

Ведь известно: чем глупее вопрос, тем на него тяжелее ответить.

— Ну и души пошли! Как можно меня не узнать? — возмутилась Смерть. — Я для кого, спрашивается, униформу

надевала? Для кого обязательную атрибутику брала? — Она в сердцах потрясла косой.

«Рабочий инструмент» у костлявой, к слову, был даже с фирменным логотипом и надписью на обушке: «Вот и все, ребята!»

— Нет, не признала, — стараясь, чтобы голос звучал смущенно, ответила я и добавила, отыгрывая альтернативно одаренную девицу: — Так вы все-таки кто?

— Смерть твоя, — выплюнула капюшонистая старуха со злостью. — За тобой пришла.

— А точно за мной? — заелозила я, как кот после лотка.

Старуха начала терять терпение:

— Да за тобой, за кем же еще-то?

— Ну вот там дядечке еще плохо… — протянула я в ответ, указывая на несчастного, который и не подозревал, что на него сейчас в упор уставилась Смерть.

Она глянула на ремонтника, которого я ей усиленно сватала, а потом начала тыкать в планшете.

— Нет… Этот у нас по распределению пойдет только через двенадцать лет. А то, что он за сердце схватился, — ерунда. У него повестка на ноябрь две тысячи тридцать первого года стоит.

— Повестка? — удивилась я, судорожно вспоминая, а не приходила ли мне такого рода листовочка. Вдруг я что упустила?

— Ну да, — как о чем-то само собой разумеющемся ответила Смерть. — Микроинфаркт.

М-да, вот тебе и «повестка».

— Так ты пойдешь со мной или нет? — устало протянула Смерть.

Я решила, что если спрашивают, значит, есть вариант отказаться. В противном случае со мной бы не церемонились.

— А если нет?

— Тогда останешься призраком. Через век приду за тобой опять. Спросить, не передумала ли.

И столько тоски было в ее голосе, что я решила уточнить:

— А что в этом такого? Ну поброжу немного среди живых. Мне, может, на тот свет жутко не хочется…

— А мне из-за тебя премии лишаться не хочется! — выдала Смерть. — У меня, может, на участке привидений и так полно, а ты мне своим «не хочу» и вовсе лимит превышаешь. — А потом куда-то в сторону добавила: — Эх, развели тут политику добровольного согласия, не то что раньше…

— Так оставили бы меня в живых, — начала я ее уговаривать в лучших традициях одесских эмигрантов. — И вам же лучше, и мне радость.

Сейчас я была согласна на любую жизнь. Пусть с изуродованным лицом, пусть на костылях…

— Не могу. У меня на тебя обязательная разнарядка на сегодня стоит, видишь? — И развернула экран планшета ко мне.

Действительно, там напротив моих имени-фамилии значилась сегодняшняя дата и пометка «забрать». Но тут на экран выплыло сообщение с маркером «срочно!».

— Ой, а у вас там… — начала было я, но Смерть уже и сама повернула к себе дисплей. Прочитав сообщение, не удержалась от комментария: — Опять эта суицидная. Сказала же ей еще в тот раз: «Твое время пока не пришло», — так нет же, она опять за свое.

— А что такого? — лишь из чувства противоречия решила я возразить своей собеседнице. — Ну захотел человек умереть!

— Вот мне где все эти ваши хотелки! — Смерть провела ребром ладони там, где у людей обычно находится шея. — Одна умирать не хочет, вторая на тот свет рвется. А у меня в одном мире лимит того и гляди превышен будет, во втором — перевыполнение плана.

Что такое перевыполнение плана, я знала хорошо. Это сначала ты передовик и молодец. Как же, сделал больше нормы! Начальство тебя за это похвалит. Зато в следующий квартал впаяет новые показатели нормативов. Выросшие аккурат настолько, насколько ты этот самый план умудрился перевыполнить.

— Сочувствую, — сдуру ляпнула я.

Смерть презрительно протянула:

— Сочувствует она… А раз так, то пошли со мной. Уговаривай вас тут еще. Одно слово — молодежь. Вот старики даже и не спрашивают меня, кто такая да зачем. Сразу узнают и идут, куда скажу…

И тут я вспомнила, как наша Джоконда Степановна умудрялась виртуозно мухлевать с отчетами, так мастерски тасуя цифры для налоговой, что и не подкопаешься. У нее щебенка могла проходить по цене мраморной крошки второй категории, а бригада из пяти человек — возвести монолитку за полгода. И как ни бились проверяющие головой об папки с документацией, доказать мухлеж не могли.

— А может, мы местами поменяемся с этой вашей суицидницей? Раз ей так хочется прокатиться в лодке по Стиксу, я не против уступить ей свое место, — внесла я предложение.

— Ты на что меня толкаешь? Это же подлог! — возмутилась Смерть.

— Подлог — это когда насовсем, а у вас производство

бесперебойное, поточное. Рано или поздно даже при обмене телами я к вам попаду… А так — у вас статистика в норме. Опять же премия… — начала соблазнять я, лихорадочно вспоминая, что еще успела сообщить мне во время нашего разговора Смерть.

Она в задумчивости побарабанила пальцами по планшету и наконец выдала:

— Говоришь, сильно жить хочешь?

— Очень! — горячо заверила я.

— Ну смотри, сама напросилась. — С этими словами костлявая приблизилась и откинула капюшон.

На меня уставились глаза самой бездны. А потом старуха раззявила беззубый рот и начала втягивать воздух, а вместе с ним — и меня.

Меня закрутило, как в водовороте. Черном, обжигающе-холодном, пропитанном болью и ощущением безнадежности.

А когда выплюнуло, я оказалась висящей под потолком какой-то каморки. Внизу на постели лежала молодая девушка. Простоволосая, в ночной сорочке. Молоденькая совсем. На вид лет восемнадцать, не больше. Правильные черты лица, чуть пухлые губы, смуглая кожа, лебяжья шея. На шее уродливым клеймом красовался след от удавки. И спрашивается, что ей на свете не живется? Не уродина, не калека, не старуха…

Смерть же, у которой эта девушка, видимо, была постоянной клиенткой, стукнула косовищем об пол, отчего дух суицидницы отделился от тела.

— Рейнара Эрлис, твоя душа все так же настойчиво хочет покинуть этот бренный мир?

Наблюдая эту сцену, я сначала слегка удивилась формулировке вопроса, а потом поняла, что он как нельзя точнее отражает суть происходящего: да, покидает этот мир именно дух девушки, а тело остается в мое пользование.

— Да, всецело и полностью! — Пылкий ответ полупрозрачной девы оказался в духе юношеского максимализма.

Эфемерная суицидница так и не заметила меня, притаившуюся в углу. Все ее внимание было поглощено Смертью, которая что-то набирала у себя на планшете.

— Ну, раз ты так просишь… Пошли. — И костлявая протянула руку мятежной душе.

Полупрозрачная точеная кисть коснулась скрюченных пальцев, и они обе исчезли. Просто растворились в воздухе.

Я осталась наедине с телом. И как прикажете быть? Хоть бы инструкцию оставили, что ли, или напутствие в двух словах.

Памятуя о том, что мозг может продержаться без кислорода не более пяти минут, а потом наступает некроз, не стала терять

времени даром. Подлетела к телу, дрыгаясь, как космонавт в невесомости, и попыталась улечься на него. Авось удастся воссоединить душу и тело.

Но то ли душа у меня была шибко грешная и тяжелая, то ли плотность этого тщедушного тельца подкачала. В общем, я позорно провалилась сквозь него на пол, а оттуда у меня были все шансы улететь и на нижний этаж. Но вовремя затрепыхалась, затормозила и пошла на второй заход, повторяя, как мантру, фразу, которая бы идеально подошла импотенту, попавшему в публичный дом: «Сейчас у меня получится, все получится…»

Увы, и на этот раз ничего не вышло. Определенно, я делала что-то не так. Но что?

— В голову залезай, дурында, — раздался приглушенный старческий смех.

Как говорила моя бабка Софа: «Умными советами разбрасываются только дураки», правда, она имела в виду, что дают эти самые ценные указания чаще всего люди недалекие, а вот от истинного душой еврея дельного слова за просто так не получишь. Но отчего-то окружающие считали, что она подразумевает: «Нужно следовать тому, что умный человек толкует, а не отбрасывать его совет». И хотя я чаще всего была согласна с трактовкой бабули, сейчас все же решила не пренебрегать напутствием Смерти и ввинтилась в голову той, кому жизнь оказалась не мила.

Гамма ощущений, что я сразу же испытала, была далека от приятной. Горло жгло, тело ломило, на грудь словно булыжник положили. Руки болели, ноги сводила судорога, и… это было здорово, потому как означало — я снова жива!

Захотелось рассмеяться, но изнутри вырвался то ли всхлип, то ли стон, а шею словно обвил раскаленный железный хомут.

В коридоре послышался звук шаркающих шагов. Дверь со скрипом приоткрылась, и сварливый женский голос произнес:

— А, очнулась-таки…

Слова звучали как-то странно, но суть сказанного я поняла.

В ушах почудился шепот костлявой: «Ты упорная, я таких люблю. Оттого лично от меня тебе два подарка, и этот — первый». Что за «этот», до меня дошло не сразу, а когда поняла, что подразумевалась способность понимать местную речь… Захотелось спросить, что собой представляет второй. Рекомендательное письмо? Или сифилис в крови этой Рейнары? У чернобалахонницы хватит чувства юмора на оба варианта.

Попыталась озвучить свои мысли, но удалось лишь прошипеть на манер гадюки:

— Шшшто ты… — на большее меня не хватило.

Зашедшая же в палату женщина, решив, что я обращаюсь к ней, оживилась:

— А я думала, что наутро за некромантом придется посылать, чтобы, значится, сотворил заклинание по тебе. Духовнику же молитв читать нельзя. Самоубийца как-никак… А ты гляди же, выжила. И чегось, спрашивается, в петлю-то лезла? Или решила — в тот раз с утоплением не получилось, удавка лучше будет?

Я закашлялась рваным, надсадным с хрипом кашлем.

— Вот-вот, в следующий раз умнее будешь, — прокомментировала мои терзания посетительница.

Это она на что сейчас намекала? На новую попытку? Дескать, подумай: яд-то он вернее, и шея после него не болит.

— Где я? — прошипела, сделав неимоверное усилие.

— Там же, где и в первый раз была: в целильне Святой Себастьяны.

В воспаленном мозгу пронеслось: «Некромант, целильня…» Похоже, я попала значительно дальше, чем ожидала.

А еще запоздало закралась мысль: почему юная девушка так упорно пыталась умереть? Не из-за того же, что туфельки с новым платьем не сочетаются…

Когда судьба вырывает из привычной жизни и кидает в неизвестность, есть три пути: эволюционировать, мимикрировать, слившись со средой, или умереть. Последнее я пережила совсем недавно и повторять подвиг на бис не хотелось, первое было весьма проблематично в сжатые сроки. Оттого я решила прикинуться шлангом и не отсвечивать. А для пущей убедительности сделать вид, что лишилась памяти. Ну и части мозгов заодно. Ведь с альтернативно одаренных не только спрос меньше. Говорят, и жизнь так наладить легче. Проверим. А то красный диплом экономa меня довел лишь до работы, а та, в свою очередь, — до ручки.

— Ничего не помню… — начала отыгрывать роль, столь нежно любимую всеми латиноамериканскими сценаристами.

Поднапрягла память, вспоминая всех Хуанит, Марий и Терез, что обожали валяться в отключке и приходили в себя аккурат с этой фразой на устах. Вот только у них она звучала не хуже горного ручья. У меня же выходило какое-то надсадное карканье. Надеюсь, так будет не всегда.

Меж тем собеседница (кстати, кем она была: сиделкой, сестрой милосердия, бдительной уборщицей?) впечатлялась. Правильно, навряд ли она закалена мыльными операми, где в течение ста сорока серий героиня лежит в коме, а на протяжении последующих двухсот тридцати — приходит в себя. Женщина всплеснула руками:

— О, Пресветлая Владычица, неужто и правду память совсем отшибло?!

Не знаю, кому был адресован вопрос. Наверное, все же этой блондиночке-властительнице, я-то со своей позицией точно определилась: ничего не знаю, ничего не помню, и все тут.

Впрочем, ответа вопрошающая и не ждала. Она подошла ближе, положила прохладную руку на лоб и, причитая: «Ой ты же бедная… а может, оно так и лучше все…» — начала то ли проверять, нет ли у меня жара, то ли убирать мокрые пряди с чела.

Под эти ахи-вздохи мое сознание медленно, но верно начало уплывать, и я провалилась то ли в бред, то ли в сон.

Второе пробуждение оказалось куда удачнее первого: хотя бы не выворачивало наизнанку, а боль в теле была хоть и ощутимой, но вполне терпимой. Вот только шею все так же немилосердно саднило.

Первое, что увидела, медленно открыв глаза, — беленый потолок. Кривенько так беленый, причем не единожды. С явными следами мазков свежей известки по точно такой же, но почерневшей то ли от сырости, то ли от копоти. Стены с облупившейся краской. Рассохшуюся оконную раму стрельчатого окна. Занавеску, знававшую свою юность как минимум полвека тому назад. А еще наличествовали предметы, явно намекавшие на то, что сия обитель сочетает в себе не только гостиную, спальню и трапезную, но и ванную: у стенки скромненько квартировал рукомойник.

Перевела взгляд и поняла, что недооценила степень удобств «люкса». Не только рукомойник, а полноценный санузел: недалеко от кровати гордо стоял ночной горшок. С замызганной крышечкой, зато розовый.

А справа от моего ложа находилась вполне себе приличная тумба. Из цельного дерева. Лакированного. На контрасте с этим единственным приличным элементом интерьера все остальное выглядело еще более убого и затрапезно.

Глиняная кружка с водой, две заколки, потрепанная то ли тетрадь в кожаном переплете, то ли ежедневник…

Стало любопытно: смогу ли я что-то прочесть? Раз уж местную речь понимаю.

Да, совать нос в чужие вещи нехорошо, но мне позарез нужно знать хоть что-то, чтобы суметь сориентироваться.

Трясущейся рукой взяла книженцию. Ни названия, ни надписи. Лишь на потертой коричневой коже, словно выжженная тонкой раскаленной иглой, монограмма по центру в окружении вязи. Положила перед собой находку и попыталась открыть.

Книга перевернулась целиком, на манер монолита. Создалось ощущение, что все страницы разом склеились. Занятно. Может, я не рассмотрела защелки? Пригляделась. Да вроде нет.

Взгляд блуждал по коричневой коже, по книжному корешку, а потом случайно упал на запястье. Смуглое, тонкое и… с татуировкой, точно повторяющей монограмму на обложке.

Сначала я испугалась: если и вещи, и люди имеют одинаковые метки… Словно и я, и книга принадлежим кому-то одному.

В районе желудка появился ледяной комок. Заставила себя глубоко вдохнуть и медленно выдохнуть. Запаниковать я всегда успею, как и впасть в уныние. А пока есть время, нужно подумать.

Машинально положила руку на книженцию, отчего рисунки соприкоснулись. Легкое тепло пробежало по предплечью. Уставилась на свою находку, которая вроде как даже попухлела, и решила попробовать еще раз.

На этот раз страницы не слипались и даже наоборот: услужливо распахнулись в середине. Бисерный, явно женский почерк вел диалог с бумагой.

> «22-е цветня 5947 года.
>
> Дорогой дневник, лишь тебе я могу рассказать о нем. Таком чудесном, красивом и замечательном! Я увидела его только сегодня и поняла — влюбилась!
>
> Сегодня в наш городок приехал отряд по зачистке. Мы с Сорией и другими девочками из гимназии ради такого решили сбежать с уроков, и не зря! Весь наш городок собрался, чтобы встречать спасителей, которые должны избавить честных жителей от кладбищенской напасти…»

Я читала откровения молодой девушки, впервые влюбившейся, даже не обращая внимания на то, что строки написаны явно не кириллицей. Мозг лишь машинально отметил: скорее всего, механические навыки тела, к коим относятся чтение, езда на велосипеде, умение плавать… Они не зависят от души и достались мне «в наследство» от предыдущей владелицы.

Сейчас меня гораздо больше интересовала жизнь некоей Рейнары Эрлис. Знания необходимы как воздух, иначе я очень скоро окажусь либо в сумасшедшем доме, либо на приеме у экзорциста. Это уж какую методику лечения в данном мире практикуют.

А чтение с каждой страницей становилось все занимательнее.

Некий Темный Эрвин Торон (да-да, именно так она и писала, с заглавной буквы все три слова) походя покорил сердце юной

гимназистки. Сначала думала, что Темный — это масть вроде блондина или шатена, но дальше проскользнуло упоминание о его волосах «цвета золота». Потом решила, что это прозвище, подобное Хромому Дику или Пьянчуге Тому, но, как позже выяснилось, это была принадлежность к виду магии.

Так вот, этот блондинчик (как я про себя окрестила этого Эрвина) стал навязчивой мечтой Рейнары. Она влюбилась в него без памяти и умудрилась провести с ним ночь. На что рассчитывала, я вначале не поняла, пока не дошла до строк:

> «Я думала, что он, как честный и порядочный человек, после всего, что между нами было, женится на мне. Иначе мое имя по его вине покроется позором, о чем и сообщила Эрвину наутро. А он… он лишь посмеялся, сказав, что это я к нему пришла, что это еще неизвестно, чья честь пострадала больше… Мне ничего другого не оставалось, как рассказать обо всем отцу в надежде, что батюшка найдет управу и, может, уже к вечеру я стану носить фамилию Торон…»

Дальше чернила расплывались. Видимо, хозяйка больше плакала, чем водила пером по бумаге, но общий смысл понять удалось.

Папочка, вместо того чтобы молчать, попер на залетного молодчика, как бык на красные «жигули», не подозревая, что машина — вещь хоть и не очень прочная, зато бегать на своих покрышках может гораздо быстрее, чем парнокопытная зверюга. В итоге к вечеру отряд по этой самой таинственной зачистке уехал.

Я же больше всего сожалела о том, что дневник юной барышни в период полового созревания — это вам не отчет, где все сухо и по делу. Тут в основном Рей изливала свои чувства и впечатления. Так и не поняла, что за зачистка? Кого они почистили? Ясно же, что не ковры… А вот Рей осталась, как и слух о том, что дочка одного из уважаемых, пусть и небогатых семейств города, больше и не девица никакая вовсе.

Сплетня полилась по ушам и закоулкам, обрастая все новыми подробностями. Отец краснел за дочурку, хмурился, грозил монастырем, но именно что грозил, спуская пар. У меня даже закралась мысль, что не иначе сам по юности был грешен.

Зато маменька этой Рей развернулась вовсю. Как и младшие сестренки, которым выходка старшей грозила почетным статусом старых дев. А кто посватается к тем, чья старшая сестра честь не блюла? Вот если бы их приданое не умещалось в паре-тройке чемоданов, а выражалось в дюжине заводов-мануфактур, тогда другой коленкор, а так…

От Рейнары отвернулись и подруги, посчитав, что приятельские отношения с «блудницей» могут бросить тень на их репутацию.

День ото дня записи девушки становились все мрачнее. Маленький городок, строгие нравы, семья, где мнение окружающих и приличия ценятся выше чувств родных. Выслушай хоть кто-то глупую девчонку, которой лишь недавно стукнуло восемнадцать, не стала бы она топиться из-за своей несчастной любви, разочарования в идеале и осуждения толпы.

Невольно сравнила эту самую Рей с собой. У меня в анамнезе когда-то тоже значилось это первое и, как тогда казалось, взаимное чувство. Но, как говорится, чем печальнее первая влюбленность, чем она больнее, тем больше ценишь истинную любовь, не спутаешь ее со страстью или поклонением.

У Рей это была именно влюбленность, и с самого начала стало понятно, что безответная. Из описания ее кумира выходило, что этому Эрвину около двадцати семи, он красив, умен, имеет титул и деньги, а для полного счастья ему не хватало лишь одного — обручального браслета (над последним я мысленно хмыкнула). Увы, с девушкой не оказалось рядом никого, кто бы это ей объяснил, как в свое время мне мама, когда увидела дочь заплаканной. А надо-то было сесть, обнять и выслушать, ничего не говорить, просто быть рядом. Молчаливая поддержка порой действует лучше самых умных слов.

Когда в голове ума еще не поднакопилось, а давят со всех сторон, то самый простой выход — сбежать. Но если одни предпочитают вояж по миру, то другие — к праотцам.

Рей, не иначе из чувства: «Вот умру, и вы все будете плакать, я была хорошая, а вы не ценили», — решила воплотить в жизнь второй вариант.

Первый заход закончился неудачей: утонуть в пруду (а плавать, как оказалось, девица не умела, потому что ни разу в жизни не пробовала), воды в котором по плечо, было весьма проблематично, но Рей старалась. Даже камень на шею привязала, сигая с мостков. Наглоталась знатно, до остановки дыхания. И встретилась с костлявой в первый раз. Та, знамо дело, дала ей от ворот поворот. А еще в качестве комплимента от шеф-повара — пендаль для ускоренной реабилитации. То бишь зажили на недоутопленнице все ссадины как на собаке. И даже воспаления легких Рей не подхватила, хотя вода в пруду была — далеко до парного молока.

Потом на рандеву с костлявой девица набивалась при помощи укуса ядовитого паука (как ей самой казалось). Мне же отекшая гортань и пятна по всему телу больше напомнили

описание симптомов анафилактического шока. А рисунок паука, крестовика-переростка, на одной из страниц дневника и вовсе уверил в правильности догадки. Портрет представителя членистоногих с печальной подписью «несостоявшийся убийца» занимал целый разворот.

Дальше по чистой случайности шла взбесившаяся под девушкой лошадь. Думается, что при третьей встрече костлявая поставила напротив Рей пометку «постоянный клиент». И вот сейчас петля…

Мне оставалось несколько страниц, когда в коридоре послышались голоса. Один — той самой ночной визитерши, второй — категоричное и неприязненное сопрано.

Едва успела спрятать дневник, как дверь отворилась.

— Уже пришла в себя? — бросила с порога сухая чопорная женщина. — Даже покончить с собой нормально не можешь!

Все в ее облике: и тонкие поджатые губы, и неестественно прямая осанка, и черная вуалетка (траурная?), и строгое платье в пол в стиле Марии Складовской-Кюри — меркло по сравнению с флюидами презрения, которые она излучала так же убийственно и беспрестанно, как кусок полония — бета-частицы.

— А вы, собственно, кто будете? — осведомилась я, старательно скрывая, что каждое слово для меня — как нож в горло.

— Как — кто? Твоя родная мать!

«С такой матушкой и врагов не надо», — успело промелькнуть в голове, прежде чем я услышала:

— И раз уж ты очнулась, собирайся. Отныне ты больше не будешь выставлять нашу семью на посмешище. Отец оплатил взнос, чтобы тебя приняли в обитель Святой мученицы Азазеллы как послушницу…

Из всего услышанного я поняла только одно: в секту не пойду! А как иначе назвать монастырь, где есть членский взнос?

Я не для того вела переговоры со Смертью, чтобы остаток жизни коротать в монастырских стенах. Опустила взгляд на одеяло. Если месть — дитя злости, а изворотливость — сестра жажды жизни, то сейчас в моей душе эти родственницы собрались на срочный семейный совет.

Мозг лихорадочно соображал. Притвориться, что лишилась чувств? Трюк бы сработал, но только не в лечебнице, где симулянток раскрывают на раз. Сопротивляться? Не факт, что я на ногах смогу устоять, не то что нокаутировать эту маман. А что, если… Лучшая ложь — полуправда.

Судя по тону этой «добросердечной» родительницы, она привыкла к беспрекословному подчинению. Такая если скажет:

«Лети!» — разрешается лишь уточнить: «На какой высоте?»

— Да, конечно. — Я постаралась придать голосу как можно больше кротости и смирения, добавив: — Как скажете, маменька. — Последние слова выдавила из себя, как хирург — гной из фурункула: не жалея больного. Пусть горло жгло, главное, чтобы интонация не подкачала.

Правда, взгляда от одеяла все же не отрывала, боясь, что глаза могут выдать мои истинные, исключительно членовредительские чувства.

В хорошей постановке за репликой должно идти действие. Так, например, за восклицанием: «Бедный Йорик!» — лобзание черепа из папье-маше, после легендарного: «К нам едет ревизор!» — тараканьи бега и уничтожение двойной бухгалтерии, в индийском фильме за ритуальной фразой: «Ты моя сестра, у тебя такая же родинка на щеке…» — танец всех со слоном, или на слоне, или вместо слона…

Я решила последовать заветам Станиславского, Эйзенштейна и Хичкока, посему медленно откинула одеяло и начала вставать, демонстрируя всем своим видом согласие с уготованной мне участью.

— Поживее! — поторопила маман.

А я, когда начала вставать, поняла, что все же сумею вытянуть роль обморочной барышни, может, даже на Оскар: перед глазами замельтешили черные точки, а голова натурально закружилась. Но упорство — мое второе имя. Правда, бабка Софа называла эту черту характера упертостью, когда со мной проще либо согласиться, либо пришибить. Я сделала еще шаг в лучших традициях осла, которому если что втемяшится в голову, то фиг перешибешь. Даже лопатой промеж ушей.

Зато перед взором стало уже совсем черно, и я полетела навстречу половицам, радостно поприветствовавшим меня гулким стуком.

Последнее, что услышала перед тем, как сознание окончательно померкло, была фраза родительницы: «Напоите ее тонизирующим зельем, чтобы не умерла по дороге».

Пришла в себя оттого, что меня тащили. Шустро и особо не церемонясь. С обеих сторон под мышки держали два дюжих то ли санитара, то ли вышибалы, что иногда одно и то же.

— Ик! — приветственно выдала я.

На мне скрестились сразу два суровых взгляда.

— Молчу-молчу, — заверила я, пожимая плечами.

Хотя, когда тебя тащат на манер пропойцы, так что ноги волочатся по полу, это сделать весьма проблематично. О том, что я и сама уже в состоянии переставлять ходилки, не стоило и

заикаться.

Может, этим архаровцам нравится тяжести вот так тягать? Тогда не буду лишать их возможности приятно провести время.

Я же с интересом туриста, впервые попавшего в Лувр, начала вертеть головой. Впереди маячила спина, как я понимаю, родительницы, бодро цокающей по гулкому коридору. Последний, к слову, достаточно широкий и не обшарпанный. Не чета моей «палате». На стенах красовались и парадные портреты солидных джентльменов в сюртуках, и камерные — в домашних шлафроках.

От созерцания одежды на картинах перешла к наряду собственному. Меня переодели. И, судя по всему, не родительница — она бы наверняка подавилась своим презрением и гордыней, натягивая на непутевую дщерь платье. Скорее всего облачила меня та лекарка, которую я видела ночью.

Темно-зеленое поплиновое платье в мелкий рубчик с глухим воротом, застегнутое кое-как. По ощущениям, на мне сейчас наличествовали еще и пара юбок с панталонами. Башмаки так и норовили слететь с ног, а смоляная прядь, выбившаяся из косы, перекинутой через мое правое плечо, постоянно падала на лоб.

Впереди показалась дверь. Маман решительно ее распахнула, и по глазам резанул яркий солнечный свет.

Мой почетный эскорт, не сбавляя шага, ринулся в проем, который был явно уже, чем эти два бугая вместе, что уж говорить о довеске в виде моей скромной персоны.

На мгновение я почувствовала себя в родной стихии переполненного метро в час пик, и вот меня уже грузят в экипаж. Учтиво, как воришку средней руки — в каталажку.

Следом в карету забралась родительница и крикнула:

— В обитель Святой Азазеллы!

— Энто в дом скорби, что ли? — уточнил возница прокуренным до печенок голосом.

— Если понял, что переспрашиваешь, дурень? — гаркнула маман.

— Дык того, уточнить, шоб, значится, накладочек не было.

— Пошевеливайся! — полетело из окошка чересчур дотошному местному «водиле».

Колеса заскрипели, меся дворовую грязь, а я поняла: вот он, мой единственный шанс.

— Чего смотришь на меня своими бесстыжими глазами?.. — только и успела сказать матушка.

Карету тряхнуло на очередной выбоине. Я полетела вперед, выставляя локоть. Сил у меня, недокоматозницы, было не больше, чем у кутенка, зато острый локоть, помноженный на массу тела и

толчок от ухаба, сделал свое дело. Маман подавилась криком и засипела, ощущая все прелести удушья.

Когда мы учились в школе, нам повезло с обэжешником. А вот ему с нами — не очень. Класс, в котором двадцать три девчонки и четыре пацана. А учитель — человек военный, хоть и в отставке. Ему нам про самооборону вещать, про поведение с террористом, про то, как вести задушевные беседы с маньяком, реши тот напасть, про первую помощь. А мы — двадцать три языкатые заразы. На одном из уроков, помню, плюнул он и в сердцах сказанул со своим дивным украинским акцентом: «Если вас хотят изнасиловать — спросите, возьмет ли этот злыдень писюкавый вас после сделанного в жинки. Насчет намерений — не факт, что передумает, но пара секунд форы, пока он соображает, у вас будет». На вопрос, а как же приемы самообороны, военрук заявил, что самая лучшая женская самооборона — это быстрые и длинные ноги, которыми надо шустро передвигать в противоположном от нападающего направлении. Но все же под конец урока он тогда расщедрился на демонстрацию: захват кисти и залом под углом. То, что могла при определенной удаче повторить любая из школьниц, наберись она смелости.

Помнится, мы тогда смеялись над Пашкой, который после внедрения одноклассницей Любкой теоретических знаний в жизнь стоял враскоряку, оттопырив руку и краснея. До сего момента этот эпизод мне казался забавным кадром из давнего школьного прошлого. Но вот сейчас я подошла к заплесневевшим знаниям с серьезностью Шлимана, раскопавшего-таки одну из стен Трои. А еще — с верой, что все должно получиться.

Обхватила рукой большой палец маман, резко дернула и выгнула назад.

Глаза противницы округлились, зрачки моментально расширились от боли, но крикнуть она не могла: не позволяло сдавленное горло.

Усилила натиск, наблюдая, как лицо напротив из пунцового становится бледным, а потом и вовсе чуть синеватым.

Убрала локоть и освободившейся рукой стянула со своего платья пояс. Кисть из захвата так и не выпустила, справедливо опасаясь, что пока лишь завеса боли не дает родительнице сопротивляться.

Когда вязала узел, стягивая запястья, мои руки ощутимо дрожали. А ведь нужен еще и кляп. Эта полуобморочная скоро оклемается и заголосит на всю карету.

Взгляд зашарил по экипажу, моему платью и одежде матушки в поисках подходящей затычки.

Кружева на шикарном съемном воротнике было жаль: искусная работа. Тонкое, невесомое плетение поражало своей красотой и мастерством рукодельницы, что его плела. Судя по телодвижениям пришедшей в себя маман, ей тоже не понравилось то, что столь изящную вещицу ее туалета использовали по весьма интригующему воображение любителя БДСМ назначению.

Она отчаянно мычала, выражая протест. Но свое время родительница безвозвратно упустила. Оттого ей оставалось жевать кружево, которое было в этом качестве еще и весьма питательным: крахмала прачки не пожалели.

Со связанными руками теперь уже она зыркала на меня злобным взглядом. Я же заприметила холщовую котомку, которая скромно притулилась под скамейкой. То, что надо!

Когда карета остановилась у ворот, я уже была готова. Решительно распахнула дверцу, не дожидаясь возничего, едва увидев, что к экипажу спешит дородная дама в балахоне.

Я лишь склонила голову в знак приветствия, стараясь подражать чопорной леди.

— Лесса Ония! Я так рада, что вы все же решили поместить свою дочь в нашу обитель. Возможно, разум ее уже не спасти, но за душу девушки мы обещаем бороться… — Толстуха скрестила руки на груди, что, наверное, должно было символизировать светлые помыслы и альтруизм по отношению к ближнему.

Я же лишь криво усмехнулась про себя: неприкрытая патока лести и то легче усваивается.

Тем временем то ли монахиня, то ли привратница местной дурки пыталась рассмотреть меня через вуалетку. Предусмотрительно поднятый воротник закрывал нижнюю часть моего лица…

— А… — начала было она.

Я бесцеремонно перебила, памятуя, что проще всего избежать неудобных вопросов, взяв инициативу на себя:

— У вас есть кто-нибудь, кто смог бы забрать мою дочь? Она упорствовала во грехе, оттого сейчас не совсем способна сама идти.

— Конечно-конечно, — засуетилась сутанница, оборачиваясь и взмахом руки подзывая помощника.

Из глубины двора к нам тут же двинулся мужик. «Все-таки не монастырь, а нечто среднее между богадельней и дурдомом, только с духовниками вместо аниматоров», — определила для себя. Открыв настежь дверцу кареты, я жестом указала на матушку. Ныне на ней красовалось мое платье, руки все так же были связаны, а на голове значился тот самый холщовый мешок. «Кавказская пленница» мычала, извивалась и норовила лягнуть

наугад. Но мужик, похоже, видывал и не такое: вскинул ношу на плечо и без слов пошел обратно.

По тому, как заулыбалась толстуха, поняла, что за «швейцара» тут принято платить отдельно. Потянулась к поясному кошелю. Специально выгребла оттуда все золото и серебро еще перед тем, как приехали. Демонстративно отцепила мешочек с туго стянутой горловиной (зубами затягивала, чтобы сразу не открыть) и подала сестре божественного милосердия.

Та рассыпалась в заверениях, что с моей кровиночкой ничего не случится, она обязательно образумится и поправится. Я же села в карету и бросила кучеру: «На пристань», в последний момент вспомнив: Рей в дневнике писала, что именно туда она с подругами сбежала встречать отряд зачистки. Сейчас я была в замешательстве: морем тут и не пахло, но кто же этот мир знает?

Зато я обладала иным сакральным знанием: подлог скоро обнаружится и начнется погоня.

Экипаж набирал скорость, а душу царапнуло: неужели мать может так относиться к собственной дочери? Может, все же эта ее надменность и желание уязвить — своего рода провокация? Защитная реакция для оправдания себя перед самой собой?

Чтобы дочь ответила резкостью на ее резкость, проявила себя «неугодным и неуправляемым ребенком, которому одна дорога — к специалистам». Тогда бы, вздумай Рей взбунтоваться, она, матушка, уже не ощущала бы вины за то, что решила упрятать дочурку в богадельню.

Но, так или иначе, теперь это уже не мое дело. Мое — гораздо более прозаичное и насущное — процесс удирания.

Дом скорби, как и всякое приличное заведение такого толка, находился за городской чертой. Пока мы ехали сюда, мне было слегка не до любования пейзажем за окном. А вот сейчас, отодвинув шторку, я могла наблюдать, как чахлые деревца, навевающие мысль о болотах, сменяются перелесками, а потом и вовсе полями. И наконец появился город. Точнее, городок. Сначала ветхие лачуги, окольцевавшие более богатый центральный район, подобно ассасинам, измором бравшим Иерусалим. За домами бедноты на холмах виднелись вычурные крыши всех возможных цветов. Парочка даже блестела не хуже церковных куполов, что покрывают сусальным золотом. Но больше всего меня поразило не это: да, морем в той дыре, куда меня занесло, и не пахло (во всех смыслах этого слова), но пирс был. И находился он на самой высокой точке. К нему только что причалил дирижабль. Лопасти здоровенной махины все замедляли ход, готовясь к швартовке.

Неровно сглотнула: в свете пережитого я начала слегка

побаиваться высоты. Но оказаться в дурке боялась еще больше. Оттого из городишка, где мою предшественницу довели до самоубийства, надо было делать ноги, а то я их ненароком с такими родственничками протяну.

За окном гомон босоногой детворы с порепанными пятками перемежался с криками луженых глоток, глухими ударами и женской базарной трескотней.

Вокзал — он везде вокзал. Что железнодорожный, что водный, что вот такой вот — воздушный. Едва вышла из кареты, как меня поглотила суета, ввинчиваясь в мозг воплями, проникая в ноздри диким смешением запахов пряностей и нечистот, толкая под локоть спешащими пассажирами.

Да, городок оказался небольшой, скорее разросшаяся слободка, где многие знают друг друга в лицо, но не по имени. Насколько я успела понять, главной, а может, и единственной его достопримечательностью был вот этот вот порт. Он же и базарная площадь, и место казни, если судить по виселице, что расположилась в одном из углов. Последняя в лучших традициях гранд-дамы, для которой выйти в свет без ювелирных изысков — моветон, гордо демонстрировала в качестве драгоценной подвески висельника. Увы, плебс украшением не впечатлился, в отличие от воронья, с энтузиазмом дегустировавшего «шведский стол».

Кучер, спустившийся с козел, чтобы помочь, как он думал, своей госпоже, уставился на меня с выражением энтомолога, которому в сачок попал птеродактиль. По роли мне следовало бы гаркнуть: «Чего вылупился?» — или что там должна вещать госпожа прислуге? Но груз воспитаний, да и банальная разница в возрасте (как-никак возница оказался старше меня едва ли не втрое), претили такому обращению. Оттого я лишь поджала губы, покрепче вцепившись в узелок, что был у меня в руках, и зашагала мимо застывшего соляной статуей кучера.

Все пожитки, которые удалось выудить из того холщового мешка, что украсил голову матушки, поместились в этот небольшой куль: батистовая сорочка, расческа, пара лент для волос, панталоны и чулки. У самой родительницы удалось разжиться звонкой монетой, которую я, памятуя о ловкости воришек во все времена, положила не в ручную кладь, а в самое надежное из хранилищ, личный сейф, так сказать. Оставила лишь пару медяков в узелке.

Идя к пирсу, больше всего сожалела о дневнике: он был если не окном, то хотя бы форточкой, через которую можно изучить этот мир. А так… я даже толком не представляла, как купить билет на этот самый дирижабль: то ли у капитана, то ли здесь

есть что-то вроде кассы.

Сыграть в иностранку, чтобы узнать побольше, не получилось бы по двум причинам: во-первых, меня тут вполне могли узнать, а во-вторых, я просто не представляла, как выглядят здешние «иноземцы». Оставался один выход — изображать потомственную клиническую идиотку. А что, после череды неудачных суицидов — самое то. Вот только, играя роль глупышки, нужно мыслить, как Мата Хари: все запоминать, анализировать и мгновенно реагировать, ибо у всякой дурости должны быть разумные границы, иначе образ становится недостоверным.

Оттого я беззастенчиво глазела по сторонам, прислушивалась к обрывкам разговоров. Наблюдала. Однако мой желудок, в отличие от хозяйки, на роль шпика не подписывался, все громче заявляя о недовольстве диктатурой мозгов над телом, и продвигал свою политическую программу. Суть ее тезисов была проста: жрать! И побольше. Урчание желудка могло посоперничать с брачной серенадой вурдалака, но я крепилась. Крепилась ровно до того момента, пока мимо не продефилировала разносчица с лотком сдобы. То бишь ровно пять минут моей шпионской деятельности.

Тетка, опрятная и честная (пирожки свежие и реанимированные у нее лежали на разных концах лотка и по разной же цене: вчерашние — по медьке, сегодняшние — по две), попалась словоохотливая. Правда, до звона в ушах шумная.

Получив от меня две медные монетки, она на мою полушутку, что такой хорошей сдобой непременно торговать нужно не только в здешнем городе, но и в соседних, рассмеялась.

— А что — махины-то вон, рядом! — Я махнула рукой, показывая на один из дирижаблей. Не знаю, как они тут точно называются. Ляпну что-нибудь не то, и выкручивайся потом. А механическая монстра — это всем и понятно, и суть отображает. Здесь главное — интонация. Игривая, словно старую байку травишь. — Возить-то можно…

— Ну и шутница, но на добром слове спасибо, — выдавила из себя торговка, от смеха хлопая по груди пухлой рукой. — У лоточницы Эйзы и правда пирожки вкусные, все знают, но в соседней Алерте по цельному серебру за них платить никто не будет.

На мое удивленное «по серебрушке?» дородная тетушка пояснила, что капитаны-то и по десять злотней за провоз содрать могут, если до имперской столицы.

На том и расстались: я — жуя пирожок и думая о местных тарифах на провоз, она — довольная похвалой.

Хороший бухгалтер может найти недостачу даже в запятой и

сделать так, чтобы бюджет был лично ему должен. Я, увы, пока таких высот не достигла, но из короткого диалога сделала несколько выводов. Во-первых, договариваться о проезде надо непосредственно с капитаном. Во-вторых, суммы, которой я располагала, надолго не хватит.

— Па-а-абергись! — прозвучало откуда-то сбоку.

Крик тут же потонул в грохоте. Я успела повернуть голову и заметить, как канат, что держал бочки, лопнул, и они одна за другой покатились по сходням.

Боясь оказаться на их пути, отскочила в сторону. Вовремя. Одна из беглянок чуть отбилась от товарок и поперла ровно на то место, где я только что стояла.

Пока я осознавала, что по мне едва не прошелся аналог катка, меня в бок резко толкнули, а потом из рук дернули узелок. Опешив в первое мгновение, я выпустила свою поклажу, к которой тут же приделали ноги. Две такие шустрые голые ноги оборванца, тут же скрывшегося в толпе.

«Ворье мелкое!» — подумалось со смесью злости и удивления. Наверняка решили, что у меня в узелке и остальные деньги, раз оттуда медяки доставала, чтобы расплатиться с лоточницей. А потом истерично хихикнула, представив лица щипачей, добыча которых — панталоны. Отряхнула ладони, одернула юбку, что чуть задралась, обнажив шнурованные сапожки. Их, к слову, я также позаимствовала у матушки взамен расхлябанных башмаков. И пошла наугад к одному из четырех пришвартованных дирижаблей.

Из разговоров у причала уяснила, что ближайшая махина отбывает пополудни.

Судя по тому что солнце ощутимо припекало макушку, — это совсем скоро. Вот только как договориться, чтобы меня взяли на борт?

Оглядела матросов, как я окрестила про себя рабочих, что сновали с палубы и обратно, и приметила троих мужчин, одетых приличнее остальных. Не мудрствуя, решила подняться по трапу, но едва ступила, меня тут же остановил прокуренный голос:

— Куда надо, красавица?

Обернулась. Рядом стоял коренастый мужичок мне по плечо. Чубук во рту, окладистая борода, молот, притороченный к поясу. И взгляд с хитрым прищуром, как у потомственного маркетолога. Когда только незаметно подойти успел?

ГЛАВА 2

— А куда вы идете? — Вопросом на вопрос отвечать невежливо, зато удобно.

— На юг, в Эйссу, — сказал, прикрякнув, собеседник.

Да он и сам чем-то напоминал селезня, упитанного и матерого.

— Ну, значит, и мне туда. Сколько за провоз возьмете? — не стала этикетничать и разводить турусы на колесах, а перешла сразу к сути.

— Про это не со мной толковать надобно. — Мужичок приосанился и добавил: — Я хоть и старпом, но кого брать, а кого нет, решает капитан. — Вынув трубку изо рта, он указал ею на палубу.

Там рядом с орудийным портом стоял мужчина. Высокий, стройный, с короткой светлой косой и одетый с иголочки, словно лорд на променаде. Парчовый камзол, застегнутый на все пуговицы, неестественно прямая спина, надменное выражение лица — зануда и педант, одним словом.

— Ну, значит, мне к нему, — подвела я итог.

— Мы вообще-то грузовое судно… — полетело мне в спину.

Но меня такая мелочь не остановила.

Подходя к капитану, стоявшему ко мне вполоборота, я все более сомневалась. Еще издали он мне показался странным, но я списала это на обман зрения. Но нет. У этого блондина уши и вправду были длинные и заостренные, а кожа — едва ли не алебастровой. И это притом, что все матросы выглядели как заядлые посетители солярия. Да и пропорции слишком изящны для мужчины. Такие только у дистрофичных топ-моделей и встречаются…

Я кашлянула, привлекая внимание, и поздоровалась:

— День добрый!

Ноль эмоций. Капитан как уткнул свой флюгер, разглядывая площадную суету, так и не повернулся ко мне. Нос у него, к слову, тоже выдающийся: прямой, чуть заостренный…

Я решила, что кашлять и дальше, изображая первую стадию туберкулеза, бессмысленно. Наушников от плеера у этого капитана в его острых локаторах нет, да и глухотой-немотой он вроде страдать не должен (а как команды-то матросам отдавать?).

Замороженность, а вернее, отмороженность капитана встретилась с еврейским терпением и русским упорством. Бабушка Софа всегда говаривала: «Ирочка, когда у тебя с первого раза что-то не получается, вспомни Моисея: он сорок лет водил

народ Израилев по пустыне. И таки нашел Землю обетованную». Правда, после этого она добавляла: «А если бы еще и не кружил по пескам, а шагал прямиком в Сибирь, то мы бы сейчас были не только самой умной, но и самой богатой нацией! Подумать только, за сорок лет скитаний выбрать единственное место на Аравийском полуострове, где нет нефти!»

Вот и я, не обделенная главными чертами ишака, начала молча разглядывать капитана. И мысли отчего-то в голове гуляли исключительно с пометкой «восемнадцать плюс». Нет, не эротического содержания и не членовредительского. Но, рассматривая тонкие запястья этого мужчины, перстни на его пальцах, аккуратные белоснежные манжеты, гладко выбритый подбородок и прическу, в которой волосок лежал к волоску, я все более убеждалась, что передо мной гей. Нет, не тот жеманный мальчик, тянущий слова, которого принято изображать, а взаправдашний. У меня одногруппник Алекс был таким, из любителей небесной синевы. Так вот: ничто в нем не выдавало гея. Ни манера говорить, ни «бабские замашки» наподобие призывного виляния бедрами или жеманства — ничего этого не было. А вот ухаживал он за собой с тщательностью. Особенно за руками: кутикула всегда подстрижена, бесцветный лак. Опять же всегда гладко выбритый, одежда в тон, стильная.

Вот и сейчас, увидев подобное, я непроизвольно провела параллели. Подумалось, а какой у него должен быть друг? Воображение отчего-то нарисовало картину, как капитан и Алекс идут под ручку и мило беседуют. Об устройстве инжекторного двигателя, например. И тут руки капитана резко сжались, он развернулся ко мне и, поджав губы, произнес:

— Даже думать об этом не смейте!

— О чем? — Я решила, что блондин говорит о том, что не возьмет меня к себе на дирижабль.

На всякий случай невинно захлопала глазками и придала лицу выражение раскаяния: а-ля кот из «Шрека». Умыкнутого узелочка для достоверности картины не хватало. Он бы замечательно смотрелся, поднесенный к моей груди. Оттого я просто начала заламывать руки, надеясь, что это сойдет за крайнюю степень смятения, а не за попытку самостоятельно вывихнуть пальцы.

— О вашей бурной фантазии, юная барышня. Чтобы вы знали, я не мужеложец…

И тут до меня, как Интернет до папуаса, начало доходить: этот топмоделистый что, мысли читает?

— Да, читаю, чаще всего спрашивая позволения, — подтвердил капитан. — Но вы думаете слишком громко. И

неприлично.

А я враз ощутила, как у меня под кожей начали шевелиться жуки. Противные, ввинчивающиеся в мозг, зудящие до такой степени, что хотелось выдрать волосы, расковырять кожу и достать их.

— Прекратите! — не выдержала я.

— Вы доставили мне неприятные минуты, теперь я — вам, — отчеканил капитан.

С языка не сорвалось, но подумалось весьма заковыристое ругательство. Из тех, что порой доносились из ремонтной ямы в папином гараже, когда отец чинил машину и думал, что его никто не слышит.

Губы капитана скривились, и он процедил:

— Всегда считал, что у людей невелико различие между портовой девкой и высокородной леди. И в этой истине убеждаюсь вновь и вновь…

— Как будто сам не человек, — выплюнула я.

Собеседник натурально оскорбился:

— Посчитать меня человеком? Чистокровного эльфа?

Видимо, копаться в моей голове он только начал, а иначе бы понял, что перед ним стоит весьма занятный экземпляр с воспоминаниями не из этого мира.

— Эльф — не эльф, а вторгаться в приватность, — вспомнила я мудреное выражение начала прошлого века, — и читать чужие мысли без позволения — все равно что лазить по помойке и обижаться, что там отбросы, а не изысканные яства.

Я уже понимала, что на этом дирижабле мне не лететь, так хоть душу отведу. Словно вторя моим мыслям (хотя почему «словно»? — наверняка именно на них и отвечая) белобрысый выплюнул:

— У меня лишних мест нет.

Я же, не думая, ляпнула наугад:

— А лицензия на телепатию, значит, есть? — Хотела лишь уязвить, но по тому, как на долю секунды поджались губы эльфуса, как он скривился, поняла: попала в яблочко.

Напевать про себя песенку: «Тот, кто ел арбуз, чуть быстрей играет блюз», одновременно шантажируя капитана, оказалось не легче, чем лечить язву алкоголем. Теоретически — нельзя, но практически — можно, хотя и очень болезненно. Но это форменное издевательство над мозгами (как моими, так и эльфячьими) дало свои плоды. Мы сошлись на том, что я молчу про то, что этот «чистокровный» копался у меня в голове без разрешения, а он берет меня в качестве пассажирки. Правда, ушастый стребовал уплату за провоз. Десять золотых. Вперед. И

протянул руку.

Я в недоумении уставилась на раскрытую ладонь.

— Просто пожми руку, и мы скрепим стандартной клятвой договор, — процедил он.

Я подчинилась. А что такого? Мне слов не жалко. Они не кровно заработанные бумажки с Ярославлем, чтобы тратить их с сожалением.

Клятва чем-то напомнила мне договор купли-продажи: стандартная, длиннющая и занудная речь о том, что капитан Рихейнэль берет на себя роль перевозчика, второй обязуется оплатить услугу и прочая. Даже форс-мажор был указан: если попадем в шторм и разобьемся, то, гражданин пассажир, не обессудьте. Вот только когда запястье обожгло огненной змейкой, поняла: одними словами здесь, в этом мире, не ограничиваются.

Я рассматривала руку, на которой мгновение назад вспыхнуло кольцо огня, а эльф буравил меня взглядом. Разрозненные слова в моей голове не желали связываться в мысли, а предложения ломались как трехдневная маца. Наверное, оттого ушастый сказал прямо:

— Нужно заплатить. Десять золотых. — И уставился так с интересом: откуда я их буду доставать.

Я очнулась от медитации на запястье и воровато огляделась. Деньги у меня были, вот только доставать их…

— А можно я с вами расплачусь в каюте? — Я кивнула на приоткрытую дверь.

Эльф же от такого закашлялся.

— Нет, — отрезал он, придя в себя. — Либо платите здесь и сейчас, либо наше соглашение теряет силу, но вы все равно молчите.

— Здесь так здесь, — обреченно протянула я и задрала подол до колена.

На капитанское возмущенное: «Что вы себе позволяете?» — я лишь фыркнула и начала споро расшнуровывать сапог. Матросня глазела на нас со все более возрастающим интересом.

Эльф же, судя по его виду, был близок к тому, чтобы просто вышвырнуть меня с дирижабля, когда я достала из голенища десяток золотых и протянула ушастому. Рахель, как я мысленно сократила имя капитана, не отшатнулся от денег, имевших чуть специфический душок. Лишь едва скривился и жестом подозвал одного из матросов:

— Гримо, проводи госпожу во вторую каюту на нижней палубе.

Сам же капитан развернулся ко мне спиной, всем своим видом показывая, что разговор окончен. «Не больно-то и

хотелось», — подумала я. Когда уже уходила, вслед мне полетело:

— Надеюсь, что за время полета мы с вами будем видеться как можно реже.

— Всенепременно, — процедила я сквозь зубы.

Вопросов становилось все больше и больше, но как найти на них ответы? Я уже спускалась, когда до слуха с палубы донеслось: «К вам на дирижабль поднималась девушка. Где она?» Голос был знакомым. Матушка. Быстро же она…

Резко развернулась на каблуках. Кровь застучала в ушах, словно мне со всей дури всадили в ягодицу шприц с адреналином, а потом для верности приласкали включенным электрошокером.

Плюнув на матроса, который, не оборачиваясь, все так же шагал впереди, я крадучись направилась к лестнице.

Выглянула, как из окопа. Вид разбитых ботинок, подола знакомого платьица и сапог, в которые были заправлены зеленые мужицкие портки, наводил на мысль, что матушка, как истинная ведьма в душе, быстро сумела найти общий язык с духовенством. Ибо на кострах в эпоху инквизиции чаще всего сжигали просто красивых девушек, оклеветанных отвергнутым парнем или завистницей-соседкой. Настоящие злодейки, как та же леди Винтер, оказывались достаточно умны, чтобы прикрыться словом Божьим.

Вот и моя матушка умудрилась примчаться из обители в рекордные сроки. Причем не одна, а с силовой поддержкой в виде детинушки-санитара. Небось еще и пообещала звонкую монету и за помощь, и за срочность.

От эльфуса мне тоже были видны одни сапоги. Внушительные такие, с бронзовой вычурной пряжкой, добротные. Расставленные на ширину плеч, они свидетельствовали о привычке их носителя упреждать коварство качки и сохранять равновесие.

— Вы обязаны ее выдать! — Голос, ввинчивающийся в уши визгливыми нотками, все набирал силу.

Ответ капитана волнорезом рассек шквал дамских эмоций:

— Это торговый дирижабль. Не в моих правилах брать пассажиров. — Слова, подобные ледяной крошке, которую высыпали за шиворот, заставили поперхнуться матушку очередным «должны».

— Но… — начала было она, когда эльфус ее бесцеремонно перебил:

— Я все сказал. И требовать на моем дирижабле вы ничего не можете.

— Я-то нет, — не сдавалась маман, которую моя рокировка довела до белого каления настолько, что она, судя по ее настрою,

готова была самолично меня удушить. Причем не в метафорическом смысле. — Но со мной тот, кто осенен дланью святой Азазеллы!

Для меня хоть осененный дланью, хоть ею пришибленный — все было едино: не разбиралась я в местных уровнях власти. Но со слов родительницы выходило, что это не просто медбратик, а что-то вроде представителя закона.

— Что ж, тогда вам должно быть известно, что маги не подчиняются дланникам, будь они хоть из обители святых, хоть правой рукой самой десницы Пресветлой.

Послышалось шуршание парчи: то ли эльф доставал что-то из камзола, то ли его распахивал.

— У меня лишь один вопрос. Та девушка, которую вы преследуете, она убийца или воровка? — В голове слышалась явственная насмешка, словно говоривший знал ответ.

Хотя, может, и знал: в мозгах-то он у меня пошарил.

— Нет. Но она помешанная… — начала гнуть свою линию родительница.

Эльф хмыкнул:

— Если бы всех ненормальных заключали под замки, то свободных людей не осталось бы, поскольку быть нормальными, усредненными по всем параметрам, а значит, абсолютно одинаковыми — не в людской природе…

Не иначе остроухого потянуло на философствования? Хотя сейчас он определенно более походил на классический образчик эльфа, чем когда мы общались тет-а-тет. Тогда капитан произвел на меня впечатление обычного надменного засранца. Впрочем, с весьма деловым подходом.

Ноги в зеленых штанах начали переминаться, словно их обладатель понял: здесь ему дали от ворот поворот. Зато башмак гулко ударил стоптанным каблуком о палубу:

— Я просто так не уйду отсюда! И не имеет значения, что вы маг и капитан корабля. Важнее то, что вы нелюдь и находитесь на территории империи, а значит, должны подчиняться нашим законам и длан…

Капитан опять невежливо ее перебил, не оправдав гордого звания пресветлого.

— В первую очередь я маг, — отчеканил он.

Ого! Судя по его тону, матушка затронула больную тему. И если раньше, как я полагала, капитана держали слова нашего договора, то вот сейчас, по его этому «я маг», стало очевидно: взыграли личные обиды.

Из последовавшей реплики поняла, что угадала.

— Даже если она и у меня, — нарочно решил потравить

маман эльф, а заодно — пощекотать мне нервы, — я нахожусь не на территории империи, а лишь в ее воздушном пространстве, оттого мои матросы просто могут выкинуть вас за борт как воров, что тайком пробрались в частные владения…

Если до этих слов я испытывала к эльфу что-то сродни благодарности, то теперь все испарилось, как лужа воды в пустыне Гоби: быстро и безвозвратно.

Закусила губу в ожидании словесного выпада родительницы, и тут между мной и процессом подслушивания, как обком между двумя синагогами, вклинился матрос. Он дернул меня за плечо, разворачивая.

— Лесса решила остаться? — насмешливо пробасил он, прекрасно понимая, что я грела уши.

— Госпожа зацепилась подолом и боялась его порвать, — в тон ответила я, пытаясь незаметно насадить юбку на торчавший из стены гвоздь.

Удалось в самый последний момент.

Матрос лишь понимающе хмыкнул, но сделал вид, что поверил.

Пришлось имитировать, что я усиленно отцепляю ткань от шляпки гвоздя, под хитрый прищур.

Тем временем страсти на палубе накалялись. Маман уже перешла на визг, голос эльфа, напротив, казался не теплее космического вакуума.

Тем неожиданнее прозвучал его окрик:

— Отдать швартовые!

И более приглушенное:

— Мы отчаливаем. Вам как посторонним нужно покинуть корабль, в противном случае — за бортом не вода, а земная твердь…

Каблуки застучали по направлению к сходням, а я выдохнула и уже со спокойной совестью направилась за провожатым.

Когда мы наконец добрались до каюты, он распахнул дверь и звонко хлопнул в ладоши. Под потолком что-то вспыхнуло, озаряя помещение зеленоватым светом. У притолоки завис то ли магический аналог лампочки, то ли шаровая молния в миниатюре.

Чертыхнувшись про себя, искренне понадеялась, что меня не шандарахнет разрядом.

Каюта на нижней палубе была обставлена в лучших традициях ультраминимализма монашеского скита: кровать и стул. Может, смелая дизайнерская мысль и вписала бы сюда еще нишу и стол, но прибивать мебель к потолку — до такого креатива тут пока не додумались. Традиционный же, напольный

способ крепления был проблематичен по одной простой причине: отсутствие места. Вот в таких вот застенках два на полтора метра мне предстояло провести васаби знает сколько дней. Надеюсь, что хоть еда входит в оплату проезда.

Пол под ногами качнулся, и матрос, хмыкнув насмешливо: «Располагайтесь, госпожа», почел за лучшее удалиться.

Я еще постояла чуток, чувствуя себя пресловутым Ванькой-встанькой, что пытается сохранить вертикальное положение даже при немыслимом угле наклона, а потом плюнула на это гиблое дело и легла на узкую койку. Взгляд остановился на стене.

Бок кольнуло. Машинально нащупала рукой то, что упиралось в подреберье. Застежка ремня. Посчитав это намеком судьбы, решила пристегнуться и сделать то, что так настоятельно советовал организм, — поспать.

В объятия Морфея ухнула, как в открытый люк. Жаль, что в программе полета бонусом значились сновидения. Сумбурные, обрывочные, перемешанные. Словно эпизоды из двух жизней взбили блендером.

Выходные на даче с родителями. Шашлыки, веселый смех. И тут же — я сижу за пюпитром в странной одежде и открываю тетрадь, на которой вязью рун значится «эктра Рейнара Эрлис». У соседки по парте точно такая же тетрадь, но подписанная «грефис Миная Нирабли». И откуда-то приходит чувство, что хотя мы с соседкой обе благородные, но я всего лишь эктра, а Мина — грефис. И тут пюпитр качнулся, а потом и вовсе совершил кульбит.

Меня ощутимо тряхнуло, отчего я проснулась. Из головы сразу же вылетели все эти титулы — а во сне я была уверена, что речь идет именно о них. Ремень врезался в грудь до синяков, но не будь его, я бы стала «счастливой» обладательницей гематом на другом, гораздо более ценном, думательном органе.

Все усиливающаяся качка, которая целенаправленно стремилась к почетному титулу «болтанки», подстегнула инстинкт «бежать и спасаться». У меня были не столь крепкие нервы, чтобы ждать в каюте, больше всего напоминавшей комфортабельный гроб, когда мы разобьемся. Отстегнула ремень и на карачках поползла к двери. Благо недалеко.

Коридор преодолела таким же макаром. Впереди маячила моя личная Голгофа — узкая лестница на верхнюю палубу. Перебирая конечностями на манер полугодовалого младенца, начала подъем.

Зря я затеяла свой крестовый поход. Морской шторм по сравнению с небесным — все равно что листок супротив гусеницы. Гусеницы от Т-34.

Дирижабль кидало из стороны в сторону, по палубе колотил ливень. Молнии, по ощущениям, имели зуб на летающую махину, что вторглась в их вотчину.

Матросы, привязанные веревками к борту, старательно выворачивали рулевые лопасти, бородач, которого я повстречала у трапа, вцепился руками в штурвал, а эльф… Он стоял посреди палубы, вскинув руки. Из его ладоней вырывались ослепительно-синие лучи, опутывая полотнище баллона аэростата.

Задрала голову, провожая взглядом сияние, и поразилась. Казалось, что наверху, во мгле, лучи расходятся сетью, под которой бились, словно здоровенные рыбины, пойманные в силки… духи? Гигантские полупрозрачные зеленоватые тела фосфоресцировали. Их эфемерные лица были искажены злобой и ненавистью. Сейчас духи больше всего походили на рабов: заарканенные, вынужденные подчиниться воле хозяина, но не сломленные.

И тут во вспышке молнии я увидела ее.

Смерть на манер ведьмы оседлала косу и летела на ней, маневрируя меж порывами ветра не хуже байкера на трассе.

Приземлившись на палубу, костлявая деловито поводила капюшоном из стороны в сторону. Удивительным было то, что на гостью никто не обратил внимания. Наверное, просто все озадачились иным животрепещущим вопросом: спасением собственных шкур.

— Ик! — выдала я, уставившись на новую пассажирку дирижабля.

Она повернулась ко мне, и тут я поняла еще одну вещь. Передо мной стояла не моя Смерть. В смысле — незнакомая. У этой на косовище были вырезаны змеи, оплетавшие древко. Да и сам балахончик… Более стильный, что ли. Нет, дизайн «мешок с капюшоном, подпоясанный» — это святая классика жанра, как маленькое черное платье Коко Шанель. Но если у первой моей Смерти ткань на вид казалась простой, то у этой — с тиснением и блестящими нитями. Не иначе модница? Как видно, и Смерти гламур не чужд.

Костлявая, словно почувствовав мой взгляд, обернулась.

— И что смотришь? — недовольно бросила она. — Подумаешь, прибыла чуть раньше срока. Сама видишь, погода нелетная. Чуть запоздаешь — души потом собирай.

— К-к-к-какие души? — заикаясь, уточнила я.

Смерть, фыркнув, перекинула косу из руки в руку.

— А то ты не чувствуешь разве? А еще некромантка… — прозвучало презрительное. — Сейчас веревка лопнет, и двое за борт упасть должны. Все по расписанию.

И правда, вторя ее словам, сквозь грохот грома послышался крик. Мимо меня хвостом спешно драпающей гадюки промелькнула веревка.

Я поступила в лучших традициях идиотки, ибо героизм — это продуманный шаг, когда совершающий подвиг осознаёт, что он делает, а не хватание конца пенькового каната на рефлексах. О чем я тогда думала?

Меня тут же приложило о доски, и я заскользила следом за двумя «ласточками», что уже весело чирикали на одной ноте за бортом.

Дирижабль покачнулся, Смерть матюгнулась, я заорала. Надолго меня не хватит, пара секунд — в лучшем случае. А потом либо я отпущу веревку, либо мое пребывание на этом свете окажется весьма недолгим.

Эльф, на мгновение отвлекшись от созерцания энергетической сети, перевел на меня свой остекленевший взгляд.

Пасс, и словно невидимая рука ухватила за канат, вытягивая выпаданцев. Мужики, не веря своему счастью, уставились на меня, все еще судорожно сжимавшую веревку.

Смерть же, увы, оказалась более экспрессивной дамой.

— Как. Ты. Посмела. Мне. Мешать.

После такого заявления сразу захотелось спрятаться куда-то подальше. И правда. Чего это я?

— Мадам Смерть, я нечаянно, — начала в свое оправдание, не зная точно, как обратиться к этой балахонистой фурии с косой.

Сама же тем временем выпустила из рук конец каната и споро начала осваивать метод передвижения «задний ход на карачках». Судя по всему, надо было все же сказать «мадемуазель»: Смерть рассвирепела окончательно. Я ускорилась.

Процесс отступления проходил относительно гладко ровно до того момента, пока я, елозя коленками по мокрому настилу, не уперлась задом во что-то. Вернее, в кого-то.

— Мне нужны две души. И я их заберу! — рявкнула Смерть. — Или, может, сама хочешь пойти вместо них?

У меня в анамнезе упокоения и так значилась подделка служебных документов сотрудницей фирмы «Аид и Ко», так что я решила внести конструктивное предложение:

— А может, я все исправлю? Спихну их обратно и пусть летят? В смысле умирают… Я все понимаю: квартальная отчетность, дебет с кредитом должны сходиться и приход есть приход, незачем смету портить…

Смерть с занесенной косой остановилась. Зато к нашей милой девичьей беседе проявил интерес эльф, крикнув:

— Заприте эту сумасшедшую в каюте. Она бредит!

— Не брежу, — простонала я, задом тихонечко обползая капитана. Хоть его ходилки и не каменная стена, но какое-никакое прикрытие.

Смерть, видя мои маневры, лишь уничижительно фыркнула и, опустив косу, ехидно поддела:

— Уговорила. Давай выкидывай моих субчиков за борт. А я на это посмотрю.

Я же представила, как упрашиваю этих двух бугаев сигануть за борт (увы, именно так, а не рукоприкладством, физически мне их сдвинуть с места не по силам), и поняла: права была моя подруга Ленка, когда порой вопрошала: «У тебя мозги есть?» Помнится, я отшучивалась, говоря, что есть, но моего размера нет, и утверждала, что скоро-таки подходящий завезут и я обязательно куплю. В общем, как стало понятно, то ли серое вещество так и не доставили, то ли очередь до меня не дошла, то ли разобрали все извилины. А чем еще объяснить мое опрометчивое заявление?

Над нами подстреленным койотом завыл один из духов, что был пойман в магические силки дирижабля.

Смерть задрала капюшон, рассматривая солиста, а потом, видя мои метания, с издевкой протянула:

— Вон, тоже такой же особо умный, как и ты. Думал, личем станет — от меня уйдет. А его свои же арканом силы повязали и продали как духа ветра.

Из услышанного я поняла лишь две вещи. Во-первых, эти души стоят у Смерти в графе «неучтенка». Во-вторых, в этом мире, если что, мне оставаться неупокоенным духом не стоит — арканы. Это же надо было додуматься — посмертное рабство! Воплощенная мечта любого начальника: кормить не надо, в отпуск не уходят, зарплату и ту не плати…

Из размышлений меня вырвал еще один окрик эльфуса:

— Ты что, как помойная кошка, у ног трешься? Живо в каюту!

Я, занятая судорожными размышлениями на тему, чем в этот раз откупиться от костлявой, лишь досадливо рявкнула:

— Не мешай! Видишь, я со Смертью договориться пытаюсь! Между прочим, она за твоей матросней пришла!

То ли мои слова оказались весьма эмоциональны, а оттого убедительны, то ли эльф каким-то шестым чувством уловил присутствие логиста из преисподней, но на миг он отвлекся от дирижирования духами и уставился прямо перед собой, сквозь Смерть.

— Ты видишь ее? Где она? — напряженно вопросил он.

Смерть издевательски помахала косой прямо перед его носом. И, кокетливо поигрывая костлявыми пальцами перед

провалом капюшона, издевательски-ласково проворковала:

— Я здесь, дорогой!

Капитан вздрогнул и завертел головой, словно слепец.

— Жаль, что меня могут видеть лишь некроманты, да и то только мной же поцелованные, — с притворной грустью произнесла она. — А то такие красавчики — и вечно мимо смотрят…

Капитан, потеряв концентрацию, упустил тот момент, когда один из духов сумел выпутаться из энергетических силков и припустил сквозь ливень, похожий на хвостатую комету в миниатюре.

Пасс эльфа, напомнивший бросание лассо, — и дух забился на привязи. А я поняла: вот он, мой шанс дать взятку лицу при исполнении!

— Леди Смерть, а что, если вы возьмете душу этого мага? Она ведь гораздо ценнее, чем у этих матросов. А то, что они за борт не упали, оформим как повестку?

Смерть, до того момента флегматично наблюдавшая за тем, как лич бьется в аркане, перевела на меня внимательный взгляд, а потом кивнула:

— Скажи, пусть бросает поводок. А этих, так и быть, сама упокою…

Эльф, не подозревая о том, что мы со Смертью только что договорились о взятке в мертвой, но ценной духовной валюте, вкладывал все силы в то, чтобы удержать лича. По тому, как он, рвя сухожилия, изо всех сил тянул на себя аркан, я поняла: не отпустит поводок. Как пить дать не отпустит, хоть зауговаривайся.

Бросила взгляд на спасенных матросов, которые уже пришли в себя и споро сворачивали боковые арочные крылья дирижабля. Этих отправить к праотцам тоже не получится. Скорее это они меня за борт скинут. Оставался только один выход.

Порыв штормового ветра бросил мне мокрую прядь волос в лицо. Провела рукой, убирая локоны, что сейчас напоминали сосульки, оскалилась, примериваясь, и вцепилась зубами в бедро эльфа.

Расчет оказался верным: остроухий, не ожидая такого коварства от судьбы в моем лице, потерял концентрацию и выпустил поводок.

Тотчас Смерть, оседлав косу на манер байкера, задрала лезвие и свечкой сиганула вверх, преследуя свою мзду. Но это я отметила лишь мимоходом. Гораздо больше меня интересовал горящий ненавистью взгляд.

Лучше бы он заорал, встряхнул меня за шкирку, как кутенка,

наградил крепким словцом… Но нет, эльфус не привык тереть язык о нёбо, оттого лишь бросил:

— С тобой, полоумная, разберусь позже.

А затем его рука, сложенная пригоршней, запустила в меня заклинание. Я и пикнуть не успела, как была связана не хуже почтенного аксакала египетских пирамид. Еще пасс, и силовой аркан волоком протащил меня по палубе в открытый люк, как бревно под распил.

Свалиться в раззявленную пасть трюма мне не удалось по одной простой причине: пол накренился так, что я на манер колобка-дезертира весело покатилась, закладывая немыслимые кренделя.

Впереди маячил борт, и мысль о том, чтобы упасть в трюм с вероятностью свернуть себе шею в пресловутые пятьдесят процентов (либо сверну, либо нет), показалась мне вполне притягательной. А как иначе? Альтернатива грохнуться на землю с фиг знает какой высоты давала стопроцентный летальный исход.

Дирижабль мотнуло, на этот раз в другую сторону, и я таки угодила в люк трюма. Короткий полет под аккомпанемент моего истошного «а-а-а-а!» и приземление. Причем мягкое, а оттого вдвойне радостное. Но счастье длилось недолго. Крышка над головой захлопнулась то ли под очередным креном дирижабля, то ли капитан решил перестраховаться, чтобы я точно не появилась на палубе еще раз.

И я очутилась в абсолютной, как думала сначала, темноте. Но тут же пространство, в которое смело плеснули чернил, наполнилось скрипами, шорохами и… попискиванием. Характерным таким. Знакомым. Я хотела было заорать, но перетруженное горло выдало лишь сип.

Грызуны, словно почуяв, что локальный метеорит в моем лице не в силах оказать сопротивления, осмелели и начали прерванную было базарную перебранку на своем крысячьем языке. Мои же глаза начали привыкать к тьме. Стал вырисовываться ряд бочек, ящики и сундуки, выставленные вдоль стен, мешки, что лежали по центру. Я тоже оказалась на этих самых мешках, судя по ощущениям, набитых пушниной.

И тут почувствовала, как по ноге семенят мелкие лапки. Теплые. Их щекотка могла быть даже приятной, если бы не одно «но»: это были крысиные лапы!

Лысый хвост елозил из стороны в сторону, в то время как его обладательница, покорив задранную до колен юбку и пояс, подбиралась все ближе к моему лицу. Я постаралась извернуться гусеницей, чтобы скинуть с себя наглую тварь, но та словно не

заметила моего маневра. Мгновение — и в мой нос уткнулись беспрестанно шевелящиеся усы.

Я перестала дышать. Крыса меж тем клацнула своими резцами и, деловито развернувшись, отбыла на мою же грудь. Удобно там устроившись, она вперила в меня глаза-бусины.

Будь я на Земле, решила бы: пришла моя шизофрения. Причем голохвостая, наглая и пахучая. Хотя медики обычно обещают белочку. Побитую молью, помятую, но милую белочку.

Вот только после того, как я сначала уболтала одну Смерть, а второй и вовсе дала взятку, удивляться какой-то там крысе… Но вскоре обнаружилось, что не какой-то, а чревовещательной.

Хотя сперва после ее пискучего: «И вправду живая некромантка», — меня все же посетила мысль об убойной дозе галоперидола. Уж больно похоже на акустическую галлюцинацию, словно несмазанные проржавелые петли пели дуэтом с орущим младенцем. От такого сочетания звуков на ультравысокой частоте малодушно подумала, что если это все же глюк, то медикаментозное лечение не поможет. Тут кардинальное нужно, хирургическое, путем отсекания больного органа — ушей, и лучше сразу вместе с головой, чтобы наверняка избавиться от проблемы.

Но пока из всех средств лечения, которые были доступны мне в спеленатом заклинанием состоянии, имелось только одно: помотать головой. Его я и применила, причем в двойной дозе. Не помогло. Тварь все так же сидела на моей груди и деловито попискивала.

— Чего мотыляешь головой? — недовольно прокомментировала мои действия крысявка.

— Лечусь, — честно ответила я.

— От чего? — осведомился мой личный бред.

— От тебя. — Я попыталась спихнуть наглую собеседницу с груди.

— Обычно от фамильяров не лечатся, ими обзавестись пытаются, — глубокомысленно заключила крысявка.

Что такое фамильяры, я представляла плохо. Судя по названию, это что-то семейное. Фамилия же… Может, фамильная черта какая, как гемофилия. Хотя вроде это болезнь. Или признак породы, как черные брови в сочетании с платиновыми волосами.

Я зашла в тупик и попыталась мысленно воспроизвести разговор с крысой с самого начала. И тут меня озарило: эта погрызуха имела в виду себя. Дескать, она — загадочный фамильяр. Решила уточнить.

— А это ты фамильяр? — отринув этикетное выканье, раз у нас диалог сразу перешел на панибратское «ты», вопросила я.

— Конечно, а кто же еще?

И, встав на задние лапы, крыса приложила переднюю к своему брюшку и поклонилась:

— Разрешите представиться, Энжения, фамильяр покойного крауфа Эскобрима, — отрекомендовалась она и пояснила: — Того самого, которого вы не далее как пару вздохов назад сторговали у Смерти. Признаться, мне не хотелось бы последовать за хозяином в небытие, а потому у меня есть ровно сутки, чтобы найти себе нового хозяина. И капитан этого судна меня, увы, не вдохновляет. Он из мертвых-то выжимает все до капли, заставляя их в безветрие идти со скоростью почтового дирижабля. Да и с команды норовит семь шкур спустить…

Припомнила, сколько духов еще там бьется в силках. И что, у каждого тут бродит вот такой вот крысофамильяр? А еще из пискучей витиеватой речи я поняла: голохвостая ищет «крышу». И хоть я на братка-рэкетира не тянула, отчего-то лестное предложение стать обладательницей фамильяра перепало именно мне.

— А почему я? Тут народу три дюжины, не меньше… — задала, как мне казалось, умный вопрос.

Но крыса отчего-то рассмеялась, словно я была той, кого мама с папой обделили парой-тройкой хромосом.

— Магов всего двое. Так что выбор, как видишь, у меня невелик, — голохвостая переключилась с церемониального и чуждого ее природе «вы» на дружеское «ты». — Так как? Берешь меня в услужение? Только прежде чем отказываться, учти: такие, как я, бывают весьма полезны, но далеко не каждый маг способен создать фамильяра, лишь сильнейший. Оттого нас на свете мало и уходим мы чаще всего вслед за своим творцом.

Я хотела ответить в чисто бабушкином стиле: «Да тут надо подумать», но качка заставила меня нечаянно кивнуть головой. Челюсти, начавшие было открываться, клацнули, отчего я прикусила язык, и вместо фразы вырвалось:

— Де ту…

Крыса отчего-то обрадованно потерла лапы и, пискнув: «Будем считать это согласием», бодро перескочила на мое запястье. То самое, где красовалась татуировка. Принюхалась, проверещала: «Род Эрлисов, занятно», — и впилась зубами в кожу. Я почувствовала выступившие капли крови. Но то, что произошло дальше, изумило меня еще больше. Крыса, обхватив лапами кончик своего хвоста, укусила и его. Вздрогнув всем тельцем при этой членовредительской процедуре, она начала сцеживать красную руду из него.

Капли моей и ее крови смешались под крысиный речитатив:

— Я, Энжения эрми Гронтвирд, фамильяр истинного облика белоснежной тени, с согласия своей новой госпожи, девицы рода Эрлисов, обязуюсь служить ей до конца ее земного пути и отбыть вслед за ней по пути вечному спустя восход и закат…

По тому как торжественно крыса пропискивала слова, чувствовалось: они наполнены особым ритуальным смыслом и, как в каждом законе, в них была лазейка. Упомянутые восход с закатом, то бишь сутки, — вот та возможность, которая позволяла этому существу остаться в мире живых.

Капли смешанной крови вдруг засветились, образуя сначала малую воронку светового торнадо. Вихрь все разрастался, затягивая в себя окружающую тьму. И не только ее. Меня и крысу тоже закружило в бешеном водовороте, где нет ощущения не только верха и низа, но и самого времени. Поэт бы назвал это круговертью невесомости космоса. Увы, я стихоплетом не была ни разу, оттого на ум пришло лишь сравнение с процессом пищеварения у жвачных животных. Когда тебя сначала прожевали, чуток попереваривали и отрыгнули.

Именно в таком состоянии средней степени пожеванности я и пребывала после крысиного ритуала, когда мой организм все же не выдержал вытворяемого над ним произвола и отрубился. Пришла в себя, когда над головой открылась крышка. Проем тут же получил обрамление в лицах матросни, которая с интересом уставилась вниз. «Прямо как бомжи в открытый люк», — подумалось вдруг.

Попробовала пошевелиться и обнаружила, что магических пут на мне уже нет.

Запястье немилосердно ныло. Я непроизвольно пошарила взглядом вокруг, ища виновницу боли. Недавняя знакомая обнаружилась быстро. Аккурат рядом с моей голой лодыжкой. Голохвостая изображала труп на полставки. От полной достоверности ее отделяла лишь малость: подрагивающая задняя лапа.

Отчего-то решила, что раз это теперь мой фамильяр, за обладание которым уплачено кровью, то пусть он и делит со мной все тяготы. Впрочем, чувство брезгливости еще не умерло в конвульсиях, оттого подняла я с пола погрызуху за кончик хвоста.

Крысе такой способ транспортировки жутко не понравился, и она, моментально очнувшись, выгнулась дугой и ухватилась за рукав платья. Я от неожиданности разжала пальцы, чем крысявка и воспользовалась. Шустро перебирая лапами, пробежала по локтю и очутилась на плече. Захотелось заорать, но ни надсаженное горло, ни прикушенный язык меня не поддержали. Я лишь закашлялась.

Голохвостая же, словно взяв разбег, сиганула с плеча, как с трамплина, на бочку, а с нее утекла на пол и забилась в щель меж ящиков.

Матросня, наблюдавшая за бесплатным представлением, откровенно потешалась. Когда смех, больше похожий на ржание жеребцов, стих, сверху донеслось насмешливое:

— Вылезайте, барышня.

Вслед за этим мне скинули веревочную лестницу. Ползти наверх не хотелось жутко, но и смысла оставаться здесь особого не было. Если меня хотят видеть наверху, лучше пойти, пока просят по-хорошему, а то станется, и насильно вытащить могут.

Пока я перебирала ногами по ступенькам, которые того и гляди норовили ускользнуть из-под ступней, веревки скрипели, матросы смеялись. Обиднее всего было, что среди зубоскалов, отпускавших шуточки, были и двое спасенных. Зря я только вчера руки обдирала о канат, тягая их.

Едва моя макушка показалась над палубными досками, по глазам резанул пронзительно-яркий свет. Небесная лазурь радовала своей безмятежностью, облака были столь близко, что казалось — еще немного, и они коснутся баллона дирижабля. Повеса-ветер беззастенчиво целовал растрепавшиеся волосы, щекотал шею, играл с разодранным воротом платья.

— Разрешите вашу руку, — раздался прокуренный голос помощника капитана, в котором тоже гуляли отзвуки смеха. — Буря миновала. И не только на небе, но и у капитана в душе. Так что смелее.

Делать нечего, пришлось, вцепившись в широкую мозолистую ладонь, вылезать из трюма. Кое-где порванные паруса, измочаленный кливер и треснувшая рея словно подтверждали: ночка выдалась веселой. Я шла по палубе под десятками взглядов. Любопытных, смеющихся, но не злых.

— Не сердитесь на команду, сударыня, — чуть слышно начал бородач, прикладываясь к трубке. — Эта ночь прошла тяжело. Всем хочется снять напряжение, а раз ром капитан во время полетов пить запретил, портовых красоток тоже не наблюдается, остается одно средство — смех. Особенно он необходим тем, кто вчера заново родился. — Тут он скосил на меня хитрый взгляд. — Не без вашего участия. И не думайте, что мы это не ценим. В море, угодив за борт, есть шанс выжить. В небе же — ни одного, если только ты не дракон.

Я чуть было не ляпнула: «А что, тут еще и драконы есть?» — сразу представив себе здоровенную ящерицу, пыхающую огнем так, словно в пасти у нее раздаточный пистолет от бензоколонки, а в гландах — запал. Но вовремя прикусила язык и внимательнее

посмотрела на своего провожатого, пускавшего дымные кольца. Невысокий, бородатый, с молотом у пояса… Если капитан — эльф, то его помощник… гном?

То, что мне катастрофически не хватает информации об этом мире, давило. Я почувствовала себя рыбой, выброшенной на берег: как ни трепыхайся, но без воды, без своей среды, долго не протянешь. И тут лишь два выхода: либо пытаться вернуться в море, либо шустро эволюционировать, отращивая вместо жабр легкие и прокачивая плавники до ходильных конечностей.

Увы, первый вариант был невозможен по той простой причине, что в родном мире я труп. Так что оставался сугубо приспособленческий вариант. Вот только как разжиться информацией? Хотя была у меня одна идея. Одна наглая серая идея с лысым хвостом.

Я так погрузилась в свои невеселые мысли, что вынырнула из размышлений, лишь переступив порог капитанской каюты.

Рихейнэль сидел за откидным столом и что-то с упоением строчил в документах. Подняв голову и увидев меня, он скривился, словно его мучила изжога.

— Танганнрог, спасибо, — кивнул эльфус своему помощнику.

Тот, огладив пятерней бороду, понимающе кивнул и удалился, оставив меня с капитаном тет-а-тет.

В гробовой тишине тяжелый взгляд эльфа грозил пришпилить меня к стене, словно булавка энтомолога — бабочку-поденку. Я держалась. Я крепилась. Сжимала зубы. Ровно тридцать секунд. А потом вспомнила слова бабушки Софы: «Не тяни ты, как Иран с бомбой. Сделала — хвастайся. Особенно если совершила глупость. Ведь если ты сама расскажешь о своем просчете, да еще с выгодной для тебя стороны, то прокол будет выглядеть мудрым решением». В этом с бабушкой было тяжело поспорить.

Взять те же красные трусы, одетые поверх синих трико, ставшие символом целой эпохи. Эпохи фанатов супермена. А ведь все началось с того, что в сороковые годы в одном из первых комиксов в типографии просто напортачили с чернилами, и герой получился с красной задницей… А читателям этот образ понравился. И только спустя семьдесят лет киношники догадались, что надевать нижнее белье все же стоит под, а не на суперкостюм.

Вот и сейчас решила воспользоваться мудростью бабули и, вместо того чтобы покаяться, сиганула с места в карьер.

— Я жду благодарностей! — начала я в тоне историчкиМарьи Ивановны, отчитывающей прогульщика Петечку.

Эльф закашлялся. Я же, спеша закрепить успех, добавила:

— Я спасла двух ваших матросов, уговорила Смерть за

символическую мзду отсрочить их уход в небытие. И что я получаю вместо благодарности?

Упертые в бока руки на манер жинки, поджидающей со скалкой своего загулявшего благоверного, сварливый тон, взгляд с укоризной. На многих людей бы подействовало, заставив стушеваться. Вот только капитан человеком не был. Он был сволочью. Ушастой эльфячьей сволочью, поскольку, справившись с удивлением, жестко припечатал:

— Мне плевать, что вы там себе нафантазировали, барышня. Говорят, душевнобольным может не только смерть примерещиться, но и второе пришествие огненных вьюг. Но из-за вас я упустил лича! А это триста золотых!

Не знаю, из-за чего я разозлилась больше: из-за того, что Рихейнэль не поверил ни одному моему слову, или из-за того, что жизнь матросов он ценил меньше духа давно умершего мага. А может, из-за того, что мой сердечный порыв грозил мне же нехилым долгом?

— Ну не я же отпустила аркан.

— Когда кусают за зад, тяжело удержать в уме плетение силовых линий, — парировал эльф, а потом словно спохватился: — Так вы видели магические путы?

— Да, — выдавила я из себя, вновь ощущая, как у меня под волосами начинают копошиться жуки. Здоровые такие, перебирают своими лапками, норовя зарыться поглубже в мозг. Непроизвольно вырвалось: — Не смейте!

Боль, отчаяние, ощущение беспомощности, словно тебя раздевают донага на потеху пьяной толпе, сплелись в тугой клубок влюбленных змей, пробежали по жилам, заискрились на кончиках пальцев и слетели с рук двумя зелеными молниями.

Приложило эльфа знатно. Даже стул под ним решил, что свой срок он отслужил и пора бы ему на пенсию. Оттого и развалился на части.

Остроухий же ошалело замотал башкой, а из благородного носа потекла кровь.

— Что же ты не сказала, что поцелована Смертью?! — прогнусавил он, зажимая перебитую переносицу.

— Кто? — очумело переспросила я, силясь понять, что же такое только что выдала.

Неужто это от крысиного укуса?

— Некромантка, чтоб тебя! — прошипел эльф. — Всем ведь известно, что властелинами тьмы становятся либо по праву рождения, либо если тебя поцеловала сама Смерть. На истинно рожденную вы, лесса, — последнее слово он протянул с издевкой, — не тянете. Но я и подумать не мог, что вы уже

изволили умирать. Прошедшие смерть обычно выглядят иначе.

— Так вы мне верите? Что это был не бред сумасшедшего и я вчера действительно разговаривала со Смертью? — начала я гнуть свою линию.

Раз признал, что я с костлявой в тесных целовальных отношениях, может, и с тем, что сам виноват в улете лича, согласится?

— Верю, — выдохнул эльф. И не успела я обрадоваться своему таланту дипломата, как он припечатал: — Таких качественных галлюцинаций, как у вас в мозгу, не бывает. Это надо именно пережить.

«Вот ведь телепат хренов! Не поверит, пока в мозгах не проверит!» Судя по всему, я опять думала очень громко: кончики острых ушей заалели. Ну и пусть знает, что я помыслила о нем. А триста золотых он фиг на меня повесит.

Вторя моим мыслям, капитан, вставая и все так же задирая голову вверх, чтобы остановить кровь, прогнусавил:

— Сто пятьдесят золотых — дороговато за жизнь никчемного матроса.

Может, мне и показалось, но в этом его сварливом «никчемном матросе» сквозила тщательно скрываемая за досадой… благодарность?

— А мудрецы говорят, что любая жизнь бесценна, — парировала я скорее по инерции.

«И почему о бабушкиных заветах я вспоминаю опосля?» — подумала с запозданием, когда слова уже слетели с языка; умная женщина тем и мудра, что умеет вовремя глупо промолчать. И что мне стоило попридержать язык? Зато у эльфа этот самый орган был как бритва. Не иначе мужчин в этом мире учат специально оставлять последнее слово за собой.

— Эти ваши мудрецы, видимо, никогда не бывали на невольничьем рынке в Харуме. Поверьте, там жизнь любого оценят с точностью до гнутого медяка. И если это сделают не торговцы рабами, то наемные убийцы.

Мне так и хотелось съязвить про вилку цен: какова разница между жизнями двух матросов и лича, но я сдержалась. И вовремя. Эльфус выпрямился и, бросив на меня изучающий взгляд, веско произнес:

— Только истинные некроманты способны видеть Смерть. То, что вам удалось договориться с ней и обменять жизни моих матросов… Будем считать, это был первый и единственный раз, когда я вам прощаю долг. Но чтобы впредь подобного не повторилось, до конца плавания вы будете находиться под арестом.

Как позже выяснилось, слова капитана с делом не расходились: меня заперли в моей же каюте, выходить из которой отныне я могла только под надзором. Спасибо хотя бы еду давали. Культурный же досуг был представлен тремя старыми газетенками и Энженией. Кстати, крыса оказалась кладезем полезной и океаном бесполезной информации. От нее я смогла узнать кое-что об устройстве мира. Правда, данные крысявки могли устареть примерно лет на триста — именно столько провела душа ее хозяина, скитаясь по дорогам первозданной мглы, прежде чем ее выдернули и заставили служить тягловой лошадкой дирижабля.

Из бесед с фамильяром я поняла, что меня угораздило попасть в империю Трейгор, простиравшуюся от коварных огненных впадин запада до восточной границы, которую подпирал край горной гряды, а где оной не значилось — имелись весьма активные соседи. Один, весьма могучий и жадный до новых земель сопредельник, нет-нет да и начинал очередной военный поход, дабы трейгорцам не было скучно.

Север радовал вечной мерзлотой белых снежных пустынь. С юга же империя имела лоскуток выхода к Багровому океану, а остальная часть пестрого политического одеяла пограничья была усыпана яркими пятнами малых государств. Причем как человеческих, так и нелюдей.

Держава была могучая и внушительная. Если неприятель и решит завоевать империю, надо очень постараться: горы переплыть, океан перелезть, при этом не замерзнуть и не поджариться. А то и вовсе осуществить невероятное — помириться с соседями для объединения сил. А вы видели где-нибудь братающихся эльфа и орка? А вампира и древесника, что из осиновых рощ? То-то же.

В общем, проще с Трейгором дружить. Зато у столь обширной державы имелся весьма существенный недостаток: мертвые пятна. Похоже, это своеобразные чернобыльские зоны, где нет ничего живого. Зато мертвое чувствует там себя вполне привольно.

Как рассказала моя хвостатая сокамерница, некоторые маги, особенно ратующие за биоразнообразие и возможность под шумок открытия очередного вида зомби выбить себе внеочередную премию, даже создали черную книгу исчезающих видов умертвий…

За расширением кругозора через крысявкины воспоминания я и коротала время путешествия. Питала мозг знаниями, облагораживала тело вынужденной диетой из овсяной каши, которую местный кок отчего-то очень любил, и считала дни. До Эйссы, судя по ответам стражников, оставалось лететь около

недели, когда дирижабль замедлил ход и пошел на снижение. Узнать о последнем было проще простого: если закладывает уши и пол начинает уходить из-под ног, ответ напрашивается сам собой.

«Заходим в очередной порт», — так прокомментировала крысявка. Стоянка длилась не больше часа и была бы ничем не примечательна, если бы не одна деталь: прежде чем дирижабль вновь поднялся к облакам, я обзавелась соседом, поселившимся в кающе через стенку.

О новом постояльце сообщил сначала скрип половиц, а потом — надсадное пение несмазанных петель и уважительный комментарий старпома:

— Располагайтесь, крауф.

Нам с напарницей стало любопытно, с кем так почтителен пройдоха гном?

Нет в мире силы, способной противостоять женскому любопытству. Спустя три часа, в течение которых из-за стены не доносилось ни звука, я занималась тем, что выколупывала из доски сучок. В ход пошли умыкнутый однажды во время ужина столовый нож и шпилька из собственной прически.

Когда же в углу каюты появился глазок и я прильнула к нему, чтобы узнать, кто же этот таинственный крауф, меня ждало потрясение.

ГЛАВА 3

На кровати на животе лежал, раскинув черные крылья, мужчина. Но даже не это поразило меня больше всего. Из здоровенной рваной раны на его боку сочилась кровь, пропитавшая уже всю простыню.

Поначалу мне даже показалось, что этот крауф мертв, столь неподвижен он был. Да и сама поза (рука вывернута под немыслимым углом: еще немного, и лучевые кости выскочат из сустава) свидетельствовала о том, что не просто так нежится на ложе крылатик. Но пригляделась повнимательнее и поняла: таки живой. Едва заметно дышит.

Первым порывом было помочь. Хотя бы позвать тех, кто перевяжет рану истекающему кровью. Но я волевым усилием заставила себя отринуть малодушные мысли о помощи ближнему. Научена уже горьким опытом. И если совесть, которая потом непременно меня будет грызть, еще можно накормить благими намерениями, как милостыней нищего (а не держать впроголодь, чтобы уж совсем заела), то отнимать у Смерти положенное ей по праву… Не всякая костлявая взятку возьмет, вдруг попадется неподкупная?

Крыса же, до этого момента составлявшая мне компанию, куда-то убежала, едва ее любопытный нос сунулся в мой глазок. Местом, в которое дезертировала компаньонка, оказалась соседняя каюта. Я наблюдала, как крысявка, ловко перебирая лапами и используя хвост как оплетку, взобралась по ножке кровати, устроилась в изголовье и стала внимательно разглядывать крылатого.

Хозяин каюты то ли почуял на себе пристальный взгляд, то ли просто от боли застонал, но, так или иначе, крыса посчитала за лучшее смыться.

Пока она шустро мела хвостом по направлению к крысиному лазу, я рассматривала соседа. Руки. В них чувствовалась сила. С чуть выступающими прожилками вен на запястьях, обвитые сетью нательных украшений: коричневых рун и белых жгутов застарелых шрамов. Последние были тем виднее, что рассекали смуглую кожу. Черные волосы, разметавшиеся по подушке. Под стать им и перья на крыльях, в которых, казалось, поселилась сама тьма.

Широкая спина, которая не привыкла склоняться. Крепкие плечи. Тренированные мышцы воина, застывшие под кожей. Чуть пульсирующая жилка на шее, где тоже красовался рунический знак. Лицо мужчины было наполовину скрыто подушкой. Оттого я

смогла лишь заключить, что крылатый — обладатель прямых бровей, упрямого широкого лба и римского, чуть с горбинкой, носа.

Я бы не сказала, что по канонам нашего модельного мира он красив. В нем не было ни капли гламурной красоты, которая является скорее результатом титанического труда визажистов, стилистов и фитнес-тренеров, чем даром от рождения. Зато от него буквально веяло силой. Как сказала бы моя коллега, секретарша Леночка: «Столько тестостерона, что в нем можно если не утонуть, то захлебнуться — так точно».

Раненый еще раз пошевелился, перекатившись. При этом крылья, оказавшиеся снизу, начали уменьшаться, складываясь в валики, а потом и вовсе стали втягиваться в спину. От исследования физиологических процессов крылатых мужчин путем наблюдения меня оторвал крысиный писк: из разведки вернулась Энжи.

Я на всякий случай вставила выковырянный до этого сучок обратно в дерево. Мало ли?

— Будь осторожна, — начала фамильяр, усаживаясь на задние лапы, а передними остервенело растирая мордочку. Не помогло, крысявка все равно расчихалась.

Была у нее такая особенность: аллергия на пыль. У крысы! Как оправдывалась сама Энжения — не на всякую, а с доброй долей магической составляющей, но сути это не меняло. После того как собеседница прочистила нос столь немудреным способом, как чих, она продолжила:

— Я разглядела вязь на его запястье. Род Вердэнов. Плохо.

— А чем плохо? — не поняла я.

— А… да ты же не знаешь, — махнула лапой крыса. — Все забываю, что ты не от мира сего. Это один из пяти человеческих родов, который способен претендовать на престол. Чаще всего Вердэны по мужской линии — это дипломаты, военачальники, советники… В общем, опасные личности, приближенные к трону. Но вот что странно — этот раненый, хоть и принадлежит к роду Вердэнов, человек лишь наполовину. И это притом, что наследники древних династий никогда не мешали кровь! А если учесть, что на предплечье у нашего соседа еще и знак урбороса — змея, поедающего свой хвост, то и вовсе тоскливо.

В этот раз вопросов я задавать не стала, лишь пристально посмотрела на крысу. Она ответила мне взаимным недовольным взглядом: разжевывай-де глупой хозяйке.

— Это символ. Его носят сумеречные гончие.

— Шпионы?

— Ну да, — удивилась моему непониманию крыса.

— Зачем, если ты агент, носить на себе метку, всем и каждому говорящую о твоем ремесле? — пояснила я свой вопрос.

— А ты думаешь, что ее ставят любому шпику, который только поступает на службу? — ехидно осведомилась крыса. — Это знак отличия, медаль. За заслуги, так сказать. У моего прошлого хозяина такая же была. Но сумеречные гончие не носят наград поверх мундиров…

— И все же зачем? Любая случайная девка, с которой провел ночь…

Крыса тоненько засмеялась, обхватив лапами хвост:

— Любая девка… Сдается, наш новый знакомец не из тех мужчин, что привыкли щеголять нагишом где ни попадя, и нам лишь по чистой случайности удалось лицезреть его нательную живопись.

Тут мне вспомнились слова капитана о том, что он пассажиров не берет… Значит, об этом знал и крылатый, раз не ожидал, что за ним могут подсмотреть. Кстати, а почему этот-то раненый тут оказался?

Энжения думала недолго и предположила, что скорее всего капитан был вынужден подчиниться закону Трейгора: оказать помощь агенту при исполнении. Это одно из условий, при котором частному дирижаблю дозволяется летать по просторам империи.

Я заинтересовалась этими самыми условиями и законами в целом, да и самим капитаном, и разговор с раненого соседа перешел на вещи более обыденные. Со слов Энжи выходило, что нелюдей в империи не то чтобы притесняют, но относятся строже. А как иначе? Власть крепка тогда, когда нация едина. А лучше всего народ объединяют две вещи — трагедия и ненависть. Первая — кратковременная, а вот вторая… Но мудрый политик не станет разжигать ее до фанатизма, а будет умело направлять, закручивая гайки.

Так вышло и с капитаном. На первый взгляд, эльфам, как, впрочем, и гномам, и драконам, и оркам, в империи все дороги открыты. Но дополнительные налоги с нелюдей (как же — живут дольше, болеют меньше), возможность только платного обучения (задарма у себя дома в священных рощах обучайтесь! И не важно, что у вас там гражданская война. Имперцам-то какое до этого дело?), отметки о месте пребывания, пошлина на вступление в брак… Вроде права такие же, как и у людей, но это юридическое равноправие эмигрантов напоминало скорлупу протухшего яйца. Пока не коснешься, оно такое же, как и все соседние, но стоит чуть треснуть — от вони в носу еще долго щипать будет.

Лишь чародеи в первую очередь подчинялись своему ковену.

Оттого эльф и пошел учиться в магистерию на отделение светлой магии. Залез в долги по самые кончики своих острых ушей, но сумел получить диплом. Правда, с кучей ограничений на использование ментального дара, нарушение которых грозило не только отъемом лицензии, но и казематами.

Вот сейчас эльфус и расплачивается по счетам, пытаясь свести концы с концами.

Мысли о долгах и деньгах — одни из самых печальных. За время путешествия они не раз посещали меня. И по всему выходило, что хоть я и не простолюдинка, а по земным меркам ближе всего к обнищавшей баронессе из захолустных земель, но по прибытии нужно искать работу. Иначе быстро и качественно протяну ноги, совсем как образец для памятников, что ныне квартирует в Мавзолее на Красной площади.

Именно по столь прозаической причине все дни полета, что мы провели в компании с крысявкой, я тщательно изучала три старых газетенки. При первом прочтении мятых желтых страниц меня мучила зевота от колонки светской хроники и объявлений, кто на ком женился и с кем развелся. При втором — сводило скулы от первых полос с «сенсационными» заявлениями вроде: «Глава Винной гильдии на праздник первой луны бесплатно выкатит пять бочек верлисского красного для граждан стольного Марома».

Я еще подумала, читая подобные статьи, что и сюда пролезли ушлые рекламщики, которые под видом безобидной новости о халяве расхваливают «чудесный букет» и «превосходный вкус» конкретной марки пойла. Как призналась крыса — на вкус жутко отвратного: она сама как-то пробовала, когда на дирижабле перевозили три сотни бочонков этого самого верлисского. А я лишь убедилась, что и здесь реклама — двигатель торговли. И, как и в родном мире, выхлоп от нее режет глаза, дерет глотку и туманит мозги.

При десятом прочтении газетенок у меня даже появились любимые места, цитаты из которых я помнила наизусть. Это были объявления о вакансиях. Увы, на многие должности я не подходила. Даже в пресловутые прачки, швеи и булочницы не годилась. Не умела я профессионально ни стирать, ни штопать. Нет, дома бывало терла руками пятна, но чтобы целый день мурыжить чужие портки… Тут, боюсь, спасует не моя гордость, а банально физических сил не хватит.

Занять же место штатного иллюзиониста в кабаке льера Нориуса (требовалось «наведение миловидных женских фантомов, не сильно обремененных одеждой», как значилось в одном из объявлений) я не могла по той лишь причине, что дар у

меня был дикий. А обучение… Как категорично заявила крыса: не факт, что силы дара хватит, чтобы меня взяли в магическую академию бесплатно, а платно — еще деньги надо найти.

От меркантильных размышлений отвлекли шаги. Лязгнул дверной засов — мне принесли еду. Сегодня меня почтил своим присутствием лично капитан.

Эльфус поставил на стул миску с кашей и положил на пол полный бурдюк.

— Наш полет подходит к концу, — начал свою речь он, немало меня удивив. Со слов крысы, в момент появления в каюте капитана юркнувшей под кровать, лететь нам еще изрядно. — Поэтому считаю, что свою часть сделки я выполнил. Теперь дело за тобой. Поклянись душой, что никому не расскажешь о том, что я читал твои мысли.

Он так и не договорил «без твоего согласия», словно опасался, что и у стен есть уши. Но мы и без того друг друга поняли.

— А как же еще десять дней пути? — начала было я, памятуя о том, что торг всегда уместен, неуместна бывает лишь цена.

— Пространственный карман. Мы прошли через него щепу назад, чтобы доставить ценный груз, — туманно пояснил эльфус. — Так что скоро мы будем в Эйссе. Поэтому поклянись.

— Как именно? — задала я вполне закономерный вопрос.

Ибо из всех клятв знала только «зуб даю» и «да чтоб у меня комп больше ни разу не включился». Но, думаю, это не совсем те слова для чародейского обета.

Мои подозрения оправдались. Слова оказались совсем иными: они сплетались, как стебли виноградной лозы, цеплялись друг за друга, образуя причудливый узор, за которым смысл лишь проглядывал. Эльф произносил всю эту муть в надежде, что я буду просто повторять за ним. Не на ту напал! Это все равно что подписывать договор, не читая, а я, закаленная налоговыми выкрутасами Джоконды Анакондовны, не просто привыкла договора читать, но еще созваниваться с юристом по поводу формулировок и заглядывать в справочник по грамматике на предмет необходимости запятых.

Я молча дослушала витиеватый поток словес, из которого дельным было лишь то, что реши я рассказать кому о том, что эльф шарил в моей голове, меня настигнет смертельное проклятие, а после того как я окочурюсь, душа должна будет полететь, как призывник в военкомат, на службу на его дирижабль.

Оставалось лишь подивиться предприимчивости ушастого. И себя обезопасил, и если что — халявным духом обзавелся…

— Дорогой Рихейнэль, — начала я, — вы не Александр Карелин. Не надо мять мне уши вашей прочувственной речью!

Эльф, знамо, не имевший представления о знаменитом борце, уставился на меня, как на сайгака в кирзачах. Меня же это ничуть не смутило.

— У нас с вами какая договоренность? Вы меня отвозите, я молчу. Ни о каких проклятиях речи не шло.

Смерила капитана взглядом и наткнулась на полный негодования взор. И поняла: эльф попал. Я оседлала своего любимого конька.

— Разрешите напомнить формулировку клятвы, подразумевающую… — Сухой язык в обрамлении казенных фраз заставил скулы ушастого побелеть.

Тем отчетливее проступили пятна гнева на его лице.

А я поймала себя на мысли, что законы законами и притеснение притеснением, но могу поспорить на свой последний золотой — этот эльф пользовался успехом у женщин. Даже сейчас, злясь, он был бы мне симпатичен. Был бы, если бы не был таким засранцем.

Мой спич — что грейдер супротив вычурной икебаны эльфячьих фраз. Такой же приземленный, лишенный подтекста и сметающий на своем пути все препоны. Суть его сводилась к тому же, что и переговоры России с Японией: «Сотрудничать будем, а в остальном… Хрен вам, а не Курилы!» В смысле поклясться я поклянусь, но на своих условиях. И, не дожидаясь согласия ушастого хмыря, четко произнесла:

— Даю зарок, что ни словами, ни рунами не расскажу о том, что капитан Рихейнэль читал мои мысли. — В этот же миг мои руки оплели голубоватые разряды магии, а рот обожгло.

Клятва была принята.

Эльф, глядя на это, лишь недовольно поджал губы, не подозревая, что лазейку в обете я себе все же оставила: никто не мешал мне если не сказать и не написать, то нарисовать процесс чтения мыслей. А вдруг сильно прижмет? Правда, как сделать это, я представляла весьма смутно. Но свято следовала заповедям бабушки Софы: всегда должен быть путь если не к отступлению, то к провалу. Под землю. В знаменитые на всю Одессу катакомбы. А там уже, в подземном лабиринте из туннелей, и отступать не придется.

— Так мы в расчете? — невинно хлопая глазками, уточнила я.

Эльфово «да», процеженное сквозь зубы, было лучшей музыкой для моих ушей.

И вроде бы все выяснили: через несколько часов, или ударов

колокола, как в этом мире принято мерить время, я окажусь на земле. Отчего тогда капитан так пристально меня изучает и не уходит?

Когда я уже любовно ласкала взглядом кашу не хуже, чем муженек, отмотавший десяток лет в законном браке, — свою жинку: вроде и пресная уже, и вкус набил оскомину, а все равно, когда голодный, за милую душу пойдет, — капитан огорошил:

— Признаться, поначалу я думал, что вы слегка сумасшедшая. Но теперь я окончательно понял: такую умную, наглую и хитрую особу еще поискать.

— А вы умеете делать комплименты, капитан… Так тактично назвать меня крысой… — Я не договорила, а эльф, у которого еще имелись ошметки воспитания, растерялся и смущенно начал:

— Я не имел в виду…

«А вот не надо держать меня за дурочку и кипятить мне мозг, иначе ошпарю язвительностью», — зло подумала я, наслаждаясь своей мелкой местью. Ушастый меж тем понял, что над его словами просто зло посмеялись, и уже более сухо добавил:

— Я несказанно рад, что этот полет подходит к концу.

— Полностью с вами солидарна, — в тон проворковала я.

Засим мы и распрощались. Дверь закрылась, и я, приникнув ухом к скважине, услышала, как эльф заходит в соседнюю каюту.

Не теряя больше ни секунды, ринулась к своему наблюдательному пункту, словно чуя: подслушанный разговор может быть полезен. Но, увы, едва зайдя в каюту, эльф щелкнул пальцами и враз отрезал все звуки.

«Полог тишины», — прокомментировала более компетентная в таких видах пакостей крысявка. Но даже без звука картинка выходила занятной. Еще недавно умирающий сейчас проснулся. Он стоял, слегка покачиваясь, по центру каюты в одних штанах, на которых виднелись бурые пятна. Его бок радовал мир багровым уродливым рубцом с запекшейся кровью.

«Видимо, без магии не обошлось», — отстраненно подумала я, уже начиная привыкать к тому, что в этом мире многое происходит по совершенно иным законам. Хотя наверняка у любой волшбы есть свой предел. О правдивости этого умозаключения свидетельствовали и багровые пятна на простыне.

Судя по тому как вытянулось лицо эльфуса, тоже разглядевшего запекшуюся руду на небеленом льне, он только что узнал, что взял на борт подранка. Я же прикинула в уме, что могло быть с остроухим, если бы на его дирижабле шпион решил склеить ласты, и начала догадываться, отчего капитан побелел.

Впрочем, здоровенный тугой кошель, кинутый странным пассажиром, ушастый поймал весьма ловко. И, надо полагать,

мешочек дубленой кожи был набит отнюдь не медью.

Раненый еще что-то отрывисто сказал, натягивая при этом рубашку и заправляя ее в штаны. Он ничуть не стеснялся внимания капитана, словно эльф был обслугой, а не хозяином дирижабля. Остроухий же воспринимал это как само собой разумеющееся. Гордый и надменный капитан молчал! И это наводило на очень нехорошие мысли о том, сколь высокий пост занимает мой нечаянный сосед.

Как научила меня жизнь (да и смерть тоже): хуже начальства может быть только высокое начальство. А этот татуированно-награжденный и вовсе казался донельзя большой шишкой. Если бы дело было в нашем мире, то я бы подумала, что он из тех, кто носит звезды и на погонах, и на коленях сразу и оттого опасен вдвойне.

Капитан ушел, и я аккуратно вернула сучок на место. А то вдруг мой нечаянный сосед, не занятый беседой с эльфусом, почувствует слежку. С такого легко может статься.

Время в ожидании тянулось смолой. Долго, клейко, словно минуты липли одна к другой, не желая уходить в историю. Я сидела на кровати, перебирая в уме варианты дальнейших действий. Увы, перебирать я могла разве что их, поскольку вещей у меня с собой не было. Лишь один золотой в голенище сапога. Так это не вещь. Это — мое богатство. Оно же — шанс не подохнуть раньше, чем я найду себе заработок и крышу над головой.

Крысявка тоже притихла. Не иначе прониклась торжеством момента.

Дверь в каюту открылась со скрипом. На этот раз визитер мялся на пороге, теребя в руках узелок.

— Лесса, — начал уважительно помощник капитана. — Вы не серчайте, если что… Мы тут с ребятами собрали вам немного в дорогу. Заприметили, что у вас с собой ничегошеньки нету. А вы ведь двоих из команды спасли. Мы же добро помним…

Я даже растерялась от этих его простоватых, но искренних слов. А бородач, положив узелок на край кровати, не стал дожидаться моего ответа и в лучших традициях подрывников, совершивших диверсию, начал активное регрессивное наступление, или попросту смотался. Мы с крысой пару минут посидели тихо, выжидая, не появится ли третьей партии «ходатайцев», но за дверью царила тишина.

Любопытство — первейший двигатель эволюции. Именно оно, подкрепленное жаждой халявы, сделало из обезьяны человека, а отнюдь не труд. И мне эта извечная женская черта, побудившая первую Еву продегустировать райское яблочко, была отнюдь не

чужда. Я протянула руку к узелку. Развязала тряпицу и убедилась, что сей «сухпаек» — дело исключительно мужских рук. Все практично до невозможности: ложка, миска, мужские портки, мыло, нож, портянки и рядом — коврига хлеба и вяленое мясо, завернутые в тряпицу. В общем, скарб нехитрый, но дюже полезный для той, кто имеет за душой лишь опыт дачи полуматериальной взятки Смерти.

Аккуратно завернула свой неожиданный багаж. Крыса отчего-то не сильно желала к нему присоединиться, но я была категорически против того, чтобы лысохвостая путешествовала, прицепившись меховым наколенником к ноге под юбкой. Крысявке пришлось смириться и залезть в узелок, где она вольготно устроилась в глиняной миске.

Когда дирижабль причалил к пирсу, капитан лично пришел меня сопроводить. Не иначе чтобы убедиться, что по дороге от каюты до трапа я не умыкну еще одного лича. Или все дело в моем загадочном соседе? Чтобы не столкнулась ненароком со шпиёном.

Вот только едва я со сходни ступила на дощатый помост, меня ждало весьма неожиданное и не самое приятное знакомство. Молодой человек в форменном зеленом суконном мундире с амбарной книгой под мышкой и какой-то висюлькой в другой руке.

— Мытник, — пропищала из миски крыса (ее любопытный нос торчал из узелка, а усы непрестанно шевелились) на мой невысказанный глубоко нецензурный вопрос: «Какого?..»

Признаться, увидев форму, я подумала на матушку, которая решила подсуетиться и устроить мне радушный прием. Но пояснение спутницы, что передо мной всего-навсего местный аналог таможни, как ни странно, успокоило.

— Пошлинник порта стольной Эйссы Норин Арглосский, — представился юноша, кивая.

На его заученную фразу в моей душе поднялась волна: это в свое болото демонстративно плюхнулась жаба, она же жадность обыкновенная, сидящая на диете безденежья, а оттого жутко злая. Раз пошлинник, значит, будет взымать плату. А мне с единственным золотым расставаться не хотелось до дрожи. Именно от этого скаредного чувства ресницы мои затрепетали, губы непроизвольно сложились уточкой, и я выпалила фразу, столь типичную для блондинки, которую остановил гаишник:

— Ой, а вы у меня первый…

Судя по ошеломленному виду мытника, такой фразой его приветствовали впервые. Я же стреляла глазками и изображала смущение, а заодно наблюдала. Вот дернулся на тощей шее

кадык, румянец расцвел на острых скулах. Щеки по цвету сравнялись с порезом, что оставила прожорливая бритва. Наверняка точеная сталь рассчитывала на матерую мужскую щетину, а получила на закуску лишь юношеский пушок и, оскорбившись, потребовала смыть позор кровью.

Наконец юноша справился со смущением и, пытаясь казаться суровым, спросил:

— Имя? Цель прибытия в столицу?

— Монсеррат Кабалье, — брякнула я первое имя, пришедшее на ум, и вспомнила, что в этом мире лишь у простолюдинов запястья чисты. Оттого незаметно поспешила одернуть манжету, пряча родовую татуировку.

Кстати, пока мы летели на дирижабле, я выяснила, как крысявка, лишь взглянув на мою кисть, смогла точно назвать имя рода. Сперва подумалось: неужели она знает все изображения, как иной геральдист — гербы аристократов? Оказалось, все гораздо прозаичнее. Татуировка — не цельный рисунок, а своеобразная вязь рун, только не тех, что использовались в быту, а более древних. Для себя я поняла, что это как кириллица или глаголица и современный русский алфавит: вроде отдаленно похожи, но без определенной сноровки не прочтешь.

Вот и сейчас, памятуя об этой интересной отметине на запястье, я постаралась ее скрыть. А чтобы собеседник не проявил инициативу, уточняя мои позывные, я с милой улыбкой поинтересовалась:

— А личный досмотр проводить будете?

— А вы везете с собой запрещенные амулеты, снадобья, контрабанду? — чуть резче, чем надо, произнес пошлинник.

Я уловила эти нотки и поняла: поразить до глубины души таможенника мне не удалось, но все же я сумела выбить его из привычной колеи. Теперь оставалось дожать. Вот только чем? И тут вспомнились рассуждения бабушки Софы касательно деда, заядлого любителя футбола. Если хочешь произвести неизгладимое впечатление на мужчину, не надейся на шикарное платье, прическу, макияж, манеры. Жизнь долгая, и обязательно встретится ему та, что переплюнет тебя и нарядом, и внешностью, и лоском. И самое обидное, что попасться она может не после, а до тебя. Но вот если ты забьешь гол с углового, тогда да… Мужчина будет сражен наповал, ибо подобное навряд ли повторит хоть кто-то еще. Даже мужик.

Увы, претворить в жизнь совет бабули в точности я не могла, но основную мысль уловила: сделай или скажи то, чего от тебя не ожидают, выбей почву из-под ног.

— Не знаю, меня матушка в дорогу собирала… — С этими

словами я на голубом глазу, как законопослушная гражданка, вытянула перед собой узелок, мысленно прикидывая образ «мамаши». Отчего-то на передний план лезли борода и курительная трубка.

Пошлинник, узрев перед носом узелок, из которого торчала крысиная морда, щелкавшая зубами, сделал шаг назад.

Воспользовавшись тем, что появилось место для маневра и я могу проскочить, споро прижала поклажу к груди и, протараторив: «Я так и думала, что смотреть не будете», — юркнула мимо паренька.

Мздоимец, не сразу сообразивший, что только что пустил на столичную землю девицу без уплаты пошлины, запоздало протянул руку в бесплодной попытке схватить нахалку. Но его пятерня лишь мазнула воздух.

Я, подгоняемая его выкриком: «А ну, стой!» — припустила во все лопатки. Крысявка, успевшая вылезти из узелка, вцепилась лапами в мое плечо и верещала в ухо то «пригнись!», то «влево!», когда парень начал швыряться заклинаниями, размахивая висюлькой.

Благо забег по пирсу оказался коротким. Ввинтилась в шумную, а главное, плотную причальную толпу. И все же ощущение, что кто-то упорно буравит мне спину, не покидало. Чуть отдалившись от пошлинника, прежде чем скрыться за углом, я даже оглянулась. Прошлась взглядом по пирсу, по сходням дирижабля, и на краткий миг показалось, что увидела фигуру в сером плаще. Точно таком же, как у моего давешнего соседа-подранка. Но это было мгновение, после которого я вновь начала петлять как заяц, мало заботясь о том, чтобы запомнить дорогу. А смысл? Города я все равно не знаю. Мне бы сейчас уйти от погони.

Судя по комментариям крысявки, пошлинник давно уже от меня отстал. Это я проявляла излишнюю осмотрительность. В пользу своей теории крыса выдвигала главный аргумент: таких прибывающих в Эйссу до горизонта, и гоняться за каждым…

Скорее всего этот мытник запишет меня в своем журнале как какую-нибудь Монку Кобылу, внесет два медяка и успокоится. Я же представила: реши честным способом уплатить пошлину, сколько бы я недополучила? Ведь сдать с золотого с точностью до медьки… Или попадись мне местный таможенник чуть поматерее, могла и вовсе золотого лишиться под предлогом «сдачи нет», а за вход платить все равно надо… Успокоив такими доводами свою совесть, я начала все больше замедлять шаг, озираясь по сторонам.

До столицы-то я добралась, и даже благодаря заботам

матросов есть что перекусить, но вот что дальше? Где искать работу? Стучаться в каждую лавку? Или сразу подавальщицей в трактир? Крыса, восседавшая на моем плече (с этой ее дислокацией я временно смирилась) тоже не могла дать вразумительного ответа, сетуя, что ее предыдущий хозяин ни разу с такой проблемой не сталкивался. Ну да, у магистра, имевшего дюжину особняков, и заботы были чуток другие.

Пока же мы просто бродили по улицам и вертели головами. Крысявка, не бывавшая на твердой земле уже триста лет, с не меньшим, а может быть, даже и с большим интересом глазела на все. И на всех. Ведь на торговом дирижабле даже пассажиры — та еще редкость. Отчасти из-за характера капитана, отчасти банально из-за нехватки «посадочных мест». Всего два закутка, которые с натяжкой можно назвать каютами. Иначе нам бы ни за что не быть нечаянными соседями со шпионом: имейся выбор свободных кают, эльфус наверняка бы поселил загадочного пассажира подальше.

Ноги несли меня по булыжной мостовой, рабочие кварталы сменялись уютными улочками, по которым неуловимым ветерком начал сквозить запах шика.

«Похоже, район богатеев», — мелькнула мысль. И действительно: на глаза больше не попадались практичные булочные или мясные лавки, зато пестрели вывески ресторанов и дамских салонов. На перекрестке появился даже газетчик со свежим выпуском местной многотиражки.

— Сенсация, сенсация! — верещал пацаненок в кургузом сюртуке, размахивая листовкой. — Только в свежем выпуске «Столичных известий» все правда об убийстве достопочтенной крауфы Анжалийской! Кто станет наследником покойной миллионщицы? — вещал, не щадя глотки, продавец.

Какой-то щеголь кинул мальчишке серебряную монету, и пацаненок протянул ему газету. Я же от нечего делать стала наблюдать за франтом, что, поигрывая тростью, направился к терраске летнего кафе. Вот этот денди сел за столик, походя огладив взглядом стройную фигуру подскочившей к нему подавальщицы, вот развернул газету, ожидая свой заказ. Минуты не прошло, как пижон скривился, отложил прессу. Неужели «сенсация» его разочаровала?

По тому как небрежно он отодвинул свое чтиво, как расплылся в плотоядной улыбке, следя за милашкой, что приняла его заказ и сейчас порхала меж столиков, я поняла: к газете он не вернется. И даже наверняка ее оставит, покидая террасу. Он уже о ней забыл, поглощенный новым, более интересным зрелищем: молоденькой обслужницей.

А вот мне бы эта газетка оказалась весьма полезна. Оттого я притаилась и стала ждать, когда же франт изволит отбыть.

Крысявка, которая вместе со мной битых полчаса наблюдала за тем, как «золотой» мальчик кадрит свое очередное развлечение, уже начала позевывать. Но вот наконец пижон расплатился, сунув в кулачок девушке несколько монет, и, шепнув ей что-то на ушко, удалился. Как я и полагала, оставив газету на столе. Пока девица занималась тем, что прятала щедрые чаевые в лиф платья, Энжения шустро проскакала по булыжнику, запрыгнула на террасу и, пропетляв меж столиками, взобралась на скатерть. Вонзив резцы в газету, голохвостая под истошный визг подавальщицы: «Крыса!» — дала деру за угол, где я и поджидала свою усатую героиню.

Ее подвиг был не напрасен. На предпоследней странице обнаружилось именно то, ради чего стоило пойти на бумажную кражу. В колонке объявлений среди прочих было одно, не сулившее золотых гор, а оттого перспективное.

> «С 20-го по 30-е травеня при Академии двуединой магии проводится набор на курсы бонн для детей с магическими способностями. Обучение бесплатное, выдается стипендия. Наличие дара у абитуриенток обязательно».

Машинально глянула на дату выхода газеты — 29-е травеня.

Сухие, казенно-типовые слова, за которыми скрыто обещание желанной еды и средств к существованию. А в моем случае уж лучше специализация «няньки» и присмотр за одним ребенком, чем обслуживание дюжины клиентов в трактире. Хотя моя коллега — молодая мамочка, недавно сбежавшая из декрета на работу, заявляла, что ребенок — это двигатель внутреннего сгорания ее нервных клеток, и уж лучше она будет мешки с цементом таскать, чем цельными днями — дитя… Признаться, я ей не верила.

Я, как-то раз справившаяся с годовым финотчетом нашей фирмы для налоговой, да не смогу с пеленочником сладить?

Вот только крысявка не разделила мою радость, а покрутила лапой у виска.

— Больная или тебе жизнь не мила? — уточнила голохвостая.

— О чем это ты? — отрикошетила я вопрос.

— Ты хоть представляешь, что такое нянчить ребенка с магическим даром? Да на эти курсы заманивают посулами, их финансируют богатые родители, а желающих все равно не очень много…

— Но почему? — Я все никак не могла понять, а крысу

раздражало, что я торможу, как эстонец на «запорожце» в час пик.

— Да хотя бы потому, что бонна — красивое название для няньки, обслуги. Те же, у кого есть хоть малейшая магическая искра, — чаще всего аристократы, пусть обедневшие, как церковные мыши, но благородные эктры, грефисы… Пойдут такие в услужение к разбогатевшему простолюдину, у которого чудом родился отпрыск со способностями к магии? Или, того хуже, станут наниматься в няньки к тем, кого могли бы встретить на светском рауте, если бы не бедность, что щекочет пятки?

Мне, дитю двадцать первого века, сперва было тяжело понять, что имеет в виду крысявка. Благородным, хоть и нищим, не пристало гнуть спину? Зазорно выслушивать колкости от тех, кто по происхождению ниже, а по кошельку — выше? Да плевать. По мне гораздо хуже грязной работы — грязные мысли и намерения. И если есть возможность заработать честно, то пусть и няней.

Крыса на мой пламенный спич лишь махнула лапой и глубокомысленно изрекла:

— Я всегда считала, что у умных людей ценностью должно быть достигнутое, а у дураков — желаемое…

— И? — не поняла я глубины ее сакральной мысли.

— И, послушав тебя, я осталась при своем мнении, — тактично закончила голохвостая, дав тем самым понять, что умной она меня отнюдь не считает.

— А ты, значит, у нас и умная, и красивая? — сыронизировала я, глядя на Энжению.

— Я — дальновидная… — протянула крысявка. — Помяни мое слово, эти нянькообразовательные курсы добром не кончатся.

— Чтобы они кончились, они сперва хотя бы должны начаться. Ты знаешь, где эта Академия двуединой магии?

— Кто же не знает Академию темных властелинов и светлых паладинов? — хмыкнула крыса и даже ударила хвостом о булыжник от негодования: я посмела усомниться в ее осведомленности.

Как оказалось чуть позже, не зря я сомневалась.

Квест «Найди академию» пошел на второй круг, благо лабиринт улиц этому не только не мешал, но даже благоволил, когда я плюнула и обратилась-таки к одному из прохожих. Вернее, к одной.

В родном мире, когда мне надо было у кого-то узнать дорогу, а «двагис» посылал меня не совсем понятным и чуток матерным маршрутом, я обычно выбирала на улице человека, у которого шапка с помпоном. Ну не наденет стервозная чикса такую. И агрессивный националист, и желчная старая дева. Смешно, но маркером человечности был этот самый пушистый помпон. И, к

слову, он редко меня подводил. А тут…

Я пропустила мимо двух расфуфыренных и столь надушенных, что батальон химзащиты и то прослезился бы, фанаток тюрнюров, фижм и рюшей. Эти дамочки, проходя мимо, облили меня цистерной презрения. Я мысленно пожелала им состояния пюре, или, как выражалась бабуля, «картошки в депрессии»: вроде картошка как картошка, но такая подавленная…

Спешащего куда-то старичка в мантии я попросту не успела догнать. Этой своей резвой походкой он дюже напомнил мне ушлых пенсионерок, берущих штурмом утреннюю электричку. Вроде бы и почтенный возраст, но такая энергия, энтузиазм… битва на Курской дуге по сравнению с их желанием попасть на дачу — игра в песочнице совочками.

Наконец я увидела маленькую прыщавую субретку в чепце. Ее-то и взяла в оборот. Оказалось, что академию по решению градоправителя перенесли за городскую черту, дабы не смущать честной люд.

Служаночка махнула рукой, задавая направление, и я, тяжко вздохнув, потопала.

Добралась до заветной цели, уже когда солнце давно перешло зенит, а мое терпение — границу, когда осторожность держит в узде злость.

Гостеприимно распахнутые ворота с чуть покосившейся створкой, суета, что приличествует всякому учебному заведению в пору большой перемены, броуновское движение юных — и не совсем — чад, жаждущих постичь колдовскую науку…

От любования идиллией учебного процесса меня оторвал скрипучий старческий голос.

— Чего надыть-то?

Я оглянулась на появившуюся невесть откуда привратницу. Сгорбленная старуха не иначе совмещала тут три важные профессии: фейсконтроля, вышибалы и секретаря.

— Я по объявлению, на курсы… — оборвала сама себя, нарочито смущаясь.

Помню, как еще малявкой, будучи отправлена на летние каникулы к бабушке в Одессу, не раз слышала поучения: «Ира, не забывай вовремя закрыть рот с той стороны! Недосказанность позволяет досочинить твоему собеседнику нужную для тебя концовку!» Вот и сейчас я не стала уточнять, что да как, а «дама с ресепшена», почесав свой крючковатый нос, задумчиво произнесла:

— А-а-а… так ты на няньку пришла учиться… Добро… Не то что эти напомаженные лессы, что спят и видят, как в акэдэмию

протиснуться и мужика себе отхватить побогачее! — Бабулька, узнав, что я не в адептки намылилась, а на «прослушивание менеджера низшего звена», оттаяла, приняв за свою касту, и перешла на простое и понятное «ты».

— А может, и я так же, — сказала полушутя, ожидая реакции старухи.

Как говорится, чаще всего самый правдивый ответ — на тот вопрос, что задается вроде бы не всерьез.

Привратница гортанно хохотнула:

— Ну, уморила… Я же по руке вижу, что ты благородная… Хотела бы мужа отхватить, шла бы на иллюзионку. Там самый малый взнос, даже небогатые могут… Другой вопрос, что их — как собак нерезаных… Зато вроде как магичка, — выдала старуха, а потом, одобрительно крякнув, прошлась по мне взглядом с ног до головы. — А ты за работой пришла.

— А вы не больно-то здешних аристократов боитесь, — слегка удивилась я тому, что с виду простолюдинка без всякого подобострастия отзывается о «золотой» молодежи.

— Тю, а шо мне их тихариться-то? Тута акэдэмия… здесь слегонца другие законы, не имперские… Да и сижу я невысоко, оттого падать не боязно.

Я лишь усмехнулась про себя: у нас в фирме тоже страшнее уборщицы бабы Глаши зверя не было. Ее знаменитое: «Куда по намытому!» — заставляло нервно вздрагивать даже директора.

— Так вот, девонька, ты меня, старуху Храфу, послушай. Если хочешь попасть на курсу енту, нянькой, то поторопись. В этом году, почитай, уже группу набрали…

Привратница подробно расписала, куда следует идти и что спрашивать, и я под ее напутствия направилась на таинственный «экзамен». Вот только вряд ли я могла ожидать, что за дверью, где заседала приемная комиссия, меня ждет отнюдь не веер билетиков, разложенных на сукне.

Я миновала внутренний двор магистерии, полавировала по коридорам южного корпуса и постучалась в дверь с табличкой, на которой была выгравирована перевернутая руна жизни. Хрипловатое «войдите!» посчитала знаком свыше, но едва открыла дверь и переступила порог, на меня понесся клубок из сцепившихся шавок.

Псины остервенело и, что самое поразительное, беззвучно драли друг другу глотки, как шопоголики на распродаже в черную пятницу. Первой моей реакцией было отскочить подальше от этой грызни, на худой конец — заорать. Но из глубин памяти всплыли слова друга Сашки-кинолога: «Если видишь собачью свару, ни в коем случае не ори, не делай резких движений и

главное — не бойся».

Если с первыми двумя пунктами я пусть и не блестяще, но справилась, а попросту — застыла соляным столбом, то что касается «не бояться»… И тут до уха долетело женское ехидное: «Ну эта хотя бы в обморок не свалилась». Я оторвала взгляд от псин и увидела комиссию, вольготно расположившуюся в креслах у камина. Трое профессоров в мантиях: дама стервозного вида, старик и молодой мужчина — с умеренным интересом наблюдали за мной. Вернее, за моей реакцией на грызню здоровенных бойцовских собак.

— И что вы встали? Разнимайте, — лениво протянул сухопарый экзаменатор, чья кожа вызывала у меня стойкую ассоциацию с ветхим пергаментом. — Можете использовать магию и подручные средства. Ваша задача — чтобы они друг другу не навредили. В идеале — и вам тоже.

Чуть было не ляпнула: «Вот прям сейчас же, только разбег возьму», — но вовремя прикусила язык. Зато злость помогла мне отмереть, и я уже по-другому глянула на «вытянутый билетик». Прикинула, что лезть в драку, где клыки клацают не хуже капканов, — да проще сразу мозги в криокамере оставить. Оттого поступила в лучших еврейских традициях: бери, что с краю и не сильно лягает, и тяни к себе. Ближе всего был хвост. Матерый хвост волкодава. В него-то недолго думая я и вцепилась одной рукой. А второй — в ляжку ошалевшего от моей наглости пса.

Зверюга, потерявшая равновесие, перестала сучить лапами, но челюсти так и не разомкнула. Даже когда я начала тягать ее на себя на манер репки. Вторая участница драки тоже решила, что нельзя вот так просто уволочь ее законно покусанного противника, и уперлась лапами, мешая моему тянутельному процессу.

И тут на помощь пришла крыса. Проскакав по моей руке, Энжи прошмыгнула по пушистому хвосту волкодава, натянутому, как тетива, и, цепляясь за шерсть, устремилась вниз. Доля секунды — и волкодав, тоненько взвизгнув, разжал челюсти. Я дернула посильнее и в победном рывке умудрилась не только оттащить, но и повалить здоровенную тварюгу.

Вторая собака, видя такой произвол, отчего-то начала пятиться, а потом и вовсе сочла за лучшее забиться в дальний угол.

Профессора застыли, с недоверием глядя на картину: я и поскуливающий волкодав. Лишь крысявку ничего не смущало. Она с независимым видом проскакала по шкуре поверженного противника и, цепляясь коготками за ткань платья, вновь взгромоздилась мне на плечо. Правда, там начала фыркать,

отплевываться и чесать нос.

— Я что-то не так держала? — задала я вопрос чуть охрипшим голосом.

Сказанное возымело эффект антидота к заклинанию стазиса: все трое экзаменаторов отмерли и начали активно переглядываться, а потом, не преуспев в пострелушках глазами, и вовсе склонились друг к другу и зашептались не хуже заправских двоечников. Наконец, когда волкодав перестал себя жалеть и оживился, пытаясь поймать на зуб дотошную блоху, что решила разбить ранчо в его шерсти, мантийные огласили свой вердикт:

— Вы прошли экзамен. Хоть и не без помощи вашего питомца, но все же. Разнять двух молодых оборотней…

При этих ее словах волкодав начал изменяться. Зрелище оказалось то еще. Картинки в учебниках для патологоанатомов, я думаю, по сравнению с увиденным — что вегетарианский салатик супротив мяса. Мяса на обеденном столе каннибала. Меня не вырвало лишь по одной простой причине: нечем было.

Но вот смотреть, как шерсть выворачивается наизнанку, как ломаются кости и трещат суставы, лопаются жилы, а потом все это обрастает кожей… Даже вид молодого мужского тела, поджарого, загорелого и, что неудивительно, абсолютно нагого, как-то не вдохновил. Перед глазами все еще стояло кровавое месиво из мышц, сосудов, хрящей. Живое, шевелящееся.

Зато парень ничуть не смущался своего костюма Адама.

— Спасибо, адепт Кайрин, вы свободны, — сухо произнес магистр, своим обликом напоминавший мне жителей Поднебесной. А потом, зыркнув в угол, где сидел другой драчун, добавил: — И вы, адепт Стонгр, тоже.

Второй волкодав, не пожелавший расхаживать голышом, печально опустив морду, потрусил ко второму выходу. Обойдя меня по широкой дуге и отчего-то опасливо покосившись на крысявку. Бочком протиснулся в дверь. Кайрин тоже не горел желанием приближаться ко мне и почти в точности повторил маневр своего лохматого собрата.

На меня же уставились три пары глаз. Пристально так, въедливо. Первой начала магесса:

— Назовитесь.

— Рейнара Эрлис, — постаралась ответить как можно тверже, вопреки тому что имя было мне до жути непривычным.

Дамочка скривилась и продолжила, отринув родовое имя:

— Рейнара, скажите, у вас ведь есть магия?

— Да, — ответила я, уже чуя, к чему клонит эта гюрза.

— Тогда почему вы не воспользовались ею? Представьте, что вам пришлось бы разнимать двух сцепившихся малышей-

перевертышей? Неужели вы вот так же, бесцеремонно, руками…

— Боюсь, что реши я применить свой дар, то малыши бы оказались не просто успокоены, но и упокоены. — Я развела руками. Дескать, вы же не указали в объявлении, какой именно дар вам нужен.

— Некромантия? — дотошно решил уточнить старик.

Я лишь кивнула, а он заинтересованно спросил:

— И какой силы дар? Сколько лет назад проявился и как?

И тут я поняла, что говорить про попытки самоубийства не стоит… Все же вроде как в перспективе маячит работа с детьми. А вдруг у них тут дискриминация для кандидаток в нянечки по суицидальному признаку? Оттого решила рассказать правду, но не всю.

— Я умерла. Нечаянно. После этого дар и открылся. Правда, пока проявился лишь в том, что я умудрилась договориться со Смертью.

— Что ж, это многое объясняет, — пробубнил маг себе под нос.

Я не удержалась от вопроса:

— Что именно?

— Ваш внешний вид, юная леди. Столь нетипичный для того, в ком есть дар некроманта, — начал чародей.

И по тому, как заблестели его глаза, а голос обрел глубину, я поняла: передо мной лектор. И не просто лектор, а оратор, затронувший любимую тему. Так и вышло.

Короткий, но содержательный рассказ сводился к тому, что каждый чародей, обращаясь к своей стихии, сливается с ней. И если магу огня его единение дарует энергию, заряжает силой, на мага земли после прикосновения к стихии снисходит спокойствие, то некромант отдает часть своей жизни. Через кровь и шрамы, через здоровье или молодость, через отмеренные всевышней богиней годы. Оттого зачастую некроманты отнюдь не красавцы или же в двадцать могут выглядеть стариками, а у тех, кто молод и красив, руки покрыты шрамами, рубцами. И это все — не результат научных изысканий, сложных обрядов или великих подвигов. Нет, такими милыми атрибутами внешности некроманты обзаводятся, когда дар только просыпается и они не умеют им толком управлять, а ведь попробовать хочется. А с учетом того, что сила обычно появляется в детские или юношеские годы… Вот и выходит, что к моменту, когда ума в голове уже поднаберется, в избытке будет и результатов «ошибок юности».

Слова преподавателя заставили меня призадуматься: какой я буду, если начну использовать дар?

Меж тем лектор разошелся не на шутку. Коллеги позевывали в кулаки, но судя по тому, что урезонить его не пытались, он был тут главнюком.

Из его речи следовало, что некроманты хоть и в почете, но по большому счету — в пролете. В общем, среди трех факультетов темной магии — чернокнижия, боевой магии и некромантии — последний самый малочисленный по причине ранней смертности. Ибо чуть переоценил свои силы — и все, примеряй белые тапочки. Те же чернокнижники хотя бы не чистую энергию смерти используют, а через каббалистику. Про боевиков и говорить нечего.

Лектор красочно расписывал перспективы некромантии, и на душе становилось все мрачнее. Наконец магесса все же рискнула оборвать речь коллеги, иначе экзамен плавно грозил перейти в первую, а то и вторую пару собственно занятий. Причем сделала она это весьма странным вопросом, вклинившись в паузу:

— Скажите, Рейнара, а вы замужем? А то я не вижу на вашей руке брачного браслета.

Ее вопрос настолько удивил, что я брякнула, не подумав:

— Нет.

— Очень жаль, — с наигранной печалью протянула дама, проигнорировав недовольство лектора, который только вошел во вкус. Сделав вид, что не заметила косого взгляда, она продолжила: — Видите ли, вы нам подходите. Уровень восприятия, адекватность, некоторое хладнокровие, а также упорство и выдержка — те качества, которые нужны няне при работе с юными магами.

Она усмехнулась, поймав мой скептический взгляд, и пояснила:

— Да-да, обращение оборотня тоже было проверкой. Многие не выдерживали подобного зрелища.

— А я полагала, что главное в работе с детьми — это знания: целительские, педагогические… — На этом мое воображение спасовало и я замялась.

Магесса же хохотнула:

— Знания? Даже осла можно выдрессировать бить копытом по клеткам, играя в кресты и треугольники. Гораздо тяжелее научить выдержке. У вас же все это есть, но имеется и одна маленькая загвоздка: вы юны, симпатичны и свободны. Многие дамы именно по этой причине могут не захотеть брать вас в качестве бонны.

«Все понятно, — в душе у меня проснулся циник и пошляк, — сказали бы прямо: благородные мамашки боятся, что смазливая мордашка может лечь под папочку их дитятка, а то и вовсе увести

его».

Из размышлений вырвал голос магички:

— Так что мы вас примем с условием, что вы в течение седмицы обзаведетесь супругом. Можно фиктивным, можно контрактным. Главное, чтобы он у вас имелся и его имя можно было вписать в ваше личное дело и рекомендательные письма. Ведь мы заинтересованы в том, чтобы каждая бонна нашла себе работу. А иначе как вы будете возвращать академии долг за обучение?

Из сказанного я поняла две вещи: во-первых, в этом мире нет понятия «совсем бесплатное образование». Вовсе нет. Есть только «отсроченно-платное». А во-вторых, если я не хочу оказаться на улице и намерена научиться контролировать дар, то мне придется найти мужа. К тому же магесса сама заявила, что не обязательно настоящего. Главное — предъявить. Интересно, в этом мире есть понятие «муж на час»?

Я твердо кивнула, еще не подозревая, что решение проблемы окажется весьма оригинальным и найдет меня само.

ГЛАВА 4

Магесса же, единым движением поднявшись из кресла, подошла ко мне и, положив руку на плечо, произнесла короткую рубленую фразу. Последняя в равной мере могла быть и заклинанием, и матюгом. Впрочем, одно не исключало другого.

Вон, у нас же одним словом можно рассказать целую историю. Правда, когда папа в сердцах озвучил сей лексический феномен, то получил от мамы подзатыльник и гневное: «Не при ребенке же!» А речь-то всего лишь шла о не согласованных с планом строительных работах и сводилась к тому, что на фига до фига нафигарили и нужно расфигаривать все обратно… Правда, в отцовом варианте фигурировали икс, игрек и другая высшая математика.

Меж тем слова волшбы, подкрепленные влитой силой, отозвались камертоном, сплелись заклинанием, набрали силу и прошлись от плеча к шее. Свернулись там под правым ухом в тугой клубок, который начал зудеть. То, что сперва было скорее похоже на щипок — больно, но терпимо, под конец экзекуции и вовсе заставило заорать. Кожа горела, будто тавро поставили.

Мантийная же стервь с невозмутимым видом сообщила:

— Поздравляю, вы зачислены. И в ближайший год будете находиться под протекторатом академии.

Я, еще не до конца отойдя от боли, глотала ртом воздух, приложив руку к обожженной коже, когда магичка, развернувшись на каблуках, прошествовала обратно, бросив через плечо:

— Свободны. Все необходимое узнаете в деканате факультета прикладной магии, что на светлой половине академии. Следующий!

Уже не столь обрадованная тем, что стала слушательницей курсов нянь особого назначения, я стиснула зубы и сделала шаг к двери, когда мне от старика прилетело:

— И пожалуйста, прикажите вашему фамильяру принять более подобающий облик. Помойная крыса на плече девушку не красит.

У меня возникла единственная мысль: «А она что, умеет?» Впрочем, ее я озвучивать не стала, желая поскорее убраться из столь «гостеприимного» кабинета.

Выйдя в коридор, увидела двух кандидаток: щупленькую, в очках девушку в господском, но явно с чужого плеча платье и дородную тетку в белом лопухообразном чепце. Эта внушительная фрау была из серии «бульдозер на полном ходу

остановит». Даже гадать не нужно, какая из них пройдет экзамен. Я лишь мазнула по ним взглядом и поспешила поскорее выбраться на свежий воздух. Шею все еще жгло, хоть и не так болезненно, как вначале. Оттого я душевно матюгалась. Правда, про себя, внешне храня молчание. Это и заставило крысявку занервничать.

Она поелозила хвостом по моему плечу, заглянула преданно в глаза и наконец, сложив лапы в молитвенном жесте перед грудью, пропищала:

— Ну не сердись ты так! Крысой мне всяко удобнее! Сама подумай, ну кем я еще могла быть на дирижабле? Не истинный же облик принимать.

Сначала я не поняла, о чем она вообще, но потом до меня, как до обогревателя в Зимбабве, дошло, что голохвостая подумала, будто причиной моего гневного сопения является она.

От ее умильной мордочки, быстро шевелящихся усов и скрещенных лапок невольно захотелось улыбнуться.

— Да я не из-за тебя. Мне словно клеймо на шее выжгли. Болит, зараза.

Крысявка, сразу же успокоившись, сунула нос в волосы, отыскивая предмет обсуждения, и выдала:

— Потерпи, скоро пройдет. Это магическая метка магистерии. Симпатичная, кстати, в виде совы.

— Уху, — буркнула я в ответ на манер прототипа своего теперешнего клейма. — Лучше бы они значок какой давали или кулон, чем вот так…

— Любая вещь может потеряться, — назидательно возразила крысявка.

У меня же спорить желания не было, зато заинтересовало другое:

— Кстати, а что там про твой облико аморале?

— Кого марали? — не поняла головастая.

— Это правда, что ты можешь менять свою внешность? — пояснила я.

— Ну да, — как само собой разумеющееся подтвердила погрызуха. — Просто на корабле быть крысой оказалось единственно возможным, чтобы не вызывать подозрений. А так-то бывший хозяин задумывал меня песцом. Хитрым северным лисом…

У меня же белый пушистый зверек вызывал ассоциацию лишь с фразой: «К сожалению, песец — это не только ценный мех…»

— Нет, лучше оставайся такой! — искренне воскликнула я, прикинув, что таскать на плече откормленную лису гораздо тяжелее, чем крысу. Да и внимание ценный мех привлекает куда

сильнее, чем два заточенных желтых резца. С мыслей о последних меня переключило на давно волновавший вопрос: — Кстати, а как тебе удалось так укусить того кобеля, что он челюсти разжал? Его же собрат за глотку цапнул, и ничего, стерпел, а тут от гораздо меньших зубов…

— Просто надо знать, куда кусать, — самодовольно заключила крыса, а потом, стушевавшись, добавила: — Только ты не смейся — я его в пах тяпнула.

Я действительно не засмеялась. Но не из-за просьбы собеседницы. Идя по парковой дорожке в пресловутый корпус белых магов, за разговором мы чуток отвлеклись. Оттого знакомого оборотня заметили не сразу. Наглой вальяжной походкой этот хмырь двинулся на нас.

— А вот и та, что задолжала мне. Деточка, тебя никто не учил, что если дразнишь мужчину, будь готова идти до конца? — провокационно начал он.

Я глянула на перевертыша, который успел где-то обзавестись штанами, но, видно, не в его привычках было долго ходить одетым, поскольку руки парня потянулись к поясной тесемке. Однако этот наивный блохастый еще не знал, что женщина — настолько беззащитное существо, что предпочитает нападать по причине того, что не умеет обороняться.

— Конечно, — в тон промурлыкала я, отчего оборотень, ожидавший от меня совершенно другой реакции: отшатнусь, испугаюсь, — сам растерялся. А я меж тем решила, что если пороть чушь, то раскормленную, в смысле полную: — Только, дорогой, знаешь, когда мы будем предаваться любви, я шерстяные носки не буду снимать, ладно? А то, знаешь ли, удовольствие удовольствием, но и простуда никому не нужна.

— Чего? — ожидаемо вытаращился на меня парень.

— Ну вот, начинается, — притворно протянула я. — Сначала «чего?», потом «как?», а под конец еще и «зачем?» будет… Мужчины… даже изнасиловать и то не можете.

Перевертыш, окончательно запутавшийся в паутине моих слов, озадачился, а оттого растерял весь свой запал.

— Да я… не то, что ты подумала. Я припугнуть только хотел, — смущенно признался он.

А у меня по спине пробежала капля холодного пота. Увы, это в шестнадцать думаешь, что пресловутое «припугнуть» от «реально сделать» отделяет железобетонная стена. Чем старше становишься, тем четче осознаёшь, что грань между этими двумя понятиями очень тонкая. Отреагируй я на первый его выпад поведением типичной жертвы: начни кричать, убегать — и разбудила бы инстинкт охотника, подхлестнула бы его. И

желание самоутвердиться, потешить уязвленное мужское самолюбие вполне могли довести до пошлого и банального насилия. А из-за чего? Из-за того, что крыса его тяпнула в причинное место. Как же — при всех унизила и оскорбила.

Понимал ли этот безусый молодой, а оттого дурной оборотень, что он мог совершить? В состоянии аффекта перешагнуть ту грань, после которой, возможно, сам перестанет себя уважать. Не знаю и знать бы не хотелось. Мне достаточно того, что он переключился. Сейчас главное — заставить его увидеть всю ситуацию под другим углом.

— Знаю, потому и не убила тебя. — Я блефовала. Отчаянно, глядя в глаза, словно сама верила, что говорю правду. — Разве не в курсе, что с поцелованными Смертью лучше дел не иметь?

— Ты не похожа на темную, — брякнул перевертыш, а потом, словно опомнившись, добавил: — Да нас на третьем курсе защищаться от вас учили. К тому же у меня и амулет против некромантской магии есть.

— И часто ты его проверял? — насмешливо протянула я, отмеряя в голос ощутимую долю превосходства.

Сработало. Оборотень сплюнул, а потом и вовсе буркнул:

— Вот теперь верю, что некромантка, — только вы такие языкастые и наглые.

— Наглость — второе счастье и порой — первое спасение, — хмыкнула я и представилась: — Рей. — И добавила, умасливая мужское самолюбие: — Ты извини, что на экзамене так получилось. Сам понимаешь, не магией смерти же в вас было швыряться? А то, что Энжи покусилась на тебя, так это она не с умыслом, просто мне помочь старалась как могла, — закончила я и протянула руку в типично мужском приветствии.

В этом простом жесте был свой особый смысл: пожмет — признает за равную. За противника ли, за друга ли, но не за женщину. Возможно, ударит, отводя душу, но уже не изнасилует.

— Кай, — представился он, после некоторого раздумья пожимая мою ладонь.

Кончики его ушей слегка заалели, и до оборотня наконец-то начало доходить, что он чуть не совершил по глупости. Ну наконец-то! Про себя мне давно хотелось как минимум хорошенько вмазать по этому его лицу, но внешне я была невозмутима и умеренно дружелюбна: зубами не щелкала, но и не скалилась от счастья.

— И ты меня извини, я слегка перегнул…

Оправдывающийся мужчина… А прошло всего-то с десяток минут. Но каких! Я в полной мере познала все прелести такой профессии, как сапер. Тем не менее удирать с поля — значит,

попрать все законы дипломатии, оттого пришлось вонзить ногти в кожу ладоней и невозмутимо обронить:

— С кем не бывает? Кстати, а как так получилось, что ты уже на третьем курсе?

И вновь я рано расслабилась, а оттого ляпнула, как поняла по насупившемуся лицу собеседника, не то.

— Что, слишком молодой? — рыкнул он, обнажая клыки.

Похоже, вопрос возраста — больная мозоль этого Кая. Постаралась ответить как можно беспечнее:

— Да кто тебя знает. Это у меня дар годы жизни наперед забирает, и в тридцать я вполне могу выглядеть на все сто. Причем не процентов, а лет.

Парень каламбура не понял, но заметно расслабился и соизволил пояснить:

— А то ты сама не знаешь, что в академию не по возрасту берут, а как дар в силу войдет. Обычно это к годам двадцати бывает, а у меня вот в четырнадцать.

Больше объяснений мне и не требовалось: наверняка белая ворона среди одногруппников, да еще и нелюдь. Добавить к этому юношеский максимализм и желание самоутвердиться — гремучий коктейль.

Вот только то ли оборотень увидел в моих глазах что-то такое, то ли просто у него накипело и захотелось выговориться, но он начал:

— Везет вам, некромантам, — возраст не понять, а у нас на боевке все сразу видно: сколько рейдов у кого, сколько шрамов, седины в волосах и силу дара. Я думал, что хоть в этом году не буду один… — и, перебив сам себя, пояснил: — Мой друг должен был поступать в этом наборе, но и тут не выгорело. Альту прямо в деканате сказали, что с его фамилией ректор свиток не подпишет.

Отчего-то даже стало чуточку, совсем каплю, жаль этого пацана. Изгой, у которого отобрали надежду. А потом у меня в мозгу словно костяшки на счетах щелкнули: при правильном раскладе даже самая большая проблема может обернуться выгодой.

— Скажи, а… — чуть не ляпнула «в этом мире», но вовремя остановилась, — а твой друг может взять родовое имя супруги, если надумает жениться?

От такого наводящего вопроса оборотень изменился в лице, вернув мне веру в то, что мозги ему даны природой, чтобы думать, а не уравновешивать задницу. А затем…

Вы когда-нибудь отмечали стадии принятия решения? Не женского, когда женщина решила, сделала, передумала и в итоге притворилась, словно ничего и не было, а истинно мужского. Я

воочию наблюдала, как сначала лицо Кая скривилось: дескать, что за ерунду ты несешь? Потом губы поджались, став тонкой линией, — это шел усиленный мозговой процесс. Затем разгладилась складка меж бровями, и наконец на свет родилась фраза:

— Какое же до неприличия простое решение — поменять имя рода.

Я лишь хмыкнула, вспомнив, как бабушка Софа говаривала про такое: «Заметь, внученька, мужчина никогда не признается, что автор гениального решения — не он. И мудрая женщина ни в коем разе не должна разуверить его в этом наивном заблуждении». Вот и сейчас я уловила, как в его на первый взгляд безликом восклицании лейтмотивом сквозило: «Ай да молодец я, ай да сукин сын! Как хорошо придумал».

— А род Эрлисов ему подойдет?

Я относилась к этому как к сделке, памятуя о том, что она будет тем удачнее, чем ближе интересы сторон. Оттого найти фиктивного супружника, которому от брака не нужно ничего, кроме самой церемонии, — для меня идеальный вариант. К тому же, как я поняла из слов магессы, разводы в этом мире — не редкость.

— А у тебя есть предложение? — Оборотень весь подобрался.

— Скажем так, у нас с твоим другом весьма схожая проблема, можно сказать, что почти одна на двоих. И мы ее можем решить к обоюдной выгоде.

На мою деловую речь Кай лишь хмыкнул:

— Вроде выглядишь чистокровной человечной, а рассуждаешь как заправская гномка.

— Я из клана одесситов. Правда, по бабушкиной линии.

— Не помню, чтобы слышал о таком, — задумчиво почесал макушку перевертыш.

— Поверь мне, если бы ты хоть раз столкнулся с истинным одесситом, то ты бы это запомнил не только на всю жизнь, но и на все посмертие.

— Из твоих уст это звучит как угроза. — Уголок губ у оборотня дрогнул: он попытался схохмить, но выглядело это так, что в каждой шутке лишь доля шутки. — Тогда разреши мне побыть сватом, раз уж у тебя есть предложение для Альта. Я бы, конечно, не торопил события, но, видишь ли, сегодня последний день набора в магистерию, а не только на эти твои курсы… Альт же как раз еще тут.

С этими словами оборотень подставил мне локоть. Причем, несмотря на его внешний вид — скорее голый, чем одетый, этот жест был весьма органичен. Видимо, этикета при других

обстоятельствах мой новый знакомый не чужд. Делать нечего, на жест доброй воли не стоит отвечать отказом. Я положила свою ладонь на его локоть, и мы двинулись знакомиться с «женихом».

Энжения, сидевшая на моем плече все время, что длились наши саперно-дипломатические переговоры, хранила напряженное молчание. Я чувствовала, как крысявка вся обратилась в тугой комок нервов и мускулов, готовых в любой момент ринуться в атаку, но пока затаившихся в засаде. И только когда мы зашагали по парковой дорожке, голохвостая позволила себе немного расслабиться.

Я же подумала, что деканат факультета прикладной магии может чуточку, часика два, подождать. Мне же за это время желательно успеть выскочить замуж.

— А каково полное имя твоего друга? — Я сочла, что негоже идти в молчании.

Ответ мне, конечно, ровным счетом ничего не скажет, поскольку в этом мире я никого толком и не знаю, но все же.

— Альтерин Вердэн, — отчего-то поморщился оборотень.

Я же услышала и забыла, решив разузнать у перевертыша о самой академии и о порядках, царящих тут. Как вскоре выяснилось, зря была столь невнимательной.

Альт обнаружился в кружевной тени одного из деревьев, что росло недалеко от входа. Долговязый, тощий, весь состоящий из углов, даже лицо его было каким-то нескладным. Черные волосы, светлая кожа, светлые глаза цвета поземки. По сравнению со своим накачанным русоволосым другом, у которого солнце расцеловало всю кожу до бронзы, он смотрелся странно. Я мысленно усмехнулась: да эти двое — идеальный плакат для фитнес-клуба с подписями «до» и «после».

И все же чувствовалось в этом Альте что-то, что делало его притягательным. Может, живой, пытливый взгляд, может, манера держаться, свойственная лишь аристократам, а может, что еще.

Как впоследствии оказалось, именно это «что еще»: Альт был чудесным собеседником, с которым через пару минут напрочь забываешь о его внешности. Даже возникшую неловкость, когда оборотень представлял меня другу, описывая, как мы познакомились при неудачной попытке «припугивания», Альт сумел разбавить беззлобной шуткой. Хотя по взгляду, промелькнувшему в глазах долговязого, стало понятно: несмотря на недосказанное его другом, он прекрасно представил, что чуть не произошло в парке.

Наконец, когда красноречие оборотня иссякло, Альт обратился уже ко мне:

— И что же у вас за заманчивое предложение, лесса

Рейнара? — Глаза собеседника смеялись, словно он уже предполагал, каков будет мой возможный ответ.

— Фиктивный брак. — Я не стала закладывать великосветские круги словесных оборотов, а перешла сразу к сути.

— Фиктивный? — Альт выглядел слегка удивленным. — Признаться, мне чаще приходилось слышать об истинном. И не от юных девушек, а из матушкиных уст.

Эта случайно оброненная фраза заставила меня по-новому взглянуть на собеседника: а он не так прост, как кажется на первый взгляд. Хотя если учесть, что Альт скорее всего кровей благородных и, очевидно (один лишь платочек из тонкого батиста с монограммой, небрежно торчавший из кармана камзола чего стоит!), далеко не бедняк, то логично предположить, что бракозаводные планы на его особу начали строиться чуть ли не с пеленок.

Я бросила выразительный взгляд на его запястье, где, как выяснилось в одной из задушевных бесед с крысявкой на дирижабле, должны красоваться брачные кандалы — парные браслеты мужа и жены.

— Судя по всему, речами и посулами на этот «истинный» матушке соблазнить не удалось? — усмехнулась я.

— Ну не то чтобы совсем, — протянул Альт, — но если я поступлю в академию, то вопрос о моей женитьбе будет временно закрыт. Так что причин, по которым я стремлюсь сюда попасть, у меня несколько.

— И какая же основная? — задала я вопрос тем тоном, в котором было поровну отмерено беспечности и любопытства. Вот только деловых ноток забыла добавить. Ан нет, не забыла. Специально.

Но от собеседника все же не укрылся подтекст вопроса: честная сделка предполагает честную игру. И от того, насколько Альт будет со мной откровенен, зависит, удастся ли нам договориться.

— Как ни банально это звучит, но я хочу стать боевым магом.

— А родительница против? — Кажется, я начала улавливать суть проблемы.

У нас вон многие мамочки спешили дать взятку кто призывной комиссии, кто врачам, лишь бы дитятко не подвергалось опасности. Осудить я их за это не могла, не будешь же винить мартовского кота за то, что он орет под окнами по весне? У него — инстинкт. Вот и у родительниц тоже есть инстинкт — материнский: оберегать и сохранять свое чадо. При этом не имеет значения, что дитятя уже выше отца на голову.

Мать всегда останется матерью, и по вечерам, заходя в комнату сына, будет стараться укрыть его одеялом получше. И не важно, что при этом она раскрывает его жену.

А представить, что сынуля сам решил в боевики топать? Так там же убить могут: умертвив какое решит подзакусить или соседи все же переплывут горы, перелезут через моря, пролетят над болотами, откопаются из снегов и нападут. Тогда что? На передовую?

Но, как оказалось, я мыслила все же стереотипами своего мира.

— Лесса Вердэн, может, и не была бы против, если бы имелись еще наследники по мужской линии… А мой старший брат… — тут он замялся, подбирая слова, — в силу некоторых причин навряд ли сможет подарить матушке внука. Оттого вопросы моей безопасности и женитьбы для нее первичны. — Альт все больше краснел, то ли от стыда за подробности, то ли от злости, что приходится обсуждать столь личные темы с практически посторонней девицей.

Зато Кай, как я уже успела понять, был чужд пиетета и церемоний:

— Почтенная лесса так прямо и заявила, что ей хватило старшего сына, закончившего магистерию, второго она потерять из семьи не хочет. А у нее слово с делом не расходится: она умудрилась заручиться обещанием Дэниэля — старшего брата, что ректор свиток на поступление с фамилией Вердэн не подпишет.

— Спасибо, ты очень выручил, — раздраженно бросил Альт. — Всегда мечтал, чтобы о личном говорили за меня.

Оборотень чуть стушевался, а потом недовольно дернул головой:

— С твоим желанием изъясняться деликатно мы время можем потерять. А день — он не бездонный.

Словно в подтверждение его слов пробил колокол, оповещая о том, что скоро начнется вечерняя служба в храмах Пресветлой.

Я же взвешивала все «за» и «против». Кандидата в соломенные вдовцы надо поискать. И скорее всего такому еще и доплачивать придется. А вдруг попадется сволочь какая? А этот Альт вроде нормальный парень. Не дурак, хотя наверняка со своими прибабахами… С другой стороны, у него в приданом — рассвирепевшая мамаша. А то, что она таковой будет, — как пить дать. Дитя сумело обойти ее заслон. Хотя, в случае чего, развестись ведь никогда не поздно?

Вот только один вопрос оставался неясным: а что со старшим-то такое, что он не может продолжить род? Болен?

Я озвучила эту мысль. Реакция у Альта оказалась странная: он отрицательно покачал головой и покраснел. Причем так густо, как это умеют только светлокожие, алея маковым цветом.

— Это из-за сферы его интересов, — туманно охарактеризовал он.

А мой извращенный телевизором и Интернетом мозг вспомнил старую песенку: «Мальчик-гей, мальчик-гей…» — с прилипчивым, как ветрянка среди детсадовцев, мотивчиком.

— Так он, значит… — Я не успела договорить, как Альт обреченно выдал:

— Да. И давай сменим тему.

— Договорились, — подняла я руки ладонями вверх. — Так. Если тебя устраивает предложение о фиктивном браке, то мы можем обсудить детали…

— Может, обсудим их в экипаже по пути к алтарю? — деловым тоном осведомился Альт, поглядывая на колокольню. Видимо, время поджимало изрядно.

— А…

— Обручальные браслеты купим в храме. И да, я как будущий супруг, — тут он усмехнулся, — беру все расходы, связанные со свадьбой, на себя.

Всю дорогу мы обсуждали детали фиктивного брака, права и обязанности сторон и прочие, столь любимые юристами мелочи. Лишь у порога храма мы пожали друг другу руки и скрепили устные договоренности клятвой. Прямо как деловые партнеры, заключившие удачную сделку.

Как впоследствии выяснилось, бракозаводный процесс в этом мире гораздо проще и быстрее, а может, процедуру венчания ускорило волшебное заклинание, короткое, но очень эффективное, всего в один звук. Звук золотой монеты, оброненной на мраморный пол под ноги капеллану.

Альт, правда, сразу поднял беглянку, а потом заявил, что раз деньги выпали из его рук в храме, значит, то угодно богине. И вложил кругляш в руку священника. Духовник такой подход одобрил, а оттого выслушал нас весьма радушно. Обозвал непутевыми чадами, но похвалил, что не желаем жить во грехе.

Еще пара золотых, и мой «жених» приобрел брачные браслеты, а капеллан, творя молитву, венчал нас. Свидетелем стал Кай, переминавшийся с ноги на ногу. Он стоял рядом со статуей Пресветлой в одних штанах. Лично у меня при взгляде на эту композицию создавалось ощущение, что мраморная дева, чей облик был крайне целомудренным и «обнаженными» оставались лишь ладони и лицо, с укоризной взирает на оборотня. Но перевертыша такое соседство ничуть не смущало. Его больше

волновало то, что его лучший друг сейчас женится!

Обряд подходил к концу, когда Альт надел мне на запястье браслет. Я повторила его жест, а потом… парень встал на колени передо мной, склонил голову и произнес:

— Я, Альтерин Вердэн, под дланью Пресветлой богини склоняю свою голову перед тобой, моя супруга, и спрашиваю: согласна ли ты, Рейнара, принять меня, твоего мужа, в род Эрлисов?

Я лишь успела пискнуть: «Да», как запястье кольнуло магией. Но если на моей коже ее касание ощущалась мимолетной почти лаской, краткой вспышкой, то руку «супруга» она стиснула крепкой хваткой палача и начала выжигать на нем новые руны. Альт, закусив губу, стоял все так же, на одном колене, опершись ладонью о бедро. А вязь рядом с его обручальным браслетом менялась, все больше становясь похожей на мою.

Я смотрела, как на коже супруга расцветает новый узор, и до меня с запозданием стало доходить, что развод в этом мире — процедура куда более болезненная, нежели штамп в паспорте с пометкой о расторжении брака. Вот только время, как вода, выплеснутая на раскаленный песок: вроде только что было, а уже ушло так глубоко, что и не соберешь, не вернешь обратно. Но бабушка Софа всегда говаривала: «Шо ты переживаешь за то, что уже произошло! Оставь ты эти бесполезные мозговые схватки и роди лучше решение проблемы, в которой ты по своей дурости оказалась!»

Увы, в этот раз вопрос требовал, чтобы его таки хорошенько продумали. И я, пользуясь бабулиной терминологией, начала процесс вынашивания этого самого решения. Благо торопиться было уже некуда.

Церемония меж тем подошла к концу, священник осенил нас троеперстием и, напутствовав в духе: «Любите друг друга, плодитесь и размножайтесь», — выдворил из храма.

Альт же, махнув рукой, поймал извозчика, и едва мы забрались в повозку, велел гнать к академии. Видимо, он, в отличие от меня, прекрасно осознавал, на что шел, и не хотел, чтобы его жертва была напрасной.

Вот только у ворог магистерии случился конфуз. У оборотня денег не было по причине того, что собственно не оказалось места, где он бы мог их спрятать: штаны были без такого удобного приспособления, как карман. Оголенный же торс с буграми мышц и даже на вид твердым прессом не располагал к хранению звонкой монеты. Полагаю, сей факт в первую очередь ввергал в пучину уныния земных стриптизеров, но и в случае с Каем заставил его печально вздохнуть и развести руками.

Дескать, чего не имею, того не имею. Я же со своей единственной монетой расставаться не хотела принципиально. И пусть я замужняя дама от силы с два десятка минут, но все же. Супруг ведь сам заказал нам это парнокопытное транспортное средство. Вот пусть сам и расплачивается. Ибо не фиг на бюджет жены посматривать. Хотя Альт сейчас именно это и делал. Краснея, смущаясь, он заглянул в пустой кошель. То, что последний столь же полон, как только что отформатированная флешка, было даже мне понятно.

Благоверный уже потянулся к дорогому кольцу, которое явно превосходило сумму проезда в сотню, если не в тысячу раз, когда я приняла решение.

— Выходим, — прошипела на ухо аристократу с нажимом, когда тот собрался протянуть кольцо кучеру.

Сама же, забрав кошель, как бы случайно положила его на видное место. Блага открытая двуколка прекрасно позволяла кучеру увидеть то, что творится на заднем сиденье.

Когда же мы трое оказались на земле, а возница оглянулся на нас с немым вопросом, дожидаясь оговоренной оплаты, я решила проверить, насколько наш «водитель» честен и сребролюбив, и воскликнула, изображая глупышку:

— О, дорогой! Кажется, ты обронил кошелек в коляске.

В моем мире таксист в тот раз дал по газам. В этом — крик «но!», прозвучавший одновременно с ударом кнута, сработал ничуть не хуже. Лошадь резко взяла с места, понукаемая возницей. Двое парней, опешивших от такой реакции меня и кучера, еще с полминуты оторопело смотрели вслед мчащей двуколке. Я же поняла одно: есть вещи, которые не зависят от мира и от времени. Например, человеческая глупость.

Наконец мои спутники отмерли и вознамерились так же резво помчаться осуществлять свой дерзкий план штурма академии. Едва успела их остановить и в двух словах сговориться, что завтра нужно встретиться. Хотя бы обсудить то, что по пути к алтарю не успели. Ну и банально договориться о том, как поддерживать связь. А то потеряемся потом в этом странном мире — и как развестись?

Когда они удрали как наскипидаренные, я, все так же прижимая к себе узелок со своим добром (с которым рассталась лишь ненадолго в кабинете экзаменаторов, и то по причине того, что пришлось оттаскивать оборотнистую шавку за хвост), направилась к южной башне.

Энжи сидела подозрительно тихо, и это не могло не насторожить. Я дернула плечом, на котором вольготно расположилась крыса. Голохвостая, что всю брачную церемонию

провела так же на моем плече, лишь слабо пискнула и… захрапела. Я не поверила и, вывернув шею, уставилась на погрызуху.

Та бессовестно дрыхла! Даже лапкой во сне подергивала, умывая мордочку. Хотела было ее аккуратно спустить: не ровен час, упадет ведь, расшибется с дремы-то, но тут моя крысявка сама соизволила проснуться.

— Разбудила? — спросила для проформы.

— Нет, — довольно зевая, ответила Энжи. — Выспалась. А то устала за тебя трястись. Бедовая ты, из одного не успела выпутаться, в другое ввязалась… Пока я дремала, хоть замуж-то вышла? — как ни в чем не бывало осведомилась она.

Мне оставалось лишь вздохнуть. Мою печаль погрызуха расценила по-своему.

— Ну да, семейная жизнь — она такая. Не вздохи на скамейке… — А потом ехидно добавила: — Скорее уж стоны, а вот где — в спальне на постели или над пригоревшим котелком на кухне, — зависит исключительно от жены.

— Тьфу ты! — воскликнула в сердцах. — Я не об этом.

— И я тоже, — уже серьезно начала крыса. Видимо, окончательно проснулась. Причем не только она сама, но и ее острый язык. — Ты хотя бы поняла, с кем связалась?

— С аристократом. — Я скривилась, припомнив, как расточительно Альт разбрасывался монетами, особо их не считая, и под конец на извозчика у него не осталось. — И с жутко не приспособленным к обычной жизни типом.

К этому моменту мы уже вышли на небольшую площадь, что расположилась во внутреннем дворике академии. Фонтан, журчащий по центру, манил к себе кого прохладой, кого мерными, успокаивающими звуками, кого удобными бортиками, на которые можно было присесть.

— Не переживай. Зато, я так понимаю, у него старший братец жутко хозяйственный. Ничем не разбрасывается. Особенно чужими тайнами. Так и норовит их прибрать к рукам.

И тут у меня в голове сложился пазл: тот крылатый шпион на дирижабле… Он ведь… Вердэн? Я не выдержала и в сердцах отвела душу. Исключительно многоэтажно и ни разу не повторившись. Увы, рядом оказались уши. И кто-то даже одобрительно присвистнул, а до меня донеслось:

— Девушка, а можете повторить? Я не успел записать.

Девушка смутилась и послала любопытного… за анатомическим атласом. Там он не только все в письменной форме найдет, но и в картинках.

— А я думала, что ты знаешь, за кого замуж выходишь, —

хмыкнула крысявка, после того как я озвучила библиотечный тур собирателю идиоматических выражений.

— Я тоже так думала… — протянула задумчиво, — а сейчас я начинаю понимать, что замужество довело меня до прогрессивной клаустрофобии…

— Клау… чего? — не поняла крысявка.

— Клаустрофобии — боязни замкнутого пространства, — доходчиво пояснила я.

— Так мы же на улице, — не поняла голохвостая, для достоверности заозиравшись вокруг. — Какое еще замкнутое пространство?

— В гробу, Энжи, в гробу. Ведь если мы правильно с тобой поняли, этот старший брат Альта — мужчина серьезный. А серьезные люди, да и нелюди, полагаю, тоже, решают проблемы серьезно. А что может быть быстрее, эффективнее и надежнее, чем летальное устранение проблемы?

— Зачем же так пессимистично? — удивленно пропищала крыса. — У всего есть и светлый лик.

— В противовес темной заднице? — пробурчала я, имея в виду не анатомию, а проблему.

Мое бухтение было воспринято желудком как сигнал горна, и живот выдал на-гора целую руладу.

Я вспомнила, что еда — это не только удовольствие, но и жизненная необходимость. Оттого решила, что раз уж я задержалась с посещением деканата на цельный час, то пара минут переполоха уже не наведут.

Выбрав скамейку поприличнее, уселась, развязав свой узелок, и с наслаждением вгрызлась в ломоть хлеба. Крысявка милостиво согласилась составить мне компанию и тоже щелкала резцами.

Мимо проходила компания студиозусов: трое парней и девушка. Все в академической форме, лишь цвета рубашек разные. А в остальном: колеты из светлой кожи, штаны, заправленные в раструбы высоких сапог, притороченные к поясам кинжалы — словно из инкубатора. Хотя нет, вру: еще шнуровка разная и, знамо, украшения-амулеты.

Смерив меня презрительным взглядом, девица уничижительно обронила вроде как своим спутникам:

— Беднота не может позволить себе поесть в столовой? И зачем такую берут? — Она цедила яд не хуже удоистой кобры. — Хотя, говорят, курсисткам, которых учат на прислугу, доплачивают, вот эти нищебродки и рвутся сюда…

Нет, по жизни я оптимист. Но голодный, уставший, разозленный оптимист страшнее любой гадюки. Умом я понимала, чем обусловлен такой пассаж: желание

самоутвердиться за счет унижения другого — тут лишь слабая тень истинного чувства. А первопричина — то, что один из парней бросил на меня заинтересованный взгляд. Причем парень, на руке которого девица усиленно висла. И вуаля! Женская ревность.

— Возможно, беднота и не может позволить себе поесть в столовой, — начала я, поймав цитату этой мамзели, — но зато я не нуждаюсь в штопке. А вот вам бы, уважаемая, не помешало сходить к портному…

Вот так всегда: стоит упомянуть внешность, и любая женщина тут же кинется себя осматривать — где и что не так? Эта адептка не стала исключением, опустив взгляд в попытке увидеть, где же шовчик разошелся? Убедившись, что одежда на ней цела, она подозрительно протянула:

— Это еще почему?

— Да чтобы заштопал дырку под носом, которую умные люди величают ртом. А то у некоторых этот самый рот — как корзина с протухшими яйцами, что не слово — то амбре.

— Да как ты… — завелась она.

А вот парни, слушая нашу милую девичью беседу, начали тихо скалиться.

Я же в лучших традициях бабушки Софы всплеснула руками, выдав:

— Ой, милая, да не делайте мне беременную голову вашим неуцененным мнением! Оно мне не сдалось ни разу. А вы ко мне с ним пристали, как цыганка на базаре.

Девица разозлилась, а ее спутники, услышав прочувственную речь на четверть одесситки, откровенно заржали. Я же поняла: сейчас эта мамзель фыркнет, может, решит даже заклинанием зазвездить… но в итоге даст себя уговорить и увести от «оборванки». Нет, велика вероятность, что потом и отомстит мне, но тихо, без свидетелей, а сейчас же… Я одной короткой фразой подкупила парней, и адептка это почуяла. Не поняла, иначе бы сумела отбрить меня ответной репликой, а почуяла исконным женским нутром. И, как и всякая женщина, не стала выставлять себя в глазах того, кому хочет понравиться, в невыгодном свете.

Увы, я не учла третьего решающего фактора: Энжи, до этого скрытая от глаз адептов моими волосами. Крыса воинственно высунула морду из-за кулис, щелкнула клыками и подобралась для прыжка.

Этого было достаточно, чтобы девица переменилась в лице и попятилась. Парни тоже скривились, но, к их чести, позиций не сдали. Но все же и их моя напарница впечатлила, оттого они с достоинством отступили, или попросту благородно

дезертировали, не показав нам с Энжи своих тылов.

Крысявка же, довольная произведенным эффектом, усмехнулась:

— За что люблю этих искусников и теоретиков — они такие милые и впечатлительные ребята. Их в стену впечатать может даже не хороший удар, а крик…

— Это ты по цветам их рубашек поняла? Ну что они с этих специальностей?

— Нет, по значкам, что приколоты на груди их колетов. Там так и написано: «Адепт второго курса Ирма Ворчек», например, — усмехнулась Энжи.

А я же, вспомнив эти самые значки, украшенные самоцветами и узорами, подумала, что такой «бейджик» тянет наверняка на сотню золотых.

Тем не менее первый голод я уже утолила, а запал после словесной дуэли окончательно отбил остатки аппетита. Вот только эта самая пикировка меня убедила: что в том мире, что в этом — особо тебя никто не ждет с распростертыми объятиями и, если хочешь чего-то добиться, надо пахать и пахать. В идеале — как трактор «Беларусь», причем работающий на атомном расщепителе: не останавливаясь на дозаправку годами.

А посему я встала, стряхнув с подола крошки, завязала остатки краюхи в узелок и направилась туда, где мне должны были в перспективе выдать волшебный пендаль в жизнь. Деканат факультета прикладной магии встретил меня деловитым скрипом пера о пергамент и усталым вздохом секретаря. Почтенная дама с седым пучком на голове и в очках в роговой оправе корпела над длиннющим свитком.

Она была столь увлечена, что мне пришлось изобразить мамонта, который отчего-то решил станцевать канкан, и выразительно потопать. Когда секретарь оторвала взгляд от бумаги и перевела его на меня, я невольно подавила крик: глаза со сплошным зрачком — то еще зрелище. Два бездонных провала, в которых расплескались чернила.

— Вы что-то хотели? — сухо поинтересовалась секретарь.

— Д-да, — чуть с запинкой выдавила я. — Я сдала экзамен на курсы бонн для одаренных детей…

— Что-то вы долго шли, — с долей перца обронила секретарша. — Мне ведомости поступивших закрывать, а последней курсистки все нет и нет. Хотели уже недобор поставить.

— Я замуж выходила, — ляпнула первое, что пришло на ум, в свое оправдание.

«Я прямо как грузчик, что распатронивает фуру: лишь смутно

осознаю, что несу», — подумала с запозданием, когда слова оправдания уже сорвались с языка.

— Однако… — только и выдала дама.

Сейчас при внимательном рассмотрении я углядела в ее напрочь седой шевелюре маленькие рожки. Да и ногти на руках скорее походили на когти.

Тем временем секретарь протянула мне лист пергамента и свиток. Первый представлял собой расписание и перечень необходимого для обучения. Во втором полагалось поставить свой автограф.

Чиркнув закорючку напротив своей фамилии и въедливо прочитав все, что написано на листе, я все же поборола робость и уточнила три животрепещущих вопроса: об общежитии, о стипендии и об учебниках.

Первого мне не полагалось по той причине, что комнаты предоставляются лишь адептам, а я к ним не относилась. Второе выдадут в середине следующего месяца, а третье… Секретарь рассмеялась, как плетью хлестнула: резко, в голос.

— Учебники для нянек? Девушка, вы из какой провинции? — «Вылезли» хоть и не прозвучало, но было столь явственно, что лучше бы она это сказала. — У вас будет только лекционный материал, и то краткий. Зато практики — хоть отбавляй.

Я сочла за лучшее удалиться из приемной. Эта безобидная на первый взгляд секретарша — божий одуванчик на поверку оказалась сущей фурией. Последнюю лестную характеристику я и озвучила, как только двери в деканат закрылись.

— Ага, — поддакнула крысявка. — Ночные фурии все такие. Стервы да и только.

— Да я вообще-то выражалась фигурально, — начала я, понимая, что этот мир мне еще познавать и познавать.

— А получилось прямее некуда. Хотя и фигурально… Фигура у нее ничего. Бывают фурии, что в дверь не проходят.

В библиотеку я все же решила наведаться. Как говаривала Анаконда Джокондовна, у хорошего бухгалтера должны быть две любимые настольные книги: «Бухучет» — чтобы хорошо работать, и Уголовный кодекс — чтобы не попасться на этой самой хорошей работе. И если первый талмуд мне сейчас без надобности, то от второго я бы не отказалась, потому как Энжи хоть и отличный собеседник, но многое за триста лет, проведенных ею по ту сторону грани, все же имело место быть. А еще мне бы не помешал справочник. Для начала хотя бы по расам, чтобы не попадать впросак.

Средоточие манускриптов, гримуаров и учебников обнаружилось в башне темной половины академии. Вообще,

насколько я поняла, магистерия была поделена на два лагеря: магов темных и магов светлых.

Как узнала у крысявки, пока мы искали эту самую библиотеку, расспрашивая дорогу у студиозусов (почему-то молодняк чаще кривлялся, а вот старшекурсники, наоборот, отвечали с охотой, отринув такую мелочь, как мой затрапезный вид), ее хозяин тоже некогда обретался в стенах этой академии. Оттого она кое-что о ней знала, пусть и понаслышке.

Так, например, в белой половине имелись факультеты артефакторов, алхимиков, предсказателей, бытовиков, искусников, целителей. У темных значились в активе некроманты, чернокнижники, боевики. В каждом — по несколько специальностей. Вот, например, бывший хозяин Энжи, тоже некромант, ударяясь в воспоминания, рассказывал о своей юности. Из этих его ностальгирований крысявка усвоила одно: белые — это такие пушистики, рассуждающие о мире во всем мире и если гадящие, то исподтишка. Зато их любят, ценят и не представляют без них жизни.

Среди выпускников же факультета темных — дипломаты, политики, военные, чья роль простому люду чаще всего не видна. Одни из них решали проблемы хитросплетением слов, вторые — силой. А еще это крыло прозвали в народе Академией темных властелинов, ведь именно оттуда выпускались маги-боевики, что зачищали приграничье аномальных зон от нечисти. А император, не будь дурак, придумал жаловать этим чародеям за верную службу зачищенные ими же территории. Значится, чтобы и впредь некроманты с чернокнижниками поддерживали там порядок, но уже им за это не платить. Земля-то уже переходила в их вотчину. Вот так и повелось, что властителями земель вокруг аномальных зон становились темные. Некоторые из них так поднаторели в зачистке, что со временем из «наград» собрали чуть ли не малые княжества. Поэтому-то боевиков, некромантов и чернокнижников величали еще и темными властелинами пограничных земель.

Белые, знамо дело, такому раскладу завидовали, но, сколько ни роптали, император был непреклонен и всегда выдвигал аргумент, суть которого сводилась к следующему: научитесь сдерживать нечисть приграничья — тогда и вам отжалую участочек. Светлые злились, как-то раз даже воинство собрали под началом белого паладина Клавируса Великолепного… но нежить Тусманских болотищ не впечатлилась. Жмырям пришлось по вкусу филе артефакторов, крылухам особо понравилось цедить кровь из целителей (не иначе для них это был своеобразный коктейль с перчинкой из настоев трав). Мавки, дав сто очков вперед краснодипломникам-иллюзионистам, предстали перед

воинами света в столь соблазнительных обликах, что и заманивать особо впечатлительных в топи не пришлось — сиганули сами следом за красавицами. Зомби же было без особой разницы, чье мясо жевать, но к общему ажиотажу они тоже присоединились. В общем, поход Света против нежити закончился поднятием авторитета темных как исконного заслона простого люда от нечисти.

Под крысявкин пересказ впечатлений ее бывшего хозяина мы и добрались до библиотеки. Книжный служитель, хоть и весьма удивился моему приходу, — что курсистка тут забыла? — однако выдал аж три книги: свод основных имперских законов с комментариями, учебник по расоведению и малый справочник для некроманта.

Получив даже чуть больше, чем рассчитывала, я окрыленная вышла из библиотеки. Вечер кошачьим шагом вынырнул из-за угла, подкрался, положил мягкие лапы на плечи. Воздух стал тягучим, густым, каким бывает лишь на исходе дня.

А я, прижимая к груди книги, подходила к воротам и все четче осознавала: за событиями насыщенного дня совершенно упустила из виду такую простую вещь, как ночлег.

На подходе к воротам решила перекинуться парой слов с сегодняшней знакомой — привратницей. Каково же было мое удивление, когда обнаружилось, что створки плотно закрыты, а стражницы врат нет и в помине. Как мне объяснила пойманная за локоть адептка, в которую я вцепилась голодной блохой, никакой бабули-вахтерши в академии никогда и в помине не было. Ворота магически закрывались с последним ударом вечернего колокола для всех студиозусов до утра.

Пришлось разжать пальцы, и девушка, покрутив пальцем у виска, убежала к общежитиям. А я поняла, что на ночь глядя осталась без крова в магической резервации.

ГЛАВА 5

Я опечалилась. Перспектива греть скамейку поясницей не прельщала. Набиваться на постой к сегодняшним знакомым, пусть один из них как бы и супруг, было совестно. Однако, вспомнив поговорку: «Чистая совесть, бесспорно, мягкая подушка, но еще мягче наволочка, набитая денежными купюрами», — я плюнула, решив, что лучше посгораю от стыда с полчасика, просясь переночевать, чем всю ночь меня будет жечь холод.

С такими мыслями я и направилась разыскивать общежитие боевого факультета. Поплутав, не без этого, нашла. Уже запаслась сердобольной историей для бабушки-вахтерши, когда перед входом увидела список. На металле рунической вязью шли фамилии студентов и номера комнат. И третьим в списке выгравировано: «Эрвин Торон».

Меня от этого имени словно перемкнуло, а мысли заработали со скоростью турбированного движка, когда впечатываешь педаль газа в пол. Крысявка, почуяв мой настрой, беспокойно зашевелила усами.

— Ты что удумала?

— Каким заклинанием определяют, беременная ли девица?

— Сканирование. Если есть сдвоенная аура, то, значит, понесла… — еще не догадываясь, о чем это я, ответила крысявка.

— А ты за младенчика в утробе сойдешь?

Голохвостая закашлялась.

— Так сойдешь? — Ослы и те могли позаимствовать моего упорства. Причем оптом.

— Наверное, — неуверенно начала крысявка, когда я ее сграбастала и запихнула в вырез платья. — Правда, обычно еще и заклинание родства накладывают, чтобы быть уверенным в том, кто отец… — Это она уже вещала, путаясь в ткани.

— Ну, будем надеяться, что адепты пятого курса боевого факультета в генетике не сильны… — подбодрила я то ли себя, то ли Энжи.

Вахтерша все же обнаружилась. Вернее, вахтер. Едва завидев меня, он тут же попытался выдворить нахалку из мужского общежития: не положено девушкам, да еще на ночь глядя… Но куда ему до госпожи Смерти. У той аргументы повесомее были, и то я ее переубедила. Правда, била на этот раз ниже пояса: тем, на что мужчина ответить навряд ли может. Вспомнив беременных подруг, я прижала ладонь к пояснице, чуть распрямилась, со стоном напрягая живот, чтобы он казался побольше, и, изображая девку на сносях, начала:

— Да об непотребствах не беспокойтесь, мне о них думать-то уже не с руки. Роды скоро. Я к мужу пришла, он дома забыл. — И для достоверности тряхнула своим узелком. Причем специально взяла его в ту руку, на которой красовался браслет.

Вахтер не успел открыть рот, чтобы развернуть меня повежливее, как тут же его закрыл. Не иначе с панталыку его сбил исконный мужской стереотип: беременная баба — что взведенная бомба. Чуть такую делом ли, словом ли тронешь… и родить может. Не стала разрывать шаблонов этого, судя по всем признакам, закоренелого холостяка.

— Ой! — Я положила руку на живот.

Под ладонью завозилась Энжи, изображая начало родовой деятельности. Вахтер подавился так и не прозвучавшими словами, а я же, воспользовавшись его замешательством, протараторила:

— Я быстречко. Туда, обратно и назад.

Мужик лишь ошалело кивнул, а я посеменила утячьей походочкой, что свойственна лишь отяжелевшим. Комнаты адептов начинались со второго этажа. Нужную дверь нашла быстро. Вот только звуки, доносившиеся из-за двери, наводили на мысль, что если я минуту назад «рожала», то тут явно «беременели».

Стало обидно за мою предшественницу. Рей хоть и поступила весьма опрометчиво и безрассудно, но ведь не из корысти же. А этот Эрвин мог бы просто отфутболить девчонку, а не ломать ей жизнь.

Решительно одернула рукав, пряча под тканью браслет. Сейчас он будет неуместен. Постучала громко и настойчиво, как коллектор при исполнении. Стоны на миг оборвались, а потом послышалось:

— Занят!

Я недолго думая развернулась и что есть силы шандарахнула каблуком о дверь. От души. Раз двадцать.

С той стороны послышались ругань и шорохи. Многообещающее: «Сейчас я…» — оборвалось на полуслове, когда в распахнувшейся двери парень увидел мое лицо.

Не знаю, какими фразами в этом мире принято приветствовать тех, с кем некогда провел бурную ночь, но вырвавшееся из уст адепта: «Да чтоб тебя!» — подозреваю, не самая популярная из них.

Эрвин (а это был он, слишком уж похож на тот образ, что описывала Рей в своем дневнике) попытался захлопнуть дверь. Но от злого бухгалтера еще ни один оптовик целым не уходил. А то, что парень работал «на потоке», а не штучно, меняя дев в своей

постели, как иной — одноразовые бритвы, становилось понятно по его виду.

Красивый той притягательной мужской красотой, в которой все неправильно. Выше меня на голову, с неровно обрезанными до плеч льняными волосами. Чуть раскосые, кошачьи глаза цвета дымчатой зелени внимательно изучали меня. Длинный греческий нос с горбинкой и подбородок как у Брута. Но самое главное — неуловимый отпечаток властности на его лице.

Так вот ты каков — причина самоубийства Рей.

Парень, нет, молодой мужчина, напрягся. Тем четче проступил рельеф стальных мышц. Его рука, сильная, типично мужская, с жилами вен, дернула дверь, желая захлопнуть ее перед моим носом. Я же, дитя века атома, приученная к коварству лифтов, чисто инстинктивно сделала то, что совершает всякий русский человек, когда хочет остановить закрывающиеся створки: сунула ботинок в щель. Благо подметки у моей обувки оказались дубленые и с честью выдержали испытание.

— Милый, кто там? — томно донеслось из глубины.

— Проблемы, — нагло ответила я: отступать было особо некуда.

— Маловата ты для моих проблем. — Эрвин оценил мою настойчивость и, поняв, что с закрытием двери его неприятность в моем лице не исчезнет, осведомился: — Чего надо?

— Пить, а то так есть хочется, что переночевать негде, — выдала я всю глубинную суть дела.

— Переночевать, говоришь. — Он хищно усмехнулся, открывая дверь шире.

Что же, есть люди, которым костюм Адама к лицу, а фиговый листочек только портит картину. Эрвин был из их числа. И, судя по его поведению, он это прекрасно знал. Вот только если блондин намеревался смутить пусть уже и не девицу, но, по его прикидкам, еще не сильно опытную женщину… тут он просчитался.

В отличие от Рей, у которой одна-единственная ночь разделила жизнь на «до» и «после», у меня за плечами был небольшой практический и глобальный (в век Интернета у кого его нет?) теоретический опыт. Все же в двадцать шесть я едва не дошла до загса с Вадиком, моим бывшим. Полгода мы жили вместе и уже подали заявление, когда я услышала гениальное мужское выражение: «Мы не подходим друг другу, нам нужно расстаться, чтобы не совершить ошибку».

Тогда он собрал чемодан и ушел из нашей съемной квартиры. А я через месяц узнала, что причиной несовместимости характеров стала трешка в центре. Потому как любящая и

симпатичная Ирочка — это, конечно, хорошо, но трехкомнатный аквариум, где плавала золотая рыбка Аллочка, лучше. К тому же в комплекте с миленькой, но глупой женой шел тесть-депутат. Но это было потом, а сначала я ревела в подушку и заедала горе шоколадом.

Подруга и коллега Лена, отбирая очередную плитку, увещевала, что я испорчу фигуру и у меня будут прыщи. Я же, жуя ломтик за ломтиком, утверждала, что прыщи появляются не от шоколада, а от тех сволочей, которые вызывают стресс, который лечится только шоколадно-шоповой терапией.

Но, так или иначе, свою прививку любви я получила. Потом были отношения с Родионом, но уже без той остроты и романтизма. Зато веселые. И расстались мы с ним легко: как-то оба поняли, что хотим от жизни разного. Я — дома и семьи, он — приключений и свободы. Но мы друг другу и так ничего не обещали, поэтому-то и не было разочарований.

В общем, если телом ныне я была почти девица (как кто-то шутил — первый раз не считается), то душой — уже женщина. Немного циничная, уже практичная, но еще не до конца разучившаяся верить в любовь. И эта женщина разглядывала красавчика, усмехаясь: что я такого тут не видела?

Вот только того, кто стоял напротив, тоже было не смутить. Он, поняв, что и я заливаться румянцем не собираюсь, выдохнул:

— С нашей последней встречи ты изменилась. Теперь хотя бы не такая пресная и глупо-наивная.

— Раз уж ты сравнил меня с пресным тестом, то можно сказать, что я еще — как и опара. Ты меня помял — а я подошла и раздалась благодаря твоим стараниям. — Я бесцеремонно оттеснила Эрвина плечом и вошла в комнату.

Две кровати, одна из которых убрана, а на второй — симпатичная малышка. Блондинка с пышной грудью, которую она не слишком старательно (так, чтобы мужской взор мог оценить и наигранную стыдливость, и приятную округлость полушарий с ложбинкой) прикрывала одеялом. В полумраке свечей ее сливочная кожа казалась весьма соблазнительной. Хоть сейчас для фото на глянец «Плейбоя». Татуировка на шее — значит, адептка.

— Что за… — начала она.

Я же не обратила на нее никакого внимания, а с радостным:

— Нормальная кровать! — подошла ко второму ложу.

Потом деловито сняла ботинки, стянула покрывало и легла на матрас, замотавшись в одеяло, как в кокон.

В комнате повисла тишина.

— Да вы, ребята, не стесняйтесь, продолжайте. Я тут посплю

малость…

Эх, наивно я полагала, что на меня не обратят внимания. Эрвин содрал с меня одеяло.

— Быстро встала и ушла! — отчеканил он.

— Прогонишь мать своего ребенка? — парировала я.

— Какого, к утопленникам, ребенка?

— Обыкновенного. Который появляется, когда мужчина погружает в женщину семенную жидкость… — начала я занудным тоном нашего лектора по анализу и аудиту. — Кстати, вам, милая, — я обернулась к девушке, — я бы тоже рекомендовала после этой ночи посетить лекаря. А то, знаете ли, беременность, интимные болезни… Я, например, после одной ночи с ним, — кивок в сторону начавшего не на шутку злиться адепта, — лечилась.

— Видимо, в клинике душевнобольных, — не остался в долгу блондин, у которого ночь любви накрылась медным тазом.

Но мои слова уже попали на благодатную почву, потому как девица вскочила, откинув одеяло и отринув уже ненужную скромность, залепила пощечину своему, надо полагать, уже экс-бойфренду и начала спешно натягивать рубашку и штаны, бормоча под нос:

— Подлец! А уверял, что у него руна от внебрачных детей есть… Зараза с усохшим корнем!

— Милена, подожди!.. — Эрвин попытался остановить кхм… девушку, но полюбовница оказалась не только проворной, но и горячей штучкой.

В прямом смысле слова горячей: на ее руке загорелся фаербол.

Когда дверь за красоткой захлопнулась, на меня уставились в упор. Словно расстрелять хотели. Причем дважды.

— Ну? — многообещающе начал он.

Я же, выдохнув, признала:

— Согласна, не самая лучшая идея — вломиться к тебе, но мне банально негде переночевать.

Меня все еще сверлили взглядом, словно размышляя, свернуть шею сейчас или еще подождать. Но вот то, что прозвучало дальше… не думала, что он начнет с этого. Хотя нет. Я не думала, что он вот так просто заговорит. Слишком много злости чувствовалось сейчас в этом мужчине. Оттого, едва прозвучал его вопрос, я мысленно с облегчением вздохнула: если заговорил, значит, пусть неосознанно, но готов к мировой.

— Ты правда беременна от меня?

Нервно сглотнула. И решила начать издалека.

— Слушай, то, что было между нами, — недоразумение. Оно

уже в прошлом, — начала с покаяния, которое бальзамом должно было пролиться на пострадавшее мужское самолюбие. — И сейчас я прекрасно понимаю, что было ошибкой полагать, что у меня есть шансы…

Я старалась говорить окольными фразами, все же дневниковые откровения Рей — не личные воспоминания. Вероятность осечки велика.

— Ты из породы тех хранителей домашнего очага, кто умудряется своей кочергой ворошить одновременно еще пару костров. Так что можешь в плане женитьбы быть спокоен. Я свою ошибку поняла и осознала…

— Ты не ответила на мой вопрос: чей у тебя ребенок.

— Ничей, — сдалась я. — Энжи, вылезай.

Иногда лучшее оружие — это честность. Нагая, обезоруживающая честность с крысиной мордой, которая готова защищать свою хозяйку и грызть противников до последнего резца.

— И ты… — Эрвин начал приближаться, грозя нависнуть над маленькой мной.

В воздухе прямо-таки звучало «посмела». Оттого я поспешно решила сменить русло недосказанной мысли:

— …и я пришла к единственному человеку, которого знаю во всем городе. А что мне оставалось делать, если ворота академии закрыты?

— Они не выпускают лишь тех, кто не завершил обучение, — тоном «это не про тебя» возразил Эрвин и осекся. — Ты поступила? Тогда тебе должны выделить общежитие. Что у меня забыла?

— Да нет, ночлег. — И пояснила: — Поступила, но не в академию, а на курсы. Оттого общежития не выделили. И мне негде спать. Я только сегодня приехала.

На меня смотрели, оценивали, изучали, препарировали, взвешивали… и наконец вынесли вердикт:

— А я тебя недооценил… Думал, просто глупая и чуть наглая провинциалочка.

Он наклонился и, схватив меня за подбородок, пристально посмотрел в глаза:

— Будь я не так уверен, что передо мной именно та девушка из захолустья, что пришла ко мне ночью сама, в наивной надежде, что если я разделю с ней постель, то и безропотно позволю надеть на себя брачный браслет, подумал бы, что сегодня у меня в гостях просто похожая красотка.

Если бы я была Рей, восемнадцатилетней юной дурочкой, то на такие слова залепила бы пощечину. Но, увы, разница почти в

десять лет ровно в это же число раз тормозит необдуманные выплески эмоций. Кто-то называет это опытом, кто-то — умением сдерживаться. Так или иначе, но только не ныряя с головой в эмоции, можно ответить достойно. Провокацией на провокацию.

— В каждом заблуждении есть доля истины, но чаще — наоборот, — я выдохнула эти слова ему прямо в лицо. Без ноток соблазна. Они здесь были излишни.

Зрачки мужчины расширились, дыхание чуть участилось. Его тело, до этого бывшее на взводе и не получившее разрядки, напряглось.

Мы так и замерли. Глаза в глаза. Не шевелясь. Запах пота и желания. Смятые простыни за широкой спиной. Его хриплое дыхание. Мои ровные вдохи и выдохи. Он наклонился с недвусмысленным желанием: чтобы даже не поцеловать — смять мои губы, но усмешка вкупе с ехидным: «На те же грабли? Увольте», — вылилась на блондина ушатом холодной воды.

Он разозлился:

— Ты ненормальная! Провоцируешь, дразнишь и тут же бьешь наотмашь. Тебе нужна моя помощь, но ты не просишь. Ты ее требуешь!

— Знаешь, та мудрая женщина, что меня воспитывала, как-то сказала, что если тебя ударили по правой щеке, подставь левую, а сама врежь кулаком в солнечное сплетение, потом вторым — в челюсть, а дальше действуй по ситуации…

— А она не учила тебя вообще не нарываться на пощечины?

— И этому тоже, — вздохнула я и, вкладывая в голос все свое обаяние, добавила: — Но ведь по-другому ты бы меня не пустил переночевать.

Говоря все это, я не отрывала он него взгляда. Пристального. Не умоляющего, не флиртующего, но чисто женского.

— Вот ведь зараза! — в сердцах бросил Эрвин. — Оставайся.

Он встал, ни разу не целомудренный, обнаженный, злой скорее уже на себя, нежели на меня, что поддался, согласился.

— Спасибо, — прошептала в ответ.

Я не праздновала победу — внутри хронограф отсчитывал последние мгновения. Не прошло и минуты, как по коридору послышались шаркающие шаги. Это вахтер, не дождавшись «роженицы», решил лично проверить, все ли в порядке, и вынести (если и правда дело пошло) или вывести (симулянтку под белы рученьки) брюхатую.

Когда раздался стук в дверь, Эрвин уже накинул черный халат.

— Это по поводу меня.

— Проскочила мимо вахтера? — понимающе хмыкнул адепт.

Видимо, в его практике этот случай был отнюдь не первым, скорее уж сто первым.

Я молча пожала плечами и развела руки в стороны: дескать, что поделаешь. Получила в ответ ироничный взгляд и изогнутую в насмешке бровь.

— Сиди здесь, разберусь.

По этому «разберусь» поняла, что все же, несмотря на весь его кобелизм и сволочизм, была в этом Эрвине исконно мужская черта: если он что-то решил, то уже не отступает. Своеобразный кодекс чести у бесчестного.

Щель между открывшейся дверью и косяком загородила широкая мужская спина. Сипловатый голос вахтера и уверенный — Эрвина.

А я поймала себя на мысли, что с момента появления в этом мире впервые мои проблемы кто-то решает за меня.

Когда адепт вернулся, усмехаясь, я не выдержала:

— Что? — и едва успела сцедить зевоту в кулак.

Пережитое давало о себе знать, и когда поняла, что геноцида отдельно взятой псевдобеременяшки не будет, усталость навалилась бетонной плитой.

— Спи уже, недоразумение, — покачал головой Эрвин.

Я сочла это за приказ и как была, сидя, покачнулась и упала боком на кровать. То ли провалилась в сон, то ли в полуобморок.

Как сквозь плотную пелену почувствовала: чьи-то руки меня аккуратно укрывают. А потом прошелестел задумчивый шепот:

— И как я такую занятную умудрился проглядеть?

Утро встретило меня ласковым прикосновением солнечного луча и настырным тычком чего-то мокрого и щекотного в нос. Открыла глаза и убедилась: таки крысявка решила поработать будильником на полставки.

— Просыпайся, соня, — пропищала она мне в ухо, — пока этот ухажер глаза не продрал. Переночевала — и будет с тебя.

С таким нехитрым планом головастой я была полностью согласна. Хотелось, конечно, помыться и поесть, тем более что заботливый хозяин повесил у моего изголовья халат, а на столе лежали фрукты — свидетели так и не совершившейся вакханалии Эрвина с блондиночкой. Но я прекрасно понимала, что вчерашняя хохма — поутру уже не хохма, и если мне удалось накануне напроситься на ночлег, то сейчас хозяин может потребовать плату за постой.

А я как истинная внучка еврейской бабушки предпочитала не натуральный расчет и не денежный, а записать услугу в счет давешнего долга Эрвина перед Рей.

Оттого, подобрав ботинки, на цыпочках прокралась к двери и

тихонько выскользнула в коридор. Общежитие еще спало тем безмятежным сном, что бывает лишь в ранний рассветный час, когда каждый звук — как горное эхо, а воздух до холода чист.

Вахтер, прикорнув на своем посту, опустил голову на сложенные руки. Я уже было хотела так же незаметно выскользнуть на улицу, когда крысявка меня остановила:

— Сними сторожевой аркан, а то всех перебудишь.

Я уставилась на нее недоуменно.

— Ех ты… — только и протянула крысявка, а потом, ловко перебирая лапками, спустилась с моего плеча и, виляя хвостом, потрусила к двери.

Там она с ловкостью скалолазки по клепкам, петлям и скобам добралась до замка и… всунула хвост в скважину. Энжи окутало серебристой магией, отчего голохвостая чихнула, но упорно продолжила взлом.

Вахтер сонно причмокнул губами, но так и не проснулся, когда замок с тихим скрежетом открылся.

Ворота, увы, так просто было не отворить, оттого пару часов я провела на одной из лавочек. Благо время удалось провести с пользой: талмуд по законам империи оказался весьма занимательным.

А едва врата заскрипели, распахивая створки, я поспешила в город. Если верить расписанию в выданном мне пергаменте, завтра начинаются занятия. А в полдень мне еще нужно встретиться с муженьком…

Временное жилье нашлось быстро. Как оказалось, не я одна в академии озадачена проблемой, куда складировать свои кости. За воротами магистерии имелось аж три доходных дома. Как говорится, на любой вкус и кошелек. Мне особо перебирать не приходилось, оттого я сговорилась там, где цена за постой была самой низкой. Правда, сам процесс этого сговора…

Хозяйка, еврейшей души женщина, несмотря на то что гоблинша, напомнила мне тетю Моню, бабулину соседку. Та, когда ее ненаглядный Семочка упал с горки и сломал ногу, вопрошала костоправа в платной клинике: «За шо таки дорого наложили гипс?» Врач не растерялся и ответил в тон: «Понимаю, у вас горе и вы хотите поторговаться…» Вот и гоблинша, содержательница дома, была из той же породы: пришлось долго слюни по щекам гонять, прежде чем горбатая карга согласилась на три серебра в месяц (супротив поначалу заявленных пяти) за каморку на чердаке.

Пока мы поднимались по скрипучей лестнице, я убедилась: дом не только доходный, но и очень веселый. Из-за дверей слышались то крики (прямо как будто грузины на депиляции, ей-

богу), то стоны, смех, шумные разговоры. В общем, жизнь тут бурлила, била ключом. Причем разводным и сразу по барабанным перепонкам.

Зато, несмотря на тесноту, комнатка оказалась вполне милой и даже с таким чудом, как древний медный кран, рядом с которым соседствовал каменный кругляш — местный аналог плиты.

Кабинет размышлений же был этажом ниже. Когда мы проходили мимо него, хозяйка махнула на дверь с ромашкой и пояснила, что это женский. Мне стало интересно: а мужской как обозначен? Если использовать все ту же растительную символику, то ближе всего по смыслу исконно русское огородное растение — хрен. Впрочем, свои мысли я оставила при себе.

Со слов все той же хозяйки, прачечная и комнаты омовений находились внизу, на первом этаже. Отрадно, что я забралась от сырости аж выше некуда — под самую крышу.

Осмотрев комнату и оставив там свои пожитки, направилась по лавкам: нужно было купить продукты, кое-что из одежды и, самое главное, — все для учебы.

Увы, в этом мире, как и в родном, если хочешь чего-то добиться, не стоит надеяться на покровительство и чудо. Пока же самый надежный способ встать на ноги — это обзавестись профессией. Увы, особо я ничего не умела. Но сейчас у меня появился реальный шанс восполнить этот недостаток.

В вояже по лавкам и рынку я убедилась, что семи серебрушек вполне хватит не только на две недели, что отделяли меня от стипендии, но даже месяца на два вполне сносной жизни. Однако мои радужные мысли утратили всякие краски, едва я перешла к покупкам, касающимся самой учебы. Пергаменты, свитки, чернила, перья — это я понимаю. Даже стандартный чугунный котел по форме номер восемь. Но… пеленка классическая для младенца человеческого, межкрыльные валики для драконят, разжиматель зубов для детеныша оборотня (чтобы не повредить прикус, когда будете пытаться разжать его челюсти, если он вас цапнет, как заботливо пояснила торговка), пузырек с мазью от укусов вампиренышей и прочая…

Когда я, загруженная свертками по самую макушку, вышла из последней «дитячьей» лавки, то у меня создалось ощущение, что я иду не на курсы нянь, а в гильдию Черных Плащей.

Время близилось к полудню, поэтому я, едва вернувшись в снятую комнатку и сгрузив свое богатство, умылась, переплела косу и поспешила в академию на условленную встречу с моим новоиспеченным муженьком. Перехватила пирожок по дороге, оттого, идя в магистерию, пребывала вполне в благодушном

настроении.

Проходя в ворота, еще раз поймала себя на том, что ищу глазами «привратницу», встреченную накануне. Но старухи нигде не было.

А вот едва я подошла к условленному месту, поняла: хорошее на сегодня закончилось. Рядом с бледным, но упрямо поджимавшим губы Альтом под сенью дуба стоял тот мой нечаянный сосед по каюте на дирижабле.

Сейчас я могла его хорошенько разглядеть. Волевой подбородок, волосы цвета южной ночи, высокие скулы, прямой нос, белесая ниточка шрама, рассекавшего левую бровь. И обещание долгой и мучительной смерти одной глупой курсистке в темно-синих глазах.

— Так это и есть твоя возлюбленная, ради которой ты, братишка, отринул свой род? — холодно сказал он, даже не представившись для приличия.

Альт вскинул голову:

— Да. И о решении своем не жалею.

Чужак чуть скривил губы в усмешке:

— Ты бы хоть девушку пожалел… Вдовец.

Мне вдруг стало страшно от его взгляда. Два стальных стилета, нацеленных на меня. В животе свернулась, как змея клубком, тревога. Судорожная, разрастающаяся, грозящая перейти в панику. Это чувство, когда ты жертва, когда беззащитна, — его я ненавидела больше всего. Как в той жизни, так и здесь. Разозлилась. На саму себя, на этого мужчину, что стоял напротив и так буднично решал, кому жить, а кому умирать. За этими его простыми словами слышалась не угроза, скорее констатация факта. Злость вытесняет страх, но я осознанно пошла на эту подмену чувств.

Подошла к нему вплотную, отчего глаза Альта расширились, став размером с плошки. Вздернула подбородок и уверенно сказала:

— Вы этого не сделаете.

— Верите, что мой братец вас защитит? Напрасно.

— Нет. Но я — лишь симптом, а не первопричина болезни. Вы же не похожи на целителя, что ставит припарки, маскируя язву. Вы тот, кто разрезает рану и выдавливает гной.

— И откуда же, по-твоему, следует давить этот «гной»? — Усмешка во взгляде, сжатые губы, хлесткий, как пощечина, вопрос.

— Из головы. Поскольку именно в голове, в мыслях, наши желания, наша дурость, сила и слабость.

В синих глазах вспыхнуло удивление. Резкий рывок, рука в

перчатке схватила меня за горло, и он притянул меня к себе.

Я почти прижалась к его телу и могла поклясться, что чувствую биение сердца. Размеренное, как удары метронома. Мое же пустилось вскачь, и, похоже, собеседника это позабавило.

— Отпусти ее! Это все я. Не трогай. — Осипший голос Альта выдавал его с головой. Парень был напуган. До сорванных связок, до дрожи в коленях.

— Отрекись от звания адепта, — лишь холод и металл в голосе Вердэна-старшего. Наглядная демонстрация силы всегда вызывает безотчетный страх.

— Нет, — мотнул упрямо головой Альт.

— Тогда первым взносом за учебу станет смерть твоей жены.

Парень колебался, горло сдавливало все сильнее. Я пыталась разжать стальную хватку.

Энжи, видя, что дело плохо, перестала изображать испуганную обычную крысочку у меня за пазухой и пришла на помощь.

Может, перчатки из телячьей кожи и хороши, но зубы потомственной погрызухи — лучше. С остервенелым криком крысявка в прыжке преодолела две ладони и заткнулась, крепко сомкнув челюсти на большом пальце моего душителя.

Мне бы, как испуганной серой мышке, пискнуть, обрадовавшись тому, что хватка ослабла, вырваться и убежать. Но дело в том, что я была взращена на заветах бабушки, а вот характер достался от папы — бывшего десантника, покрестившего страну от Калининграда до Владивостока, от Пятигорска до Ямала за рулем фуры. Оттого и понимала: бегство от проблем их не решит.

Если разбираться, то здесь и сейчас. А не ждать, когда в спину прилетит нож.

Кто сказал, что бокс не для девушек? Хлесткий джеб, дополненный хуком с правой. Девичье тело, которому непривычны были сии пируэты, сразу же отозвалось болью во враз сбитых костяшках.

Я рассчитывала выиграть мгновения, пока противник обескуражен, чтобы отстраниться и врезать магией, которая уже жгла кончики пальцев, — еще немного, и сорвется.

Не успела. Мужчина походя стряхнул сначала крысу, а затем, перехватив мою руку, так и не долетевшую до его челюсти, заломил, практически выворачивая сустав.

Я зашипела от боли, слезы брызнули из глаз. Громом среди ясного неба прозвучало:

— Даже если ты ее убьешь, я все равно не вернусь в род.

Захват ослаб. Вердэн медленно повернулся к Альту:

— Не вернешься? — Насмешка, смешанная с удивлением.

— Нет. Я не хочу быть заложником родового проклятия! Я вправе сам выбирать свой путь. Это ты должен был возглавить род.

— А я уже было обрадовался, что ты возмужал… Но вновь слышу слова мальчишки, но не мужчины, — протянул брюнет.

— Сам-то… Ты сам, Дэниэль, когда тебе было семнадцать, сбежал в эту же академию разве не за этим же? Ты, как и я, хотел свободы.

— И дорого заплатил за свое решение, — отрезал старший. — Поверь мне, я знаю, что говорю. Тебе кажется, что маги свободны, что с дипломом тебя ждут подвиги, слава, может, даже дарованные земли и милость императора, но поверь, это не так. — В его словах слышались горечь и опыт собственных ошибок.

Я стояла не шевелясь.

— Ложь, очередная ложь, чтобы вернуть меня, — взвился Альт.

— Уже поздно возвращать, — усмехнулся Вердэн. — Ты поступил и отныне под протекторатом академии. Я полагаю, спрашивать, на чей счет ты перечислил часть своего наследства, тоже бессмысленно.

А я зацепилась за прозвучавшее «протекторат», оттого выдавила, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо:

— Как и шантажировать моей смертью. Я тоже под защитой академии.

Он держал меня одной рукой так, словно я была кутенком. «Сильный, сволочь», — подумалось зло.

Словно не веря услышанному, второй рукой брюнет отогнул ворот моего платья. Я буквально кожей почувствовала его взгляд.

— Проклятые души! — выругался он, а потом с издевкой добавил: — Да, убить не могу. А жаль. Но причинить боль — вполне.

С этими словами он начал зубами стягивать с руки перчатку.

Вот только в Альте, похоже, все же проснулись ошметки совести. Иначе с чего бы он с криком бросился на старшего брата, хватая его ладонь?

Когда их руки соприкоснулись, мне показалось, что между этими двумя родилась шаровая молния. Краткий миг — и запахло паленой кожей.

Грозный окрик: «Что здесь происходит?» — подействовал как ушат холодной воды.

Вердэн, среагировавший первым, отпустил меня и, отойдя на шаг, улыбнулся так, будто увидел старого доброго друга.

— Магистр Равнее! Сколько весен? Рад вас видеть все так же в добром здравии… — Радушная улыбка, чуть разведенные в сторону руки, словно хотел обнять, но при свидетелях сдержался.

— Вердэн? Дэниэль Вердэн? — недоверчиво, но без тени недовольства вопросил старый, как замшелый пенек, магистр.

— Он самый. Напутствую вот брата перед учебой… — лукавая усмешка.

Я лишь поразилась лицедейскому мастерству. Да голливудские актеры сдохнут от зависти!

Увы, Альт не мог потягаться со старшим братом в умении так ловко менять маски и все еще стоял взъерошенный и насупленный.

— Помню-помню, как и вы, досточтимый советник, когда-то таким же юношей прибыли в нашу магистерию, — улыбнулся старик, на краткий миг погрузившись в реку времени. А потом, спохватившись, спросил: — А как вы прошли? В учебный год дух не пускает посторонних на территорию академии.

— Так учеба и начнется с седьмым ударом колокола. Когда он прозвучит, я удалюсь, — с хитринкой ответил Вердэн.

Я прямо прослезилась от этой умильной беседы: ни дать ни взять возмужавший ученик и его наставник. Но внешне стояла и не отсвечивала, старательно все запоминая.

Выходит, в стенах магистерии меня не тронут. Впрочем, и за его пределами убить не смогут. А покалечить, как показала практика, — вполне.

Вторя его словам, на башне прозвучал набат.

— Кажется, мне пора. — Вердэн обращался исключительно к магистру, но вот мне одной послышалось, что в его словах сквозит то ли обещание, то ли угроза скорой встречи?

Дэниэль развернулся и уверенным широким шагом направился к воротам. И это его чуть ли не смертельно раненным я видела не далее чем двое суток назад?

Альт, перепуганный, как турист на «банане», так и стоял, провожая старшего брата взглядом. А вот маг, поглаживая окладистую бороду, прошептал вслед удаляющемуся советнику:

— И кто бы мог подумать десять лет назад, что этого отчаянного юнца ждет такое будущее? — А потом, словно опомнившись, поторопил нас: — А вы, адепты, живо на построение.

Лишь успела возразить, что я не адептка, а курсистка, но преподаватель, кажется, не особо признавал различия. Похоже, он был из тех, кто считал, что новый учебный год должны встретить все. Муженек, баюкая обожженную руку, поковылял вслед за магом.

У старика, к слову, хоть он и был малого роста, шаг оказался дюже шустрым. Всегда поражалась этому феномену некоторых людей преклонного возраста: у нас эдакие бабули-одуванчики кряхтят на лавке, тыкая батогом в робко выглядывающие по весне из-под юбки первые коленки. Эти старушки еле ковыляют до супермаркета, плюясь вслед тем, кто моложе их, ворчат на беременную или инвалида, что сидит в автобусе, хотя рядом есть свободное место. В общем, всячески показывают, что повестка от Смерти им уже давно торжественно вручена и вот-вот начнется веселая туса, на которой шестеро молодчиков понесут эту бабулю в деревянном «дольче габано» на плечах. Но это только в городе. Стоит этим одуванчикам приехать на дачу… Еще электричку они берут штурмом, орут в вагоне, как мигалка депутата, и, добравшись до вожделенных грядок, начинают махать лопатой похлеще мотоблока.

Вот и этот маг мне смутно напомнил престарелых перечниц. На вид такой милый старичок — дунь, и улетит, но что-то мне подсказывало, что по кладбищу за умертвиями (или от них) этот убеленный сединами старик чешет весьма резво.

Я же, потерев многострадальное горло (и ведь только-только синяки от удавки сошли), пошла к крысявке.

Энжи сидела на задних лапах и занималась очень ответственным делом: вылизывала передние.

— Сильно тебя? — поинтересовалась я, не зная, чем помочь.

— Ты про удар? — уточнила крыса. — Нет, слегка. А вот то, что эта зараза жжется, как раскаленный пульсар… Теперь лапы неделю заживать будут.

Я аккуратно взяла Энжи и усадила себе на плечо, но крысявка завозилась, скользнула за воротник, а потом и вовсе потребовала расплести косу. Дескать, она за волосами спрячется, чтобы не отсвечивать. Я лишь хмыкнула: как погрызуха с ее габаритами сможет быть незаметной на загривке? Но едва я расплела ленту, как почувствовала: крыса словно уменьшается в размерах. Сейчас, по ощущениям, она была не больше полевки.

— Ну, чего встала? — тоненько пропищала Энжи. — Чем мельче, тем ожоги быстрее зарастают.

Я лишь пожала плечами и направилась в аудиторию башни западного креста, где сегодня должны были собраться все курсистки. А завтра с утра нас уже ждали занятия.

Нашла аудиторию с трудом. Надпись: «Магистры, убедительная просьба, закрывайте за собой портал после перехода, а дверь — после входа!» — напрочь зашоривала собой руну с номером аудитории, отчего я прошла мимо нужной аж два раза.

Впрочем, я успела до начала. Проскользнув ужом, заняла одно из свободных мест как раз перед тем, как в аудиторию вошла дама. Эта фрау представилась нам как магесса Арелия и заявила, что имеет в прошлом немалый опыт бонны, а ныне же она — преподаватель няньковедения при магистерии.

А я смотрела на ее лицо и понимала, что никакая она не няня, она бебиситтер, вернее даже, бебитерьер. Коренастая, с крутыми боками, в чепце и с выражением «покусаю всех» на лице. Такая могла не только мелких оборотней разнять, но и дракона за хвост оттягать.

Меж тем магесса вещала, что она является нашим куратором и ручается, что через год сделает из нас образцовых нянь. Глядя на нее, в это отчего-то охотно верилось.

Я скосила глаза в сторону, разглядывая своих сокурсниц. Как ни странно, дородной тетки, что я видела вчера, выходя с экзамена, тут не было. Зато та мелкая русоволосая в очках сидела недалеко от меня. Всего нас, возжелавших стать няньками, была дюжина.

После короткой вступительной речи нам выдали свитки — аналог табеля успеваемости, и отпустили восвояси до завтра.

Едва я вышла из аудитории, прикидывая, что сегодня второй раз навряд ли увижу своего «деверя» и можно отдохнуть, как лоб в лоб столкнулась с Альтом.

Адепт, уже с перевязанной рукой, караулил меня под дверью столь же истово, как судебные приставы — пополнение банковской карты у должника.

Я честно хотела пройти мимо, и если бы меня не схватили за руку с фразой: «Подожди, пожалуйста, я все объясню», — то так бы и произошло.

— Альт, я, конечно, не стилист, но с мозгами, поверь, тебе было бы лучше, — выпалила я.

Ну не дурак ли? Подходить к злой женщине, которую не далее как час назад записал под расход.

— Прости, что…

Его слова меня добили. Копившаяся злость заплясала на кончиках пальцев и сорвалась прежде, чем я успела что-то осознать. Альта швырнуло, прокатило по полу и впечатало в стену. Слабый стон поверженного заставил меня устыдиться собственного порыва гнева.

Подбежав к Альту, я лишь спросила:

— Жить будешь?

— Не дождешься. — Парень с кряхтеньем поднялся. Скула, которой он здорово приложился, начала наливаться багрянцем. — Пар выпустила? Готова к диалогу или ты пока еще однозначно

права?

— Права, но откуда такие познания о женщинах? — Как ни странно, на душе действительно стало спокойно.

— У меня помимо старшего брата еще пять младших сестер, — обреченно выдохнул Альт. — И раз остыла, тогда давай поговорим.

Я согласилась. Альт начал с козырей: заявил, что знал — Дэниэль меня убить не сможет. Я же тоже под протекторатом магистерии, а вот про «навредить» он, увы, не подумал. А дальше… Со слов муженька выходило, что над их семьей по мужской линии тяготеет проклятие: тот, кто становится главой рода, принимает его на себя. Когда я вопросила, что именно за проклятие, оказалось, что все до банального просто: глава рода не должен быть магом.

Признаться, я не улавливала, в чем такая беда.

— У тебя же у самой дар, как ты не понимаешь?! — горячо воскликнул Альт. — Это же как если бы у человека враз вырвали глаза, залили воском уши, оторвали руки.

— Не заметила. Я столько лет жила без этой магии и как-то, получив дар Смерти, его особо не ощущаю…

— Значит, он просто не вошел в силу, — упрямо гнул свое Альт. — Когда он раскроется полностью, ты меня поймешь. Я просто не захотел становиться добровольным калекой. Да и не должен был. Мой брат…

Он с обидой махнул рукой. А я поняла: младшенький не знает, что старшему при всем желании уже не стать главой рода. Имперскому шпиону магия нужнее, чем второму сыну рода Вердэн.

На мой закономерный вопрос, а что по этому поводу думает его отец, Альт лишь усмехнулся, сообщив, что отец уже ничего не думает, а вот отчим — ровно то же, что и матушка, и в этом вопросе полностью с ней согласен, впрочем, как и вся остальная семья.

За разговором мы дошли до ворот академии.

— Извини, дальше проводить не могу, — сник муженек. — Защита защитой, но, как я понял сегодня, с Дэна станется просто накинуть на меня аркан и запихнуть в мешок. Так что… за ворота я ни ногой. Но я сейчас отправлю вестника к Каю, он…

— Да не надо меня уговаривать, я и так соглашусь, — махнула я рукой на своего горе-муженька.

Идти мне было всего ничего: один квартал. Когда я наконец оказалась у себя в каморке, первым делом поставила согреться воды. Благодаря Энжи я быстро освоила, как управляться с горячим камнем. Отдельно радовало то, что огненный дух,

заключенный в местный аналог плиты, разогревал только воду. Оттого посудина, в которой готовили, могла быть абсолютно любой, а не только металлической. Чем я и воспользовалась, налив воду в глиняный горшок. Среди моих сегодняшних покупок значились еще ватрушка, коврига и шматок сала. Но сильнее чем есть мне хотелось помыться. Поэтому-то я спустилась вниз, в «комнату омовений», на поверку оказавшуюся душевой и прачечной, отделенными друг от друга лишь перегородкой.

Когда я, помывшаяся, с влажными волосами и мокрой, пахнущей пеной Энжи на плече, вернулась в комнату, там меня ждал сюрприз. Наглый сюрприз, развалившийся на моей кровати и жующий бутерброд с салом! С моим салом.

Как говорила бабуля: «Женщина должна уметь закатывать три вещи: банки, глаза и истерику». Но то женщина. А вот этому наглому визитеру сейчас мне хотелось закатать кое-что другое… Для начала — губу.

— И? — Я вздернула бровь, рассматривая Эрвина.

Боевик тут же подобрался, сел на кровати, отложил бутерброд и тоном человека, который понимает, что не прав, но извиняется не от раскаяния, а из желания извлечь выгоду, сообщил:

— Знаешь, я подумал… Кажется, мы с тобой немного не с того начали и не туда ушли.

Я ссадила уже не крысу — мышь с плеча на стол и, уперев руки в бока, в сердцах ответила:

— Зато пришли куда надо — к концу. И заметь, в этот раз обошлось даже без обвинений в поруганной чести и без желания во что бы то ни стало сыграть свадьбу. Так что ты должен это ценить, бережно хранить в памяти и не пытаться повторить.

— Почему не пытаться? — подался вперед гость, провокационно усмехаясь.

«Хорош, паршивец, хорош. Соблазнять умеет и постоянно этот навык совершенствует», — подумалось при взгляде на боевика. Улыбка на чувственных губах, уверенный, чуть насмешливый взгляд карих глаз и скрытая мощь.

А потом взгляд упал на ополовиненную ковригу и малюсенький остаток еще недавно внушительного кусочка сальца. Перченого. И подумалось: «Бедная Рей. Она, пытаясь заарканить этого мужчину, поймать его в брачные силки и пленить семейным бытом, даже не подозревала, как тяжело было бы прокормить его в этом самом плену».

— Потому что попытка повторения всегда приводит к печали: будет с чем сравнивать, а следовательно, и разочаровываться…

По лицу Эрвина я поняла, что и без повторного входа в одну

и ту же реку у него есть с чем сравнить. У такого любовника, как этот боевик, в анамнезе значится внушительная куча красоток… А потом поймала себя на мысли, что ничего хорошего в этой жизни кучами обычно не измеряется, и усмехнулась.

Вот только гость принял невольную улыбку на свой счет и, поднявшись, стремительно приблизился ко мне, прижав к закрытой двери. Щеку опалило горячее дыхание, а сильные руки по-хозяйски обхватили талию. Я почувствовала его твердое тело.

— Знаешь, чего мне сейчас хочется больше всего?

Я лишь мотнула головой. Это был не мальчишка-студент, поддавшийся сиюминутному порыву злости. Передо мной стоял воин, которого не отвлечь от намеченной цели пустопорожней болтовней.

— Не знаешь? А я отвечу, — прошептал он мне на ухо, лаская его языком. — Я хочу впиться в твой рот, раздвинуть языком губы, коснуться языка. Почувствовать тебя на вкус. Целовать так, чтобы ты не смогла дышать. Я хочу быть твоим воздухом, твоим огнем, что сжигает изнутри и дарит наслаждение. Хочу повторить нашу ночь, сжимать твое тело, чувствовать под ладонями его мягкость и податливость. Слышать твои стоны. Проводить по коже пальцами, языком, губами. Заклеймить тебя своими поцелуями…

Он перевел взгляд на меня, щекоча шею дыханием. В его гипнотизировавших глазах проскользнуло то, чего я не видела раньше у мужчин: голод.

— Может, еще сальца? — брякнула я первое, что пришло на ум, лишь бы прервать этот стремительно приближающийся к горизонтали вечер.

От моего невинного вопроса Эрвин опешил, словно кот, на которого вылили кувшин воды. Он слегка отстранился.

— Что? — Мужик натурально не понял: он тут о страсти, а я о любви. О любви к еде.

Свидетельница этой сцены Энжи так томно вздохнула, что мы с боевиком невольно повернули головы в ее сторону. Мышуха сидела, уперев лапу, согнутую в кулачок, под подбородок, и смотрела на гостя влюбленным взглядом.

— Какие слова… Какие чувства… — пропищала она.

— Какая гениальная актерская игра и зазубренный до последней запятой текст, — продолжила я ее тоном, окончательно приходя в себя, и, обращаясь уже к визитеру, добавила: — Руки убрал.

Наглец и не подумал отдернуть хваталки от моей тазобедренной композиции и, не отрицая того, что речь — не экспромт, а давно и успешно обкатанный номер, лишь улыбнулся:

— А если нет?

Я подалась вперед, словно хотела его поцеловать. Эрвин с усмешкой победителя (ломалась-ломалась, но таки сдалась) потянулся ко мне, прикрывая глаза, и… тут они встретились. Мои губы и его шея. Если мужик по-хорошему не понимает, надо объяснить на доступном для него языке.

Укус получился смачный. Не знаю, что представлял себе боевик в предвкушении так и не состоявшегося поцелуя, но я рисовала в воображении ужин. Вкусный, сытный ужин с отбивной. А еще шашлычок. Оттого впилась в шею незваного гостя не хуже вампира.

Он закричал. Я заурчала на манер кошки, у которой пытаются выдернуть из сомкнутых челюстей колбасную шкурку. Во рту сразу же появился солоноватый привкус.

И тут я услышала писк. Это Энжи наконец-то поняла, что мужик пришел не в чувствах изъясняться, а банально получить то, чего хотел. Его вел исключительно полезный для продолжения рода инстинкт. Единственное, ему хотелось не просто траха, а обоюдно-приятного.

Увы, в мышиной ипостаси из Энжи защитник получился смех да и только, но до боевика все же дошло, что ему отказывают, несмотря на весь напор. К его чести, он умел отступать. Еще больше я бы порадовалась, если бы он умел красиво проигрывать, но сдаваться, видимо, было не в природе Эрвина.

Он отстранился, зажимая шею ладонью:

— Значит, ты все же отвергаешь меня? — Кажется, мой укус его ничуть не отвратил. — Я ведь не каждой предлагаю.

— А я не каждому и отказываю. — Я вспомнила, что не далее чем вчера вышла замуж.

Едва прозвучали эти мои слова, как я поняла: сморозила глупость. В глазах Эрвина отразились отблески азарта. Охотник получил вызов.

— Знаешь, Рей, с каждой новой встречей ты все больше удивляешь меня.

— Так и не ищи встреч со мной, а то ненароком до разрыва сердца доудивляться сможешь.

— Это мы еще увидим.

Он отнял руку от шеи и провел пальцем по моей щеке. Словно алую метку поставил. А потом аккуратно отодвинул меня от двери и вышел.

— И что это было? — пропищала Энжи, оказавшаяся в результате неравной схватки на полу.

— Преддверие крупных неприятностей, вот что это было, — ответила я, стирая с лица кровавую отметину.

Прокручивая в голове события, я поняла, что ненароком зацепила этого боевика не на шутку. А своим сегодняшним отказом лишь подстегнула. Эрвин оказался из породы тех, кто привык побеждать, покорять. И чем тяжелее доставалась победа, тем она была слаще.

Запоздало подумала, а не стоило ли заикнуться о том, что я уже замужем? И тут же поняла — бессмысленно. Боевика наличие мужа не остановило бы. Да и какой муж, если снятая комнатка красноречивее всяких слов свидетельствует — в ней живет одинокая девушка.

После ухода нечаянного визитера я подперла дверь стулом (так, на всякий случай) и села ужинать. По причине того, что мебель выполняла охранную функцию, трапезничать пришлось на кровати. Я с сожалением глянула на тот аппендикс, что остался от шмата сала. Вздохнула и отложила его до худших времен как заначку, а пока решила насладиться ватрушкой. Энжи не отставала, набивая за обе щеки. Вот так, за чаем с ватрушкой и тихой беседой, мы и скоротали вечер.

Когда я начала клевать носом, хвостатая все еще вдохновленно пищала: ей надо было выговориться. Ведь не каждый день на глазах крысявки рушился образ «мужчины, в которого можно влюбиться». Оттого голохвостая, снедаемая чувством вселенского разочарования, усиленно полоскала мне уши.

Под конец я не выдержала и, не прекращая зевать, процитировала бабулю и выдала:

— Энжи, пожалуйста, закрой шторы, рот и сделай ночь до утра.

Крысявка обиделась, замолчала, а я, воспользовавшись окном тишины, наконец-то смогла заснуть.

Утро наступило рано и резко: от ударов колокола, что будил всю округу.

Поплескав на лицо воды и переодевшись в чистое, я подхватила холщовую торбу с вещами, собранными накануне для первого дня учебы, и поспешила в академию. Успела вовремя, по ощущениям, минут за десять до звонка. В аудитории еще было полно свободных мест, и я села на второй ряд поближе к окну.

Когда я уже разместилась, рядом со мной попросила разрешения присесть еще одна курсистка. Рыженькая, с россыпью конопушек на лице. Девушка-осень, хитрая лисица, поющая медь. И голос ее был под стать: звонкий, переливчатый.

— Меня зовут Марьяника, — представилась она.

— Рей.

Она присела на скамью и начала доставать из сумки

пергамент, писчее перо и бутылек чернил, который от неловкого движения рыженькой покачнулся. Неплотно притертая пробка отлетела, когда веснушка в последний момент успела поймать заваливающийся набок бутылек.

Пара капель чернил все же попала на запястье Марьяники, к ее досаде. Она недовольно закусила губу и полезла в недра сумки за платком.

— Ну вот, всегда так! И муж говаривал, что у меня не руки, а лопасти мельницы, — в сердцах бросила Марьяника, старательно оттирая пятна платком.

Получалось у нее плохо: чернила были на диво качественные. Я мельком глянула на точеное запястье, которое обвивал жгут родового узора. Руны мелкие, льнули одна к другой, прямо как чешуйки, и прятались за брачным браслетом. Последний Марьяника, поморщившись, сдвинула ниже, закрывая вязь татуировки.

Ее коротко оброненное «говаривал» меня насторожило.

— А что у тебя с мужем, что ты о нем упоминаешь в прошедшем времени? — аккуратно поинтересовалась я: вопрос все же был достаточно личный.

— А-а-а. — Она махнула рукой с платком, чуть повторно не расплескав чернила. — Уехал еще полгода назад. Записался на корабль и отчалил. Уверял, что вернется через месяц-другой с деньгами. Но прошло уже три срока от обещанного, а его корабля все нет и нет. Я уже и к чернокнижникам ходила, последние деньги отдала, чтобы узнать: жив ли? Как оказалось, и жив, и здравствует. Только неизвестно где. А жить на что-то надо. Вот на курсы и пошла. А ты как тут оказалась?

Я уже было хотела обтекаемо ответить на вопрос веснушки, но хлопнула дверь и в класс вошла наша куратор. Первая лекция по няньковедению была посвящена основам безопасности. Как ни странно, не безопасности дитячьей, а нашей, то бишь будущих нянь. Нам прочитали ликбез о щитах и их применении. Особенно упирала преподаватель на необходимость защитных заслонов при работе с отпрысками драконьих родов. Те, с ее слов, до трех лет могли, не меняя формы, в людском обличье плеваться огнем.

Я представила себе кроху, что пускает не обычные, а огненные слюни… Брр.

После того как мы записали теорию, пришло время практики. Нам предложили обратиться к собственному дару, почувствовать его и создать простейший щит. Надо ли говорить, что у меня ровным счетом ничего не получилось? В то время как моя соседка вполне сносно плела заклинания, мне приходилось лишь вхолостую щелкать пальцами. Наконец я разозлилась. В первую

очередь на себя. Ведь дар-то у меня есть. Вон как вчера приложила Альта. Подстегиваемая недовольными взглядами куратора и ее едкими комментариями, я представила, как по моим венам течет сила, как она собирается на кончиках пальцев.

Не открывая глаз, я почувствовала, что начало колоть подушечки, а затем и фаланги, кисти. Из меня лилась сила, и я стала выводить затейливый узор, рисуя его сперва в воображении, а затем в воздухе.

Наверное, такое чувство испытывал Микеланджело, творя из мрамора Давида. Вот только по итогам моего маготворчества в воздухе зависло отнюдь не произведение искусства. Корявенький щит, дырявый, как решето. «Зато он хотя бы получился», — подбодрила я себя, глядя на зеленоватую кляксу.

Звук набата оповестил об окончании лекции. Отвлеклась, и мой щит лопнул мыльным пузырем. Благо не у меня одной он оказался таким хлипким, а если точнее, то почти у всех щиты напоминали кукурузу, которую засунули в горячую духовку.

Второй парой у нас в расписании стоял таинственный «уход». Куратор, пришедшая после перерыва, заявила, что сейчас мы отправляемся в город. Как чуть позже выяснилось — в приют, что находился недалеко от академии.

Богадельня располагалась в старом здании и могла похвастаться узкими, как лазейка в законе, коридорами. Ее стены оглашал смех вперемешку с плачем. Когда мы дошли до одной из дверей, рев заметно усилился. Куратор толкнула створки, впуская сбившихся в кучку курсисток. Нам предстала комната, в которой было не меньше двух дюжин люлек. И в каждой — младенец.

— Вот, — куратор широким жестом показала на колыбельки. — Сегодня вы выберете себе подопечного, о котором будете заботиться на протяжении всего обучения.

Курсистки сначала несмело, а потом уже деловито разбрелись между своими «учебными пособиями». Ну да, живой материал, как выразилась потом куратор, гораздо лучше любых фантомов. А то, что неопытная нянька могла и навредить по незнанию… так на то они и приютские.

Я же, бредя мимо колыбелей, вглядывалась в личики. У кого-то гноились глазки, кто-то разевал беззубый рот, ища пустышку или рожок, другие в протестующем жесте задирали ножки, норовя выбраться из пеленок.

Мое внимание привлек малыш, а вернее, малышка. Очаровательная, с пухлыми щечками, она отчаянно вертела головкой. «Бьянка», — прочла я на карточке, что была вложена в карман на ее люльке. А когда случайно встретилась с крохой взглядом, то поняла — никакую другую не возьму.

— Рейнара Эрлис, вы уже определились? — вернул меня к реальности голос куратора.

— Да, вот она. — Я указала на люльку.

— А вы уверены, что справитесь с вампиром?

Вопрос куратора меня отрезвил.

ГЛАВА 6

Я глянула на кроху. Она улыбалась мне, радостно пуская пузыри. Малышка была ничуть не похожа на ту трупную отмороженную селедку, с которой у меня ассоциировались вампиры. Нет, это розовощекое создание вызывало исключительно умильные и тискательные чувства.

Моя соседка, что качала соседнюю люльку, посмотрела на меня так, словно я глазами простыла и не вижу, что передо мной пробник монстра, а не дите.

— Да, справлюсь, — ответила, понимая, что хоть эти три с половиной килограмма счастья в люльке и с подвохом, но отказаться — выше моих сил.

Это Рей было восемнадцать, моему телу, а не душе, которая уже давно перешагнула отметку «хочу парня» и уверенно шагала по отрезку «надо бы замуж, как всем», подбираясь к порогу «фиг с ним, с замужем, но детей хочу». А эта хитрая кроха одним взглядом своих васильковых глаз разбередила во мне материнский инстинкт. Тот самый, который в наши дни старательно подменяется карьерным ростом и самореализацией.

— Ну что ж, вы сами того захотели. Тогда эта вампирочка будет и вашим выпускным проектом.

Мой диплом согласно заагукал, задрал ножки вверх, подтягивая их согнутыми к животику, и громко пукнул. А потом сосредоточился, словно писал диссертацию, и я поняла — процесс работы над «проектом» начнется прямо сейчас, с замены пеленок, которые только что обмарала Бьянка.

Так оно и вышло. Впрочем, не я одна приобщилась к «практической части» обучения. Кто-то кормил подопечных из рожка, кто-то промывал глазки, другие меняли пеленки, играли в «ку-ку». В общем, детки заскучать не дали никому, дабы ни одна из курсисток не чувствовала себя обделенной.

Я же, держа на руках полуторамесячную малышку, малость растерялась. Она напоминала мне вареный кисель или гусенка: длинная шейка, которая едва держала крупную головенку. Маленькие кукольные пальчики. Мне было страшно, что я, такая большая, могу по неосторожности и незнанию сделать ей больно. Зато мелкая не боялась. Цепко схватившись за мой мизинец, она потащила его в рот и начала муслякать, а потом… я почувствовала, как кожу кольнуло иглой. Постаралась аккуратно достать фалангу и увидела, что у моей крохи во рту имеются четыре едва заметных клыка. Совсем крошечных, но острых, как шило.

Когда начала пеленать, заметила на спине у Бьянки, под лопатками, два маленьких бугорка. Перепугалась. Но Энжи, которой так полюбилось сидеть мышью у меня на шее (сразу и не разглядишь за воротником), пропищала: «Все нормально. У взрослых вампиров на этом месте обычно жесткие кожистые крылья. Так что наверняка это они».

Практика по «ползунковому периоду», как значилось в расписании, закончилась далеко за полдень. После должен был быть часовой перерыв, а затем — еще две пары: «первый прикорм» — в корпусе целителей и «основы подвижных игр» — отчего-то на тренировочной арене боевого факультета.

Поэтому-то мы дружной щебечущей стайкой вернулись в академию, где отсидели весьма необычную лекцию. На оной нам объясняли, в каких пропорциях нужно разбавлять козье и коровье молоко для пеленочников и какой консистенции должно быть сырое полупережеванное мясо для детенышей гоблинов. А после мы направились на полигон боевиков. Именно там-то я нос к носу и столкнулась со своим муженьком.

Альт, весь взмыленный, в пене, как раз направлялся в мужские раздевалки. Разодранный рукав рубашки, фингал под глазом, макияж в лучших традициях хряка, свечкой нырнувшего в любимую лужу, — в общем, аристократус обыкновенный только что поднявшийся из канавы.

— Привет, — буркнул он, а потом то ли стало совестно оттого, как грубо прозвучало приветствие, то ли сказался условный рефлекс, именуемый в народе благородным воспитанием, но Альт добавил уже гораздо мягче: — А что ты здесь делаешь?

— Учусь… — А потом вспомнила остальные предметы, что стояли у меня в расписании на неделю, и добавила: — Хотя я могу и ошибаться.

— А-а-а… — протянул супружник и вздохнул, разводя руки в стороны: — А я тоже… вроде бы учусь. Хотя сегодняшнее занятие больше напоминало мытье полов. Притом что не было ни пола, ни тряпки. Зато в избытке оказалось поля и первокурсников. Вот нами-то магистр Дирк и решил протереть газон.

Я лишь улыбнулась на этот крик души. Похоже, чтобы сделать из адептов приличных боевых магов, с ними тут не церемонились. Словно в подтверждение моих мыслей Альт произнес:

— Представляешь, со мной в одной группе оказался сам сын крауфа Рохара, главы советника по внешней политике. Его зовут Уилл. У него первый уровень дара…

Я впечатлилась, но не сильно. Ну да, бывает. К слову, сегодня

куратор, глядя на мой соплевидный щит, сказала, что у меня четвертый, но при должном старании я могу довести уровень до третьего.

— И это такая редкость? — удивилась я.

— Да как бы тебе сказать… в империи магов с таким уровнем — дюжины две, не больше. Им по плечу в одиночку легион нечисти остановить. Правда, когда сегодня сам Уилл заявил об этом магистру Дирку, тот лишь рявкнул, что ему по колено, что всяким сопливым первокурсникам по плечу.

На нас уже начали коситься: курсистки с интересом, боевики, идущие в раздевалку, — с понимающими ухмылками. Кто-то из мимо проходящих даже хмыкнул: де, первый день учебы, а адепт смазливую мордашку подцепить успел. С такой скоростью к вечеру он будет шуршать у милашки под юбкой. Второй глумливо вторил, что такая быстрота и понятна: многие эктры вышли из плебеев, и ничто плебейское им не чуждо, в том числе и скорость укладывания девиц на лопатки. Прямо как у кроликов.

У Альта от этой скабрезной шутки сжались кулаки, и он развернулся на голос с таким лицом, что сразу стало понятно: гранит лучше, но крошка дешевле. Впрочем, и деревянный крест для шутников тоже сойдет.

Да, непривычно было вчерашнему крауфу, отпрыску, чей род едва ли не древнее правящей династии, слышать о том, что он чуть ли не простолюдин. Но он сам согласился сменить вязь на запястье и сейчас пожинает плоды. Судя по виду, насмешники — детки нуворишей, что привыкли самоутверждаться за чужой счет.

На обеих ладонях Альта заплясали по пульсару.

— Ларин. Извинись. Сейчас же. Перед. Моей. Женой, — чеканя каждое слово, начал супружник.

— А то что? — задиристо усмехнулся адепт.

Двое парней, стоящих рядом с этим Ларином, загоготали так, словно услышали анекдот, а спустя мгновение тоже ощетинились заклинаниями.

Назревала драка — трое на одного. А шуточки про девицу — лишь повод. Глядя на трех здоровых, накачанных боевиков и на Альта, я понимала — будет не драка, будет избиение. Что до меня, я еще была не столь отчаянна, чтобы останавливать этих жеребцов. Но, как говорила моя бабушка Софа: «Одесская женщина, внучка, такой же ж урок преподаст: коня на скаку перекупит, горящую избу продаст», — подразумевая, что если нет силы, попытайся дать хук интеллектом.

Противники мерили друг друга взглядами, словно ждали отмашки, чтобы начать мордобой. И я решилась:

— Ларин, я, конечно, понимаю, что вы исключительный

дурак, но я вас умоляю, не показывайте этого так явно, оставьте место для загадки… А вдруг нет?

От моего вступления опешили все.

— Ах ты, зараза! — начал провокатор, явно имея в виду оскорбление, а не совет не отсвечивать своим IQ. А потом, сплюнув на землю, процедил: — Да будь ты мужчиной, я бы тебе показал…

— А что, вы только мужчинам показываете? — Я усмехнулась, намекая на подтекст. — А друзья в курсе таких ваших увлечений?

У всех четверых все так же на ладонях плясали языки заклинаний, когда со стороны прозвучало:

— Альт, если используешь магию — мигом вылетишь из академии. — К нам подошел еще один первокурсник. Невысокий, с волосами оттенка горчицы и родинкой над губой, он ничем не отличался от сотен таких же адептов, если бы не эта природная мушка на лице. А еще — уверенность, сквозившая в каждом жесте, звучавшая в каждом звуке его голоса. Одним словом — порода. — Зато вдарить кулаком по челюсти уставом не запрещено, — закончил он свою приветственную речь.

Задиры стушевались, словно щуплый парень был титулованным кикбоксером, решившим поучаствовать в уличной драке. У провокаторов мигом исчезли атакующие плетения, и прозвучало:

— Крауф Рохар, вам не стоит вмешиваться…

— Это — магистерия. Здесь нет сословий, все адепты равны. Или устав академии для вас пустой звук?

Прозвучавшие слова многое объяснили. И разительное отличие в поведении первокурсников по сравнению с выпускниками, и то, почему Альта задирали. Если на одну скамью усядутся простолюдин и герцог, то во всей красе может проявиться ее величество Спесь.

На лице Ларина заходили желваки, но плевок от крауфа он все же проглотил и, презрительно глядя на Альта, обронил:

— Это не последний наш разговор, эктр.

Когда троица удалилась, меченый родинкой спросил:

— Нарывались?

— Я бы разобрался, — скупо обронил Альт, который на своей шкуре прочувствовал, что значит оказаться в сословном низу, а потом спохватился: — Рей, позволь тебе представить того самого Уилла, о котором я тебе говорил.

— Того самого, у которого первый уровень? — Я хитро прищурилась.

Да, я помнила, как мне его отрекомендовал Альт, помимо

прочего упомянув, что этот парень с волосами цвета горчицы весьма приближен к императорскому трону. Но я специально опустила титулы этого Уилла. Он это понял и улыбнулся.

Прозвучавший набат оповестил о начале новой пары, на которую я безбожно опаздывала. Знала бы я, какие мытарства подготовил для курсисток магистр Дирк, тот самый, что выжал до этого боевиков досуха, и вовсе бы не пошла.

Но пока я оставалась в блаженном неведении, а наш преподаватель — накачанный лысый здоровяк с лицом, на котором вволю потанцевала в свое время сталь клинков, — приветствовал скромных курсисток на полигоне.

Что примечательно, в расписании была указана форма одежды — платье. Помнится, когда впервые прочла, меня это удивило, но задать возникший в голове вопрос: «Какого?..» — было некому. Крысявка и та недоуменно пожимала лапами и топорщила усы.

Магистр Дирк, отрекомендовавшись, не стал тянуть кота за подробности и перед разминкой вкратце обрисовал, как будут проходить наши занятия. С его слов, мы должны все два часа просто играть. Играть в обычные подвижные детские игры. Почему в такой одежде? Так и работать вы в ней будете, так что, милые девушки, привыкаем сразу…

Первые двадцать минут салочек были даже интересными. Вторые — уже ощутимо хотелось передохнуть. Спустя час я ненавидела волков и гусей, в которых две дюжины курсисток играли почти с остервенением. Но это было еще не все, на что оказалось богато больное воображение нашего тренера. Задание залезть на дерево и снять с верхней ветки объект стало фаворитом в списке сегодняшних мытарств.

Начать хотя бы с того, что по факту леса вокруг не наблюдалось, как и какого-никакого парка, где бы росли если не ели-клены, то хотя бы рябины-яблони. Зато имелся полигон. Оттого и дерево весьма условное: вкопанный в землю столб. Еще и облитый чем-то скользким. А наверху — сверток, изображавший младенца. Увидев это, я лишь подивилась фантазии нашего физрука: пеленочник, который еще сидеть не может, и забрался на дерево? Ну-ну…

Тем не менее все курсистки уставились на сверток, что короновал столб, как родственники — на кардиограмму умирающего.

— Ну, милые дамы, кто начнет? — усмехнулся магистр Дирк.

К этому времени на краю поля уже собралась изрядная толпа адептов: не иначе предвкушали зрелище? Я же понимала, что не всякий здоровый мужик сможет так страстно сжать в объятиях

этот склизкий столб, чтобы взобраться. Осознавали это и мои сокурсницы.

Оттого спустя десять минут в толпе нечаянных зрителей послышались стоны: ни одна из нас столб душить не стала, но каждая доставала кулек. Марьяника банально воспользовалась левитацией. Та девушка в очках, с которой мы вместе поступали, накинула аркан. Другая — воздушные ступени. А одна здоровенная деваха, которую, как впоследствии выяснилось, звали звучным именем Орая, просто потрясла вкопанную орясину, а когда куль полетел — ловко его поймала. Глядя на то, как проворно, несмотря на габариты, она сцапала условного «младенца», я невольно подумала, что либо в родне этой внушительной молодки отметились исполины-воители, наделившие ее реакцией и силой, либо девица местный мастер спорта по подобию земного самбо. Из такой не только няня, но и телохранительница отличная выйдет.

Магистр пробовал сначала что-то возразить на нашу вольную интерпретацию его приказа «залезть и достать», но злые грязные курсистки оказались вооружены острыми, как бритва, языками, заявив в один голос, что надо сразу формулировать задание целиком, а поправки по ходу не принимаются.

Магистр лишь хмыкнул и отчего-то хитро покосился на глазевших в стороне адептов.

Очередь подходила к концу, и вот осталась одна я. Увы, владение магией отнюдь не было моим коньком, в отличие от коллег по няньковскому цеху.

— Лесса Рейнара, — обратился ко мне преподаватель, — ваша очередь.

Я лишь провокационно улыбнулась и, не торопясь взбираться на столб, кокетливо стрельнула глазками в боевика. Он напрягся (чувствовался опыт общения с женским полом) и шкурой почуял: когда на тебя так невинно и чисто по-женски смотрят — жди беды.

Я начала издалека. Совсем как мой знакомый детства Сема, который никогда напрямую не выпрашивал игрушек в магазине. Он закидывал удочку фразой: «Папа, а это правда таки, что у тебя тоже было тяжелое и безрадостное детство?..»

— Скажите, если бы жизнь беззащитного существа находилась под угрозой и спасти ее вам не составило бы труда, вы пришли бы на помощь?

— Да, — магистр кивнул, еще не понимая, в чем подвох.

— А потребовали бы за это награду?

— Я бы от нее не отказался, — усмехнулся он.

— Но требовать бы не стали?

Кажется, до мужика начало доходить, куда я клоню, но поздно.

— Понимаете, я несчастная бедная девушка, попавшая в безвыходное положение. А малютка, забравшийся на самую вершину дерева, — я ткнула пальцем в столб, — и вовсе в смертельное. А я вижу, что вы человек добрый, сильный, смелый и отзывчивый…

При этих словах магистр расхохотался. Сквозь смех я услышала:

— Нет, у меня в практике было всякое, но набраться наглости и попросить выполнить задание вместо себя преподавателя…

— Вы вовсе не преподаватель. На данный момент согласно ситуации вы добрый, отзывчивый прохожий… А условиями не оговаривалось, что нельзя прибегать к помощи сторонних лиц.

— А вы уверены, что смогли бы меня уговорить вам помочь? — строго спросил он.

— А вы уверены, что смогли бы отказать? — в истинно одесской манере ответила я.

Магистр Дирк неожиданно развернулся ко мне спиной и обратился к наблюдавшим за нами студиозусам:

— Учитесь, адепты, как надо искать выход из ситуации! А вы лбы расшибали и колени сдирали… — А потом, уже обернувшись ко мне: — Рейнара, сегодня за находчивость я вам засчитываю выполнение этого задания, как и всем остальным… — Говоривший окинул курсисток пристальным и уже чрезвычайно серьезным взглядом, в котором не было и намека на смех. — Но чтобы на следующее занятие залезли за условным ребенком на столб.

Мы согласно понуро покивали. Не знаю, как остальные, а я решила прикупить себе еще и связку «кошек», с которыми в моем мире электрики покоряют столбы. Надеюсь, здесь тоже есть подобные. Судя по угрюмым лицам девушек, я не одна посещу сегодня скобяную лавку.

Обдумывая перспективы покорения «условного дерева», мы рано предположили, что на сегодня изуверства магистра Дирка закончены. Преподаватель, радостно скалясь, сообщил, что еще есть немного времени, а оттого не надо тратить его попусту, и выдал нам рогатки.

Я воззрилась на орудие, столь знакомое с детства.

— Няня должна не только знать множество игр, но и подавать пример, быть авторитетом, — пояснил физрук. — А посему, чтобы не оконфузиться, вы, дорогие мои, должны уметь не только быстро бегать, высоко прыгать, шустро лазать, но и стрелять. Сегодня осваиваем прицельное попадание в мишень из рогаток.

Это его «сегодня» наводило на мысль, что у нашего преподавателя имеется весьма внушительный список оружия. Такими темпами в конце года нам выдадут местный аналог гранатомета. Так или иначе, но закончилось занятие под звуки набата, и мы сложили орудие устрашения котов и воробьев в общую корзину. Наконец-то первый учебный день подошел к концу и можно отдохнуть!

Именно так я думала, бредя по аллее к воротам. Адепты текли бурлящим потоком. Шум, присущий лишь тем местам, где молодость бьет ключом, вторил лейтмотивом царившей вокруг суетной студенческой жизни. Смех. Обрывки разговоров. Кто-то шел, взявшись за руки, иные — прижимая к груди свитки и листы пергамента. Лужайки пользовались особой популярностью — в погожий вечерок можно посидеть на траве, почитать или поболтать с друзьями.

Из ворот домой спешили отучившиеся студиозусы: погулять или по делам. Кто их разберет? В общем, повседневная послеучебная идиллия. Посреди которой — две старушенции, отчаянно ругавшиеся у одной из створок входа. И вот ведь странность: их напрочь игнорировали все окружающие. Это-то и поразило меня в первую очередь. А лишь во вторую — что эти две перечницы — Смерть и… та самая привратница, что встретила меня при поступлении.

Я не хотела к ним приближаться, но выйти по-другому из магистерии не представлялось возможным. Набрала побольше воздуха в грудь и с самым невозмутимым видом поперлась мимо.

Какое дело Смерти до меня, а мне до нее? Вон, в прошлый раз нечаянно вмешалась — еле откупилась. А тут притворюсь, будто не вижу никого, как и остальные адепты. Авось не обратят внимания на меня ни костлявая, ни привратница.

Только подойдя ближе, заметила, что некоторые студенты нет-нет, да и принюхивались, вглядывались, словно силясь увидеть фигуру в белесом до молочной густоты тумане, но старались при этом держаться подальше. Причем эти некоторые были тоже весьма и весьма странные типы. В основном либо пепельные блондины, либо с седыми прядями. Многие — с отметинами времени или болезней на лице. Опять же все — в черных рубашках. И лишь сейчас до меня дошло: да это же некроманты! Они чувствуют костлявую, но отчего-то не видят ее, в отличие от меня.

Энжи на плече нервно завозилась, ее усы бешено задвигались.

— Я чую Смерть, — пропищала она.

— Скажу больше. Я ее вижу, — постаралась ответить как можно тише.

Зря надеялась. Костлявая повернула череп ко мне.

— О, нежданная встреча! — прозвучало из-под капюшона униформы.

Привратница недовольно зыркнула на меня, а потом заступила костлявой дорогу.

— Не трогай девочку! У тебя на нее сопроводительных документов нет! Ты сама сказала, что за парнем идешь. За… как его там, Уиллом. Да и тот — вероятник.

Я же, проглотив первый испуг, оглядывала работницу загробной конторы. По памятной надписи на косе поняла, что передо мной та самая, с которой я смогла сторговаться на новое тело.

— Здравствуйте, — пискнула я и выдала первое, что пришло на ум: — А вы с повесткой?

Теперь уже на меня уставилась привратница.

— Нет, — вздохнула знакомая Смерть, — я в командировку. Прибыла чуть раньше, а меня заселять не хотят. — И она обвиняюще ткнула косой в привратницу.

— Ишь, чего удумала! На постой пустить. У тебя что в командировочном листе указано? Прибыть. Причем завтра. Если выпадет возможность — забрать душу и увести с собой. Ни про какой постой и руны нет. Оттого: не пущаю! Это мои владения.

— Храфнекетель, ты словно сама раньше Смертью не была! — разозлилась моя знакомая.

— Была, — согласилась горбунья, — оттого и знаю. Только пусти, обязательно какую-нибудь душу умыкнешь. А у меня все на счету! Не укараулю кого — меня же ректор накажет… Оживит еще, не приведи тлен! Так что у меня все по ведомостям. Привидений — пятнадцать, личей — четыре, стригоев — семнадцать, — начала перечислять она, и я поняла, что та, которую я в первый день приняла за местную вахтершу, — здесь вроде духа-хранителя.

— Если так, я вон у этой, — кивок в мою сторону, — остановлюсь. Тем более что у нее должок, — прервала Смерть причитания местного завхоза.

— Да я при первой встрече с ней уж поняла, что должок. Только те, кто получил дар напрямую, могут нас видеть. Эти, — привратница мотнула головой в сторону некромантов, которые сейчас впились в меня взглядами (остальные адепты просто, проходя мимо, недоуменно смотрели на меня; ну да, наверное, с их точки зрения, я ненормальная, стою, разговариваю сама с собой), — только чувствуют, что ты здесь. Они же с врожденным, а не врученным через уста даром, да и то у многих он столь разбавленный, что позволяет догадаться о близости Смерти лишь

по безотчетной дрожи в коленках.

— Ну так как, пустишь или я к смертной иду? — перекинув косу из руки в руку, спросила костлявая.

Привратница недовольно пожевала впалыми губами и махнула рукой:

— Иди уж, так и быть, привечу. Только смотри у меня! У тебя лишь на одну душу допуск есть.

Больше не говоря ни слова, дамы побрели в сторону той части магистерии, которую в народе величали Академией светлых паладинов.

Я же все еще стояла, невидяще глядя перед собой. Не знаю, сколько я так зависала, как комп, в котором начистили друг другу файлы установленные сразу «Касперский» и «Доктор Веб». Рука, которая легла на мое плечо, заставила вздрогнуть от неожиданности и вскрикнуть.

Медленно, как на проржавевших шарнирах, повернулась. Сзади стоял… не юноша, не мужчина и не старик. Единственное, что можно было сказать с уверенностью, — это никак не девушка.

Жесткая складка губ, сеть морщин, выцветшие до блеклого глаза и… то, что я сначала приняла за блондинистую макушку, при ближайшем рассмотрении оказалось абсолютно седой шевелюрой. Глянула на черную рубашку. Ну точно — некромант. Теперь-то до меня дошел смысл фразы, оброненный эльфом: «Ты на некроманта не похожа…»

— Она ушла, — то ли утвердительно, то ли вопросительно произнес этот… парень?

— А сколько тебе лет? — невпопад спросила я.

— А сколько дашь? — чисто с еврейской интонацией вопросом на вопрос ответил адепт.

Я, еще не отошедшая от встречи со «знакомой», ляпнула:

— Я сегодня щедрая. Могу и сорок семь дать. Хотя лучше пятьдесят, чтобы без сдачи…

— Пятьдесят? — произнес некромант тоном официанта, которому пообещали щедрые чаевые и таки сдержали свое слово: выдали целую пачку «Принцессы Нури». — Мне меньше семидесяти не дают!

— А почему? — Логики этого то ли старика, то ли юноши я не понимала.

— Чудная. Будто не знаешь, что чем больше сила и раньше просыпается, тем старее выглядит некромант. Причем как научится контролировать дар, так и замирает в этом облике. А пока сила неуправляемая, она может и выплескиваться, старить тело.

— То есть назови я тебя столетним хрычом — это был бы

изысканный комплимент?

— Не совсем изысканный, — стушевался собеседник, и я поняла, что, несмотря на отметины времени, он, в сущности, еще мой ровесник. Ну как «мой» — Рей…

— А на самом деле тебе сколько?

— Двадцать один, — решил расколоться адепт и задал встречный вопрос: — А ты правда Смертью поцелованная? Ты ее видишь?

Я лишь кивнула.

— Ничего себе! — только и выдохнул некромант, а потом, словно вспомнив про вежливость, протянул руку. К слову, сильную, испещренную мелкими шрамами. — Витт.

— Рей.

— Ну и как оно? Просто понимаешь, мне никогда ее не увидеть, только ощутить, и стало любопытно…

«Все ясно. Профессиональный интерес», — расшифровала я для себя подоплеку столь странного знакомства.

— Да нет ничего занимательного, — постаралась я уйти от ответа во всех смыслах этого слова, разворачиваясь в направлении ворот. — Да мне и домой пора…

— Может, я тебя провожу, а ты по дороге расскажешь? — с надеждой спросил парень, а потом, словно предчувствуя отказ, добавил: — Хотя давай я тебя завтра после лекций найду, — и довольный зашагал прочь.

«Ну-ну, найдет он. Да Терминатору проще Сару Коннор будет в Одессе найти, чем ему меня в академии», — подумалось на это наивное утверждение. Излучая искреннюю радость (а ведь злорадная радость — самая честная из всех), прошла под аркой.

Едва я оказалась за пределами магистерии, как из тени кленов, что были посажены впритык к каменной ограде, буквально вытек силуэт. Знакомый такой силуэт.

— Будете сразу убивать или побеседуем?

— А вам никто не говорил, что задавать вопрос вместо приветствия невежливо? — изогнул бровь Дэниэль.

Сегодня передо мной стоял образчик ледяного аристократизма, источавший тепло криокамеры. Сдержанный тон, ледяная маска на лице, снежно-белые манжеты, искусно повязанный шейный платок, камзол, что сидел как влитой, — все в нем настолько выверено, точно и де-таль-но, аж зубы сводит. Отчего-то сразу припомнилось, что у меня растрепанные косы, на юбке грязь с полигона, да и вообще…

Невольно подумала: «Вот ведь умеет эта шпионистая зараза одним своим видом унизить окружающих». Впрочем, я в долгу не осталась.

— Так же как и отвечать вопросом на вопрос, — вернула я шпильку, здраво рассудив, что если родственничек меня встречает и даже соизволил заговорить, значит, убивать пока не намерен. Более того, ему что-то нужно. А раз нужно — отчего бы не отыграться за вчерашнее?

— Приятно осознавать, что имеешь дело с человеком, не закованным в рамки этикета. — Он произнес это с такой интонацией, что сразу становилось понятно — смысл вкладывался совсем другой, примерно: что взять с необразованной деревенщины?

— Вы совершенно правы, таким людям легче всего договориться. Допустим, как нам с вами, — поддержала я разговор, невинно хлопая ресницами.

Того, что произошло после моей фразы, я совершенно не ожидала: маска отмороженного истукана исчезла с Дэниэля в мгновение ока. Зато на губах появилась усмешка. Жесткая. Отчасти циничная. Зато настоящая.

— Вы совсем не похожи на ту особу, характеристику которой я читал утром.

— Интересно, — протянула я, в противоречие своим словам разворачиваясь с намерением удалиться, а не выяснять, что же такого занимательного в речах собеседника.

Увы, маневр не удался. Меня жестко взяли под локоток и развернули:

— Думаю, дорогая родственница, нам с вами не мешало бы прогуляться вместе, чтобы узнать друг друга получше… — Даже не утверждение. Приказ.

— Конечно, дорогой деверь. — Я, напротив, была сама любезность и обходительность. — Единственное, предупрежу вас сразу, чтобы вы в случае чего не тушевались: если я упаду в обморок, то мое тело необходимо доставить по адресу: переулок Травников, двадцать семь бис.

Спросить, отчего это я вдруг страдаю падучей, родственничек не успел. Мой желудок, решив, что сольная партия — это здорово и весьма уместно, выдал заунывную балладу о прекрасной, несравненной и недоступной курочке-гриль.

— Только не говорите, что вы на новомодной ныне в столице диете: ничего не есть круглыми сутками, а когда ноги совсем уж подкашиваются и вот-вот наступит обморок — сделать пять небольших укусов сыра, — недовольно проворчал крауф, а я невольно усмехнулась.

Его голос повторил нота в ноту ответ тети Цили — бабулиной соседки, когда ее спрашивали, отчего ее внучек Абрамчик ходит в музыкальную школу, у бедного дитяти ведь абсолютно нет слуха?

На что тетя Циля всегда кривилась и выдавала свое коронное: «Внучек ходит туда не слухать, он ходит туда играть!»

— Нет, я сижу не на этой новомодной диете. Моя гораздо проще, почти классика диетологии. Называется: «Не успела поесть с утра, а уже вечер, и жрать очень хочется». — Я намеренно допустила грубость, проверяя запас прочности терпения собеседника.

То, что Дэниэль при моих словах даже не поморщился, говорило о многом: ему от меня определенно нужны не батистовые платочки, а серьезные уступки, ради которых он готов и потерпеть.

— Ну раз моя дражайшая родственница голодна, я как истинный лесс просто обязан вас накормить…

Тут же представила две вариации: я, помятая и уставшая, в ресторации или этот щегольски одетый Вердэн в затрапезном трактире. Хоть так, хоть эдак, сочетание выходило то еще. Да и есть в компании сумеречного гончего… И дело даже не в гордости. Такой и отравить может.

— Благодарю, но для вас я сыта. В первую очередь вашим желанием от меня избавиться.

— Тогда просто прогуляемся, — жестко отрезал родственничек.

Вот сейчас я видела перед собой его настоящего, того раненого, но не сломленного мужчину. Решительного, привыкшего бороться и побеждать. Силой ли, хитростью, интригами. Такой предпочитал брать, а не отдавать, подчинять, а не уступать. А я умудрилась перейти ему дорогу.

— К чему это подражание светским манерам? Может, лучше сразу перейти к сути?

— Когда я шел сюда, то предполагал, что знаю, с кем буду иметь дело… — начал он, но я перебила его:

— Ваши агенты собрали сведения, а на поверку оказалось, что они не соответствуют реальности? И сейчас вы, перед тем как предложить сделку, размышляете, достоин ли ее ваш партнер? — Я била наугад, зацепившись всего лишь за оговорку Дэниэля про мою «характеристику» и сопоставив ее с поведением родственничка. Терпеливым. Крайне терпеливым, если учесть, что в нашу первую встречу он чуть меня не задушил.

Изучающий, буквально препарирующий взгляд анатома, что без рук, одной силой мысли проникает под кожу, мышцы, сухожилия, вбуравливается в костный мозг, по нервным узлам, как по мусингам, поднимается все выше, чтобы забраться в извилины.

— Что ж, поговорим начистоту, тем более, полагаю, вам

известно обо мне чуть больше, чем даже моей матушке…

«Это он про то, что я знаю о его принадлежности к сумеречным гончим?» — задалась вопросом я, расшифровывая последнюю фразу.

Мы шли не спеша. Со стороны могло даже показаться, что степенно гуляли под ручку. Не влюбленные, не друзья, но приятели: ведь на лице Вердэна почти улыбка. На моем — внимание. Вот только поджилки у меня тряслись, а ладони были все мокрые от пота.

Вспомнилось, как бабушка сидела за столом, пила чай, глядя в окно, и рассказывала о своей молодости, в которой было место, казалось бы, всему, и даже одной задушевной беседе с неприметным мужчиной в сером. В том ее собеседнике не было ничего выдающегося на первый взгляд. Ничего, кроме маленькой красной книжечки с тремя буквами: КГБ. Так вот, от выселения ее вместе с семьей в тот день спасло лишь то, что она не дала волю страху.

Как объясняла бабуля: «Нельзя показывать волнения. Ни в коем случае. Что собаке, которая готова наброситься на тебя, что шакалам в форме. И те и другие — по сути своей хищники. Почуют, вцепятся, раздавят, разорвут. Так что, внучка, звери — всегда звери. Они не прощают ошибок в страхе. — И, видя мое потрясение от ее рассказа, добавила полушутя: — Впрочем, как и в стрельбе, и в беге. Поэтому иногда я думаю: может, именно благодаря таким зверям лучшие биатлонисты родом из Сибири?»

Вердэн же продолжил:

— Не стоит думать, что я не запомнил вас, моя дорогая. Вы сошли с трапа дирижабля, на котором мы летели вместе… А с учетом того, что на «Парящем» всего две каюты, да и те с натяжкой можно назвать пассажирскими, выходит, что мы с вами были соседями. И, судя по вашей обмолвке о моих агентах, вы в курсе о том, кто я? — Последняя фраза — не вопрос, выстрел в упор.

Энжи, сжавшись в комочек за воротом платья, дрожала. Да что пискуха, мне и самой хотелось вот так же спрятаться куда-то от этого опасного крауфа. Но я собрала всю волю в кулак и, вскинув подбородок, невозмутимо ответила:

— Не скрою, ваши ордена для меня не секрет.

В голове же крутилось настойчивое: «Почему?» Почему он от меня не избавляется, а ведет беседу? Сейчас, когда я призналась, что еще и знаю его тайну, логичнее всего меня устранить. И пусть защита магистерии не позволяет убить меня, но переломанный позвоночник, кома… да мало ли действенных зелий в этом мире, способных превратить человека в овощ или стереть намять,

заменив воспоминания закаленного бойца розовыми мечтами пятилетней девочки?

Меж тем шпион, не подозревая о моих мыслях, произнес:

— Но раз уж вы признались, что осведомлены о моих тайнах, то настал черед узнать кое-что о вас, моя дорогая. Например, не просветите меня насчет того, как одна недалекая провинциальная барышня, которая сама умудрилась себя скомпрометировать, сумела так резко поменять собственную жизнь? А ведь вас все еще ждут в доме скорби… — Притворная печаль в его голосе, за которой проглядывает оскал. Такому даже не соврешь — сразу почувствует фальшь.

— Дорогой деверь, — начала я, а Вердэн, услышав сие обращение из моих уст, поморщился, — все очень просто: собственная смерть отлично умеет расставлять приоритеты и наставляет на пусть истинный, а также избавляет от хандры, глупых иллюзий и развивает способность к анализу и мышлению. В общем, весьма рекомендую для прочищения мозгов от ерунды.

— Нет уж, спасибо, — усмехнулся Дэниэль. — Мне не хочется лишний раз нарываться на свидание со служительницей той грани. — И после этих слов он резко перевел тему: — Так, значит, после того как вас поцеловала Смерть, вы получили дар некроманта?

— Да, — подтвердила я, лишний раз убеждаясь, что собеседник отнюдь не дурак.

Сразу же, без паузы, прозвучал второй вопрос — отчего я не поступила на факультет некромантии, а подалась в няни, раз у меня открылся дар. А за ним еще один. И еще. Это был какой-то допрос с садистским пристрастием. Пару раз ловила себя на мысли, что я мечтаю об обмороке, но организм в лучших традициях белорусских партизан сдаваться не хотел, упрямо сохранял ясное сознание и ни о каких лишениях чувств даже не помышлял. В результате я рассказала, почему сбежала из родного городка, как оказалась на дирижабле, почему подалась в няньки, и даже назвала причины, побудившие меня заключить фиктивный брак.

Его рука в перчатке держала мою. «Как романтично», — решил бы случайный прохожий. «Чтобы не сбежала», — чувствуя жесткость хватки, поняла я. Выделанная кожа скрывала мужскую ладонь. Тонкое женское запястье с родовой вязью, узкая ладонь, что практически утонула в мужской. И настойчивый вопрос: «Почему? Почему он не пытается меня ликвидировать, а беседует?» — на который я все так же не находила ответа. Переплетение узоров древних рун на моей коже… и словно щелчок в голове.

— Скажите, а если я случайно умру, Альт останется в роду Эрлинов?

Пальцы Дэниэля сжались, и мне показалось, что рука угодила в тут же сработавший капкан. Боль, от которой я заорала, пробежала по венам, заставила закрыть на мгновение глаза.

— Знала или догадалась? — холодный, вымораживающий голос.

— Поняла.

Вердэн резко отпустил мою руку:

— Вы слишком умны, дорогая родственница, и непозволительно догадливы к тому же. Поэтому говорю прямо и без обиняков: во сколько вы оцениваете себя? Сколько вам заплатить за то, чтобы вы убедили Альта бросить учебу и развестись с вами?

— Простите? — Я думала, что этот сумасшедший меня уже ничем не удивит, но ошибалась.

— Что непонятного в моем вопросе? Мне нужно, чтобы брат встал во главе рода. Для этого он должен бросить академию, расстаться с вами и жениться на девушке своего круга, зачать наследника.

Боль в руке слилась со злостью. Плодом их мимолетной близости стала язвительность, с которой я произнесла следующую фразу:

— Я, конечно, понимаю… Альт говорил о том, что вы предпочитаете мужчин. Но, извините, это такая ерунда! Она навряд ли помешала бы вам возглавить род и не настрогать с дюжину наследников…

— Б-б-беги! — заикаясь пропищала Энжи.

И я вняла ее, несомненно, ценному и жизненно важному совету, ибо Вердэн не просто разозлился. Он рассвирепел.

Как говорила моя бабуля: «Храбрый человек должен уметь быстро бегать. Так, на всякий случай…» Всю глубину ее выражения поняла только сейчас, шустро тикая от Дэниэля.

Я не была наивной дурой, полагая, что смогу удрать по прямой от того, кто заведомо сильнее и быстрее меня, но мы, гуляя, дошли до того места, что не хуже Берлинской стены делило город на две части. Рынок. С одной его стороны начинаются дома утренней, досточтимой части Эйссы, с домами трудолюбивых горожан; с другой — ночной, нижний город — вотчина воров, жуликов, босяков. Да и до дневного округа столицы, где живет аристократия, отсюда не так далеко. Вот только свободный люд: комедианты, вольнодумцы, вольные маги, что плевать хотели на ковен и монарха, — от рынка селились чуть далече.

В попытке оторваться от Вердэна я петляла зайцем, подныривала под прилавки. Мне вслед неслись ругань и улюлюканье. В ушах слышались обрывки фраз.

— Да что вы перебираете эти окорока! Вы их понюхайте! Это же не мясо, это же духи! — вопила какая-то лоточница, потрясая свиной ляжкой.

Вдох.

Выдох.

— Покупайте сладкие орехи, чтоб я не переживала, что вы голодные! — голосила другая торговка на весь ряд.

Боль в правом боку. Горло немилосердно саднило.

— Отстал, — выдохнула в ухо Энжи, когда я, привстав с карачек, вынырнула меж корзинами с зеленью.

Огляделась. Правда, Вердэна нигде не видно. Распрямилась, под взглядами торгашек и любопытного воровского пацанья отряхнула подол и как ни в чем не бывало пошла, вливаясь в пульс рынка, растворяясь в его неспешной базарной суете. Впервые поймала себя на том, что именно здесь, в торговых рядах, я словно дома, в детстве, на Привозе, куда меня брала бабушка по воскресеньям за покупками и «просто для души поругаться».

Запоздало настигла мысль, что, говоря о наклонностях своего брата, Альт все же имел в виду что-то иное. И зачем я полезла язвить этому Вердэну, как путана — в кабину КамАЗа? Нет чтобы стерпеть.

Решила подождать, пока мужик поостынет. Для верности бы с пяток лет, но и пару часов тоже сгодится. А пока… Поплутаю-ка я по торговым рядам…

Стараясь не отсвечивать, угрем проскользила меж рыбных прилавков, вкатилась во фруктовые ряды, где ноздри сразу же раздразнил запах сладких яблок. Сглотнула слюну и дала себе зарок: больше к вкусностям не приближаться. Поэтому-то, сменив направление, влилась в очередной поток и понесла свое бренное тело к палаткам с одеждой.

На очередном повороте, когда людская толпа стала особенно плотной, чья-то сильная рука буквально выдернула меня из толчеи. Я и пискнуть не успела, как оказалась зажата меж стен.

Я находилась в проходе, что больше всего напоминал крысиный лаз: такой же узкий, темный и вонючий.

Перчатка, зажимавшая рот, была отвратительно знакомой. Мужская рука с силой придавила меня к каменной кладке, почерневшей от копоти и пыли. Пасс Вердэна — и единственная защитница и соратница замерла не хуже соляной статуи на моем плече. Я затряслась.

Дэниэль прижался ко мне так, что моя грудь уперлась в его камзол. Вторая ладонь в тонкой перчатке легла на плечо, заставив вздрогнуть всем телом. Я подняла взгляд, встретившись с глазами, в которых языки бело-голубого, самого горячего пламени плясали сальсу.

«Да он ненормальный!» — пронеслось в голове, в то время как руки судорожно упирались в твердокаменную грудь Дэниэля. Но он словно не замечал моих потуг. Его ладонь прошлась по плечу, пальцы в перчатке скользнули на шею, погладили ложбинку меж ключиц и начали беззастенчиво расстегивать пуговицы.

Попыталась ударить каблуком по колену, но какое там! Этот чокнутый лишь сильнее вдавил меня в стену, не оставляя и шанса на сопротивление.

Да меня сейчас банальнейшим образом изнасилуют!

Между тем рука Дэниэля скользнула в вырез платья, сжала грудь, обрисовав ореол соска и чуть сжимая его.

Вердэн выдохнул мне практически в губы:

— Знаешь, чего мне хочется больше всего сейчас? — Провокационный шепот отозвался мурашками, пробежавшимися по моему телу от макушки до пяток. Не дожидаясь ответа, сумеречный продолжил: — Доказать, как же ты ошибаешься на мой счет. Снять перчатки и коснуться твоей нежной кожи. Везде. И меня останавливает лишь одно: там, где я до тебя дотронусь, останутся жуткие ожоги, ведь я наверняка не смогу сдержаться… Фениксу вообще тяжело сдержаться с той, которая ему нравится…

Его слова заставили мою кровь буквально забурлить в жилах. Страх окатил штормовой волной. Под его взглядом, который раздевал, возникло невольное ощущение, что перед этим мужчиной я нагая не только телом, но и душой. Но все же что-то было не так, чего-то не хватало.

Я прикрыла глаза, пытаясь успокоиться и прислушаться. Какая-то деталь выдавала в этой ситуации игру, фальшь.

Мозг лихорадочно анализировал образ противника: выражение глаз, дыхание, поза? Но нет. Взгляд Дэниэля был полон страсти, хрипотца в голосе свидетельствовала о крайней степени гнева или возбуждения… и тут до меня дошло: пульс, что бился под моей ладонью. Он — неизменен. Нет заходящихся ударов сердца. Ровный, а не бешеный ритм. С глаз словно спала пелена, и все поведение родственничка предстало в другом свете.

Это же банальная провокация! Проверка, как и при встрече в магистерии. Правда, тогда на прочность Вердэн испытывал нервы братца. К чести Альта, он выдержал, не дал возможности собой манипулировать. А вот я этот тест провалила, поддалась

эмоциям. Не знаю, что уж тому послужило виной: злость, капитулировавшая выдержка, усталость от водопада событий, — не суть важно. Гораздо более значимо сейчас то, что мой дорогой родственничек почти уверен, что ему удалось обыграть меня: если не купить, то запугать банальным изнасилованием. Ведь на соблазнение его поведение тянуло лишь с большой натяжкой и учетом того, что новоиспеченная невестка — тайная поклонница БДСМ, или как эта шиза здесь называется? Хотя… кто этого интригана крылатого разберет, может, в качестве третьего плана у него стоял как раз адюльтер и развод по горячим следам?

Зло усмехнулась про себя, вспомнив высказывание бабули: «Запомни, внуча, если какой-то хмырь раздевает тебя взглядом… Ты же женщина! В твоих силах одним взглядом в ответ выпить всю его кровь!»

Распахнула глаза. Вердэн, шестым чувством уловив, что во мне что-то изменилось, окинул другим — внимательным, оценивающим взглядом, из которого исчезла страсть, граничащая с похотью. Мне лишь оставалось про себя подивиться столь быстрой смене масок и сделать заметку: каким бы горячим, азартным и сумасшедшим ни казался Дэниэль, внутри это расчетливый и холодный, как вакуум космоса, шпион.

Я же, не теряя времени, пошла в атаку. Хотел разврата? Есть он у меня!

У каждой женщины в жизни бывают периоды, когда она хочет все кардинально поменять: обрезать волосы, похудеть, сменить работу, расстаться с парнем… У меня как-то тоже случилось подобное, и я недолго думая решила стать роковой женщиной во всех смыслах этого слова. Одним из пунктов «вамповости» значилось «записаться на пул-дэнс». Вот только благодаря китайскому пилону и моей неземной грации все закончилось, не успев толком начаться, за одно занятие.

А дело все в том, что мне посчастливилось первой испытать на прочность новенький шест, заказанный прямиком из Поднебесной (как потом выяснилось, по дюже дешевой цене). Итак, пока разминались-растягивались, все шло нормально. А потом нам, новичкам (и мне в их числе), предложили поработать над силой хвата и вообще «примериться» к танцевальному снаряду. Я сначала посжимала сталь в ладонях, а потом решила вспомнить школьные годы и… начала забираться на пилон на манер красноармейца: обвив ногами и подтягиваясь руками. Не скажу, чтобы это выглядело очень уж эстетично, зато действенно: я со скоростью бешеной улитки оторвалась от земли аж на метр. И тут-то проявила все свое коварство китайская сталь, не выдержавшая широкой русской души вкупе с одесским

темпераментом. В общем, шест начал сгибаться на манер плакучей березки, я, испугавшись, рванула вверх с небывалой даже для профессиональных акробатов скоростью…

В результате зал украсил симпатичный змеевик гигантских размеров. Центр тяжести сместился, и я проделала трюк, о котором Пизанская башня грезит вот уже несколько столетий: упала.

Моя тонкая душевная организация не выдержала такого глумливого кукиша судьбы, и я в раздрае решила для себя, что роль Диты фон Тиз, увы и ах, не сочетается с фамилией Литвак.

Из фитнес-клуба потом не раз звонили, дико извинялись и заверяли, что такого казуса больше не произойдет. Тем более что поставщик заменил бракованный шест на сверхпрочный и невероятно надежный. Но я заявила, что лоб у меня не казенный, а мозги одни: если во второй раз вышибет ударом, новые мне уже не купить. Даже в кредит.

К чему это я? Да к тому, что хотя тело было другое, память о некоторых элементах пул-дэнса осталась. Не то чтобы я надеялась, что Вердэн сдаст позиции, как китайский шест, но все же…

Ведь он рассчитывал, что я куплюсь на его актерскую игру в роли разозленного самца, поверю, что он действительно кинется доказывать мне свою «мужественность», испугаюсь… и смотаюсь подальше от его ненаглядного братца, предварительно согласившись на развод.

Ага, сейчас же три раза!

Для начала я мертвой хваткой вцепилась в его шейный платок, притянув Вердэна еще ближе, так, что казалось, мы делим один вдох на двоих. Закинула ногу на его талию, призывно стрельнув глазами.

— А может, я из тех, кто любит погорячее? — решила отыграть дурочку, которая пропустила мимо ушей предупреждение об ожогах.

Облизнула губы и резко закинула и вторую ногу так, что Вердэн оказался в пресловутом захвате «штурм пилона по-пионерски». При этом я полностью повисла на слегка ошарашенном противнике. Но вот чего он точно не ожидал, так это того, что я начну подтягиваться на нем, как на том злополучном шесте, все усиливая хват на шейном платке, отчего шелковый предмет гардероба стал скорее удавкой, нежели заключительным штрихом образа аристократа.

Вердэн захрипел, силясь то ли выдать очередной любовный бред, то ли усовестить. Он еще не до конца осознал, что из хищника любовных утех превратился в жертву. Я же решила

процитировать бабулю и пропыхтела, изображая страсть:

— Ах, отбросьте эти предрассудки. Я уже не в том возрасте, когда ждут признаний и слов о руке и сердце. Да и зачем замужней женщине этот суповой набор? Я предпочитаю палочку копченой колбаски и яйца, сваренные вкрутую… — При этих словах я все-таки умудрилась заехать мысом ботинка по самому чувствительному месту всякого мужчины. Отчего мозг машинально отметил: «А у родственничка они теперь всмятку».

Попытки Дэниэля отодрать меня от себя стали более яростными и матерными, хотя цвет лица шпиона все более приближался к окрасу наглядных пособий с факультета некромантии.

Промелькнула мысль: «А если я попытаюсь сейчас выцарапать ему когтями глаза — это сойдет за страстные ласки и не получу ли я ожоги пальцев?» Решила, что на пути к победе все средства хороши, и, отпустив одну руку от импровизированной удавки, потянулась к глазницам.

Вердэн резко мотнул головой, запрокидывая ее. Мои когти царапнули лишь скулу, оставив на щеке четыре багряные борозды, тут же закровившие.

Все же мужчина был сильнее. Он сумел отпихнуть меня. Отчего я ударилась спиной о каменную кладку, а сам сумеречный оказался прижат лопатками к противоположной стене.

— Ты выиграла, — были его первые слова, после того как он отдышался. — Но больше так не делай.

А до меня с запозданием дошло, чего я только что избежала. Не будь Дэниэль столь ошарашен резкой сменой моего поведения, моими действиями, среагируй он на меня как на полноценного противника — размозжил бы мою голову об эту стену. А так… видать, даже за всю шпионскую карьеру со столь неожиданным способом удушения он еще не встречался… Но это были первые мысли, а вот чуть позже я осознала еще одно: этот ледяной аристократ перешел на «ты». Причем на «ты», обращенное не как к прислуге, а как к равному.

Проглотила зародившуюся в душе панику — меньше минуты назад меня могла постигнуть участь кутенка, брошенного с размаху о камень! — и, уцепившись за это его «ты», выдавила:

— Ну раз уж вскрылся наш взаимный блеф, может, поговорим начистоту?

Вердэн все еще стоял, сгорбившись, уперев вытянутые руки в колени, и рвано дышал.

— Полных откровений не обещаю, — просипел он.

Эти его хрипы были музыкой для моих ушей. Отомщена! Хотя бы за то, что родственничек при нашей недавней встрече

стискивал мое горло.

— Расколдуй. — Я кивнула на Энжи, что напоминала то ли пришитое к воротнику чучелко, то ли меховую брошь, вцепившуюся лапами в ткань.

Гончий поморщился, но все же махнул рукой, сдабривая жест парой заковыристых слов. Крысявка отмерла, встопорщила усы, встряхнулась и напружинилась для прыжка. Пришлось придержать ее рукой, а то иначе бы голохвостая в порыве благодарственных чувств нарвалась еще на одно падение. В том, что Вердэн отмахнется от нее, как от мошки, не было сомнений, несмотря на весь непрезентабельный вид родственничка.

— Зачем тебе так нужен Альт? — спросила в лоб. — Никогда бы не подумала, что к вопросу зачатия могут относиться так истово те, кто не участвует непосредственно в самом процессе. Да и как так получилось, что ты не можешь этот ваш род продолжить, а твой брат — вполне? — Я говорила сбивчиво, не заботясь о том, чтобы облечь суть сказанного в красивые словеса.

Дэн выпрямился и, выдохнув, начал:

— Может, если ты будешь знать всю правду, с тобой легче будет договориться?

— Одно слово в твоей фразе лишнее, — не смогла я удержаться.

И почему именно с Вердэном язык опережает мысли, словно этот брюнет обладает способностью напрочь отключать инстинкт самосохранения?

— И какое же? — хитро усмехнулся гончий.

— «Может», — просветила его.

Как говорится, поздно молчать, сказав половину фразы, как и переживать о неоприходованной накладной, когда перед носом трясет корочками фининспектор.

— Кстати, ты забавно мельтешила меж рядов. Почти профессионально. Где научилась-то так? — поддел Вердэн. — Ты же вроде из благородной семьи, да и росла в городке, где рынок всего из двух рядов состоял.

Вроде и тон вопроса шуточный, а как на такой ответишь? Я бы растерялась, не имей замечательной одесской привычки — отвечать вопросом на неудобный для меня вопрос.

— А зачем за мной понадобилось следить?

— Интересно было, что ты сделаешь, — вроде бы бесхитростно ответил родственничек, но по взгляду я поняла: он задаст этот же вопрос чуть позже. При других обстоятельствах. И будет спрашивать до тех пор, пока не получит ответа. Упорный, чтоб его!

Меж тем мы вышли из торговых рядов и двинулись вдоль

набережной. Неспешный и даже в чем-то если не дружественный, то уж точно не вражественный разговор пролил свет на некоторые загадки семейства Вердэнов. Со слов собеседника выходило, что матушка Дэниэля и Альта прогулялась до алтаря дважды. Первый раз за Норина Вердэна, который и сам не подозревал, что капля крови фениксов, доставшаяся ему от далеких предков, пробудится в первом же потомке, да еще и пересилит человеческую.

Супруг, беря в жены юную девицу, был уже в летах. Он рассчитывал, что получит от брака законного наследника, мага. Ради этого отдал на откуп родовому проклятию магический дар… А вышел феникс. Зато второй отпрыск не унаследовал генов огненной птицы, а лишь человеческую суть.

— Это как-то связано с прикосновениями? — задала я интуитивный вопрос.

Дэниэль кивнул, стягивая перчатку. По мне, рука как рука. Вот только когда ногти начали удлиняться, загибаться и превращаться в когти, я свое мнение резко поменяла. После такой наглядной демонстрации Вердэн пояснил: изменения не только внешние. Самое главное — это то, что он обязан постоянно контролировать себя, не давать второй ипостаси взять верх над человеческим началом.

Была бы я благородной барышней, наверняка постеснялась бы задать следующий вопрос, но поскольку я душой дитя века атома и нравственного прогресса, шибанула в лоб: как же тогда сам Дэниэль появился на свет, раз его папочка обладал таким генетическим наследством?

На это собеседник лишь усмехнулся и огорошил. Истинные фениксы, как и полукровки, могут прикасаться к людям без последствий в трех случаях: когда полностью контролируют себя, когда принимают сдерживающие зелья… и к истинной паре.

Я еще хотела поспрашивать, но Дэн свернул разговор на тему наследства: что им с братом досталось по десятой доле от состояния отца, и тот из них, кто примет на себя обязанности главы рода, получит и все остальное. Их же мать вышла замуж второй раз, но в род нового супруга входить не стала, оставив за собой право величаться лессой Вердэн. Вот только ее дочери от нового супруга фамилии крауфа Норина уже не унаследовали.

— А что изменилось сейчас, раз так срочно потребовалось возглавить род Вердэнов? — задала я очередной вопрос. — Подождали бы немного, закончил бы Альт академию, и вперед…

— Есть большая вероятность, что он ее не закончит, — отрезал Дэниэль таким тоном, что стало понятно — хвосты и пересдачи тут ни при чем. — Если ты хочешь знать всю правду, дорогая моя, то придется принести клятву. И тебе, и твоему

фамильяру.

ГЛАВА 7

Мы с Энжи переглянулись и, подумав, синхронно кивнули. После этого Дэн достал из кармана то ли крупную черную жемчужину, то ли маленький шарик.

— Сожми в руке и повторяй за мной, — велел он.

Мне ничего не оставалось, как подчиниться.

Солнце садилось за горизонт, ветер танцевал в моих волосах, вода билась о гранит набережной, сияя бликами ряби, а мои губы шептали слова древней клятвы. Крысявка пропискивала их в унисон со мной. Когда же эхо последних звуков унес ветер, жемчужина словно растворилась в моей ладони, впиталась в кожу.

«Словно капсула с ядом в моей крови, которая лопнет в тот миг, когда мой же язык сболтнет лишнее», — пришла на ум невеселая ассоциация. Но то, что я узнала в дальнейшем, показало, как мелки были мои предыдущие неприятности. Сейчас я влипла по-крупному и в большую игру.

Вердэн торопился в столицу отнюдь не из-за матушкиных увещеваний. Хотя все считали, что старший брат спешит образумить Альта, вздумавшего идти наперекор воле родительницы. А матушка всего-то и желала, чтобы младший сын вступил в права полного наследования (а соответственно, приобщился к доселе замороженному банковскому счету покойного Норина Вердэна) и женился на знатной, богатой лессе, к слову, страшной, как тлен и бездна.

Причина, побудившая феникса мчаться в Эйссу сломя крылья и голову, оказалась иной. Дружественной державе очень не нравилось то, что империя разрослась и не прочь оттяпать еще кусочек если не в военном походе, так в дипломатическом. Оттого, пока не гремели пушки, вовсю работала разведка.

По агентурным данным, в столицу месяц назад прибыл убийца. Его цель — отпрыски пяти самых влиятельных лиц Трейгора. И как раз в этом году двое из кандидатов в смертники поступили в магистерию. На один с Альтом факультет.

— Думаешь, твой брат попадет под раздачу? — задала я самый очевидный вопрос.

— Нет, — отрезал Вердэн. — Не под раздачу. Он — второй в списке жертв.

— А первый — Уилл Рохар? — Я сложила в уме два и два, сопоставив имя, оброненное Смертью, и то, с каким восторгом Альт рассказывал о своем одногруппнике — сыне главы советника по внешней политике с первым уровнем дара.

А вот Вердэн весь напрягся и ощетинился.

— Откуда?.. — только и выдохнул он.

— Буквально за пару минут до нашей встречи я стала свидетельницей весьма занятного разговора… — Пришлось поведать родственничку о своих специфических знакомых с черным дресс-кодом.

Сумеречный гончий задумался. Надолго и всерьез. Мы так и шли. Молча, по набережной, где уже вовсю зажигались фонари-мандарины, дневная суета сменилась вечерней неспешной прогулочной негой, а на небосклон выкатилась желтая и круглая, как сырная головка, луна.

В голове все вертелась какая-то мысль, за которую я никак не могла ухватиться. Энжи недовольно завозилась на шее и ткнулась в кожу под мочкой уха носом, как раз в ту самую охранную татуировку, отчего меня и перемкнуло.

— Дэн… — начала я машинально и осеклась, увидев, как собеседник дернулся. Но сказанного не воротишь, оттого и предпочла сделать вид, что не заметила его реакцию на сокращенное имя. — Вот скажи, как собирается действовать этот ваш шпион, который должен убить аж пятерых отпрысков знатных родов, если как минимум трое — Альт и двое его сокурсников, насколько я поняла, находятся под протекторатом магистерии?

Я не удостоилась даже взгляда. Вердэн все так же продолжал идти, смотря только вперед. Пауза затягивалась, и я подумала было, что мне не ответят, когда спутник заговорил.

— Рей, — вернул он мне и сокращенное имя, и интонацию, с которой я его повеличала Дэном, — ты же вроде как умная, даже очень умная… — он сделал паузу, словно подбирая слово, — лесса и понимаешь, что нет правил без исключений.

Я на это заявление лишь изогнула бровь, дескать, продолжай, господин хороший, я тебя внимательно слушаю. Дэниэль не разочаровал:

— Например, в мою студенческую бытность эта татуировка защищала от злого умысла. То есть вред жизни не мог нанести тот, кто осознавал, что делает. От камня, случайно свалившегося на голову, метка академии не спасала. А один ушлый адепт умудрился-таки использовать этот принцип, чтобы устранить своего соперника. Поднял умертвие, вложив в него заклинание с алгоритмом уничтожения лишь магов определенной внешности. Причем параметры жертвы были вложены в плетение столь подробные, что под них попадала лишь пара адептов магистерии.

— И ты оказался в их числе? — Мне стало вдвойне интересно, слишком уж подробно описывал ситуацию Вердэн, словно был ее участником.

Со слов Альта, старший братец закончил факультет боевиков, следовательно, некромантом, поднявшим зомби, он навряд ли был, значит, находился по другую сторону, и самое вероятное — стал жертвой.

— Нет. Случилось так, что я, будучи первокурсником, оказался рядом с тем, кого решил упокоить мертвый тролль. Причем не просто тролль, а каменный. Этот еще не разложившийся здоровяк в плетении магической брони притопал с кладбища, что находилось за городской околицей. Его не брали ни пульсары, ни заклятия. А нас, первогодков, в парке поздним вечером было всего двое. Признаться, мне тогда показалось, что мы с Маром — приятелем и одногруппником, сбежавшим поступать в магистерию аж с Северного кряжа, так и останемся лежать на траве, осененные дубиной этого умертвия. Вот тогда-то в полной мере и проснулась во мне кровь феникса: до этого огонь загорался лишь на ладонях.

Он говорил буднично, ровным голосом, словно это был пересказ. Сдобренный самоиронией, но все же какой-то… протокольный, что ли. Хотя, скорее всего, после случившегося Вердэну не раз приходилось вспоминать произошедшее в деталях. Сначала для преподавателей, потом — для дознавателей.

— И как же оно пробудилось, это твое наследие? — Мне очень хотелось выяснить, что же это за дар такой достался моему родственничку от отца.

— Я превратился в огненный факел. Весь. И просто сжег умертвие. Правда, и Мару тогда здорово досталось. Впрочем, он хоть и вышел подкопченный, местами обгорелый, но живой. Зато после этого случая протекторат магистерии усовершенствовали, — подвел он итог и присовокупил: — Но кто мешает найти в защите новую лазейку?

Ответ был очевиден. Как говорил один мой знакомый программист с большой дороги, или попросту хакер Жека: «Нет ничего совершенного, и чем больше программа — тем больше бывают ее глюки и легче найти в ней дыру».

Но поиск способа убийства — это задача шпиона. Меня же больше беспокоил вопрос прямо-таки из экзаменационного билета аграрного института: «Какого хрена?» В смысле зачем вообще нужны эти убийства?

Видимо, задала я его вслух, потому как Вердэн, усмехнувшись, ответил:

— Видишь ли, страх — мощнейший из рычагов давления. Показательные смерти наследников великих династий могут заставить переменить свое мнение многих советников императора. А гибель, например, Уилла — выбить из колеи его

отца. Или смерть Альта… Он брат того, кто отвечает за внешнюю разведку. Если я не в состоянии защитить его, то что говорить о сохранности жизни остальных верноподданных императора, да и о безопасности державы в целом?

За этим его объяснением мы незаметно подошли к доходному дому, на чердаке которого я изволила квартировать. Время близилось к полуночи. Пустая улица и наглухо закрытая дверь, перед которой мы остановились, — вот и все свидетели.

— Знаешь, я даже рад, что мы оказались на одном дирижабле, — усмехнулся Вердэн. — Нет, сначала я предположил, что ты и есть та самая шпионка. Да еще и стремительное сближение с одной из жертв… К тому же потрясающая разница между твоей характеристикой и тем, что я увидел… Но потом сопоставил время твоего появления в столице с теми данными, что имелись, и понял, что истинный убийца уже был в городе, в то время как мы — еще на борту дирижабля.

У меня отлегло от сердца. Признаться, слушая рассказ Вердэна об этих закулисных играх, я невольно задавалась вопросом: отчего он решил посвятить меня в эту тайну? Вот только последующие слова Дэна напрочь убили во мне надежду:

— К тому же ни одна шпионка добровольно не стала бы сжимать карающую капсулу и клясться жизнью своему врагу. Та милая горошина, что сейчас внутри тебя, вскроется и убьет своего носителя ядом, как только я того пожелаю.

У меня не осталось цензурных слов. Нецензурных, впрочем, тоже. Даже междометия и запятые были сейчас исключительно матерные.

— Но ты ведь не шпионка? — хитро вопросил родственничек.

Пришлось заверить, что таки нет, не подосланная убийца, но мнение по поводу методов «проверки» вражественных резидентов я со своего лица так и не убрала.

Колокольчик, что висел у двери, оказался на беззвучном режиме: у него просто был выдран язык, который должен лупить о стенки, оповещая о том, что кто-то мнется на пороге.

Вердэн, не раздумывая, пару раз ударил кулаком. Не сразу, но в глубине помещения послышались шаркающие шаги. Когда же дверь открылась, я узрела перед собой ожившую американскую статую Свободы в миниатюре. В проеме самолично стояла хозяйка доходного дома. Причем она была облачена в хитонистого вида ночную сорочку, на голове красовались бигуди, а обе руки были заняты: одна держала примус, а вторая — свиток с уставом проживания в ее вотчине.

Его-то она и подсунула мне под нос первым делом, как Линкольн — прокламацию об освобождении рабов проигравшим

южанам.

Мы с Вердэном внимательно ознакомились с пунктом первым, где в трех словах было двенадцать ошибок. Суть постулата сводилась к тому, что после десятого вечернего удара колокола наступал комендантский час и двери доходного дома закрывались до утра.

Меня обуяла тоска. Тоска по столь близкой и недосягаемой кровати. Но выяснилось, что мой родственничек владел техникой безотказного заклинания, способного расположить к себе даже самые черствые сердца. Оно называлось «деньги».

Серебряная монета, перекочевавшая в ладонь хозяйки, смягчила ее норов. Мне милостиво разрешили пройти. Когда дверь уже почти закрылась, старушенция решила, что Вердэн ее не услышит (а может, и нарочно, кто ее знает?), и прошамкала:

— Вот молодца! Хоть полюбовника себе щедрого отхватила! А то вчерашний белобрысый, что приходил, из боевиков, хоть и видный, но денег пожалел. За так к тебе просочился… утверждал, что супружник твойный…

Сообразила, что хозяйка имеет в виду Эрвина. Альт-то пока за ворота магистерии ни ногой. Да и не блондин он, опять же.

Вот только после ее слов мне одной послышался неодобрительный хмык за дверью? Старушенция — та и ухом не повела. А Энжи и вовсе попискивала на плече без задних лап. Я тоже мечтала о том, чтобы упасть на кровать и как следует дремануть, но горизонталь мне пока не грозила: нужно было выучить заклинание от колик, прочесть в прихваченном из библиотеки учебнике расоведения про вампиров и намазать палец, который сегодня так ласково тяпнула малышка: подушечка зудела неимоверно.

Не сказать, чтобы я просидела над конспектом до самого рассвета, но когда долистывала зубную формулу родичей моей подопечной, колотушечники по улицам уже не ходили. Значит, близился час волка — время меж тремя и четырьмя часами утра, когда сон самый крепкий и сладкий, а воры — самые наглые и шустрые.

Безбожно зевая, решила все же глянуть информацию о фениксах. Как говорится, знание противника — половина победы. Тут-то меня и поджидал крайне неприятный сюрприз. Прямо во втором абзаце.

«Истинные фениксы обладают способностью к перерождению, а также могут манипулировать сознанием людей, читать мысли. У полукровок эти особенности проявляются в меньшей степени, зачастую сводясь к эмпатии и повышенной регенерации. Обычно, чтобы расположить собеседника, полукровке требуется некоторое

время побыть с ним рядом, в то время как истинные фениксы, если им это необходимо, способны едва ли не свести с ума человека одним лишь взглядом».

Сухие строки учебника заставили меня заскрежетать зубами. А я-то все никак не могла понять, отчего с такой легкостью согласилась дать клятву этой пернатой сволочи? Буквально вручила джойстик управления собой, втянув в ладонь эту капсулу с ядом…

Злость и жажда кипучей деятельности буквально обуревали. Хотелось с кем-нибудь поделиться полученными знаниями, а то я боялась расплескать столь ценный груз. Почесала Энжи, мирно посапывающую на подушке, меж ушей. Ноль эмоций. Даже хвост не дернулся. Взяла зверька на руки. Тот же эффект. Лишь один ус шелохнулся. Чувствуя себя потомком инквизиторов, потрясла крысявку, приведя ее тело в вертикаль.

Голохвостая нагло икнула мне в лицо и… захрапела. Слыша глубокий, здоровый храп, я поняла, что выражение: «Меньше знаешь — крепче спишь», — это укороченный вариант студенческой догмы, из которой следует, что учеба — катализатор бессонницы, нервных стрессов и, как следствие, болезней. Вред здоровью, одним словом! Крысявка, обделенная толикой знания об особенностях морфологии и физиологии фениксов, была блаженна в своем неведении и спала без задних лап. Я же, осененная мудростью, словно села на шприц с адреналином.

То ли я так громко и усиленно думала, то ли вертикальное положение все же оказалось не столь удобно, как горизонт пуховой подушки под пузиком… В итоге Энжи замотала головой, сонно умыла мордочку лапой и проснулась, недовольно проворчав: «Уже утро?»

Пришлось ее жестоко разочаровать и вытрясти (в буквальном смысле этого слова, встряхивая крысиное тельце) все, что она знала о фениксах. Но голохвостая была ни сном, ни усом об особенности огненных пернатых «располагать к себе собеседника».

Я же, ткнув обличающим перстом в книгу, в то самое место, где был второй абзац, осеклась. Под пальцем красовалась картинка огненной птицы, раскинувшей крылья.

Мы с Энжи уставились в книгу. Пролистали несколько страниц назад, вперед, открыли форзац и увидели надпись летящим почерком: «Сия книга дает лишь знания, жизненно необходимые, и ни строкой больше». Росчерк пера с подписью «Аврелий Ехидный».

Крысявка недовольно застригла ушами, а я поймала себя на

том, что рассматриваю завитушки рун этого Ехидного. Причем порой мне начинало казаться, что даже они выведены с особым, издевательским наклоном.

— Покажи обложку, — пропищала голохвостая.

Я уже почувствовала, как тело, хоть и получившее изрядную дозу стимулятора в виде злости, сдается на милость усталости, и подчинилась грозной Энжи.

Авторство сего талмуда принадлежало тоже Ехидному. Эта новость отчего-то заставила крысявку недовольно фыркнуть:

— С ума сойти! Мой предыдущий хозяин гонялся за этой книженцией чуть ли не десяток лет, чтобы прибрать в свою коллекцию, а она, оказывается, на полке в библиотеке магистерии пылилась.

— И чем же она так необычна, что твой господин так хотел ее заполучить? — уже зевая, полюбопытствовала я.

— Тем, что, как и заявил ее автор, мудрейший, к слову, предсказатель, вложивший в написание сего труда душу отнюдь не в фигуральном смысле, — после смерти его дух не пошел по пути за гранью, а поселился меж страниц, растворился в них, — эта книженция способна дать те знания, которые нужны именно ее читателю и от которых порой может зависеть его жизнь.

— То есть, если я спрошу, кто хочет убить Альта и Уилла, она ответит? — решила попытать счастья я.

— Нет, — сварливо прощелкала зубами собеседница. — Сказано же — знания! Эн-ци-кло-пе-ди-чес-кие, — последнее слово она растянула с издевкой, будто копируя чей-то тон. Скорее всего бывшего хозяина.

— Ясно, — опечалилась я.

Ну хотя бы кое-что о своем родственничке-противнике узнала. Значит, вести с ним долгие беседы чревато. Учтем-с.

С такими мыслями я и легла спать, а утро встретило меня набатом, ввинчивающимся, казалось, даже не в уши, а в самые нервы не хуже зубного сверла в пульпит. Продрала глаза, костеря всех и вся. В том числе и себя.

Про такую меня коллега Леночка однажды пошутила, что я не с той ноги встала. Пришлось ее разочаровать и ответить с интонацией берсерка, закусившего на завтрак любимым топором, что я, конечно, ноги стараюсь чередовать при спуске тела на пол, но выбор-то у меня в принципе небольшой… правая и левая… После этого эмоционального спича Леночка почему-то про меня утреннюю больше не шутила.

Натянув высохшее после позавчерашней стирки платье и водрузив Энжи на плечо, я подхватила листы пергамента, стило, бутылек с чернилами. Запихнула их в холщовую торбу, что

выполняла у меня почетную роль сумки. К писчим принадлежностям добавила «инструменты для практических занятий»: две пеленки, рожки для кормления (аж три разных: для драконов, человеческих младенцев и фурий), пару погремушек — и отправилась на учебу.

Я уже спустилась на первый этаж, когда заметила, как из двери комнаты хозяйки доходного дома выходит целитель. Синяя хламида со знаком плюща, сосредоточенное лицо, на котором уже имелось изрядно морщин, борода. Он ушел столь быстро, что я не успела его окликнуть, спросить, что со здоровьем владелицы. Хлопнула входная дверь.

Вспомнилось, как всего несколько часов назад старая карга шаркала тапками, впуская меня. Неужели ей стало ночью настолько плохо, что вызвали лекаря?

Дверь в апартаменты хозяйки приотворилась чуть более, и на порог вышла она сама в запахнутом халате.

— Вам плохо? Вы заболели? — Я чуть повысила голос, не рассчитав. Хотела ведь окликнуть шустрого целителя.

Хозяйка перевела на меня взгляд, уперла руку в бок и смерила взглядом.

Как-то враз подумалось, что для больной она слишком уж здорово и здорово выглядит. Мои сомнения подтвердились ее ехидным комментарием:

— Слышишь, постоялица, я же не орала на весь дом, что на нас напала нечисть, когда из твоей комнаты боевой маг позавчера выходил?

— Так то выходил, а не вылетал как ошпаренный, словно за лекарством от смертельной болезни помчался, — парировала я, враз потеряв всякое сочувствие к этой старушне, которая на поверку оказалась той еще развратницей.

— Запомни, девочка, — снисходительно хмыкнула владелица, — если мужчина после ночи с женщиной несется сломя голову, опаздывая, значит, эта самая ночь удалась. А вот если он тайком, крадучись, пытается на заре смыться в окно, пока дама не проснулась… то тут уж надо думать о том, что утреннее разочарование победило вечерние ожидания.

После этих слов она приосанилась, а я улыбнулась ей во все тридцать два зуба, чуть дерзко и ехидно. Я знала, чем крыть. И моя собеседница это прекрасно почувствовала. Мы обе поняли друг друга, взбодрившись обоюдными колкостями получше чашки кофе. Не прозвучавшая ответная язвительная реплика, как ни странно, расположила ко мне комнатодательницу лучше, нежели любые комплименты и лесть.

— Далеко пойдешь, девка, — лишь хмыкнула она, закрывая

свою дверь.

Я же поспешила на занятия. Сегодня они начинались в приюте.

Когда я пришла, несколько курсисток уже возились со своими малявочками. Кто-то осторожно пеленал, кто-то поил из рожка. Моя Бьянка пока спала: на животе, повернув голову вбок и выпятив попу вверх. Казалось, что в этой позе и находиться-то жутко неудобно, не то что сладко посапывать, но малышка лишь чмокала губками, блаженно закрыв глазки.

Запасшись информацией о вампирах впрок, я уже знала, что моя подопечная, несмотря на свой возраст, скоро начнет ползать. Вампиреныши встают на четвереньки, в отличие от человеческих детей, уже к двум месяцам. В четыре — уверенно сидят. В шесть — делают первые шаги. Да и все земные суеверия о том, что вампирчикам нужна свежесцеженная кровушка, оказались мифом. Просто витаминов им нужно больше — растут-то мелкие клыкастики не хуже телят. Вот и поят их мамашки соками. Ягодными. Чаще всего вишневыми или сливовыми. А что до укусов — то как и у всех младенцев, которые муслякают все подряд.

Жажда же у вампиров просыпается в подростковом возрасте. Тогда-то им и накладываются специальные клановые руны, сдерживающие эту тягу. Пить кровь разумных «методом прямого укуса», как гласили строки учебника, было запрещено законами империи. Правда, об умственно отсталых там не было и руны…

Официально вампиры могли купить сцеженной крови у любого, только проводить процедуру передачи красной руды надлежало в присутствии лекаря, который и заверял на пергаменте, что вреда здоровью кроведателя не нанесено. Но все же большинство клыкастиков предпочитало не выпендриваться с покупкой деликатесной человеческой крови, а вкушать свиную, заедая ее обычной людской пищей (нередко приправленной и чесночком), к которой упыриные желудки были весьма приспособлены. Необходимость же именно в кровушке, как утверждал Ехидный, была вызвана тем, что в ней содержались малой толикой вещества, необходимые именно вампирским организмам. Я провела параллель с рассказами подруг, находившихся в интересном положении: одна хотела до одури пожевать побелку, вторая бредила томатным соком, и… посочувствовала вампирам. Если у них такая же «хотелка», как у беременяшек, да еще всю жизнь…

Меж тем Бьянка начала просыпаться. А у соседней кроватки вовсю шла мелкая война младенца и курсистки. Той самой, в очках, с которой мы столкнулись у дверей экзаменационного

кабинета.

Ей попался человеческий младенец, но чуть старше. Судя по карточке, закрепленной у кроватки, ему минуло уже полгода. Мужик — всегда мужик. Даже если его чресла прикрыты тканью. И не важно, что это за тряпочка — банное полотенце или пеленка.

Эту простую истину сейчас и доказывал младенец, похлопывая по груди свою няньку. Он отпихивал рожок с молоком, упирался ножками, задирал свой курносый нос и деловито стремился к девичьим прелестям.

— Вот ведь! — в сердцах выдохнула нянька, пытаясь убедить «мужика», что и в рожке молоко ничуть не хуже. Но, держа в одной руке упирающееся и голосящее чадо, а в другой — местный аналог детской бутылочки, заниматься уговорами сложно.

— Давай помогу, — предложила я, кося одним глазом на Бьянку.

Вампирочка, поворочавшись, вновь приснула.

— Спасибо, — кивнула курсистка.

Малец, которому все же сунули в крикливый рот рожок, втянул носом воздух и чуть недовольно засопел, причмокивая. Я, не особо задумываясь, погладила малыша по спине и что-то чуть слышно забормотала на ухо. Но дитю, судя по всему, это уже было безразлично.

Заметила, что мужчине вообще многое безразлично, когда его вкусно кормят. Можно даже раздеть догола, он и не заметит, если рот занят, а желудок благодарно урчит. И не имеет значения, о пеленках речь идет или о рубашках.

— Меня Натаниэль зовут. Можно просто Ната, — чуть смущаясь, протянула курсистка, когда с кормлением ее подопечного было покончено. — И еще раз спасибо за помощь. У нас с мужем детей нет, вот я и теряюсь.

Я смотрела на эту хрупкую девушку, назвать ее замужней дамой не поворачивался язык. Слово за слово, пока ухаживала за Бьянкой, кормила ее, играла, делала пометки в пергаменте, отмечая реакцию малышки на новые предметы, то, как она держит головку, поворачивается, мы с Натой разговорились. Общению на практике куратор не мешала, только напоминала, чтобы не забывали о главном и не повышали голоса. А потом был первый «коллоквиум». Мы должны были уложить спать наших младенцев.

Только тогда я, тряся малютку на руках, поняла в полной мере значение слова «ушатать». Я пробовала петь колыбельные, шипеть, даже сказку начала рассказывать, но при этом так сама хотела спать, что моего колобка сбила фура, едва он выкатился от бабушки с дедушкой.

Выручила меня Энжи, с мученическим вздохом сползшая с плеча.

— Только не спрашивай, откуда я это знаю, — пропищала она и… засунула свою лапку в рот малютке, пока куратор отвлеклась.

Бьянка, будто этого и ждала, присосалась к кулачку крысявки и затихла, а спустя пару минут и вовсе сладко сопела.

Прежде чем нас отпустить, куратор напомнила, что после полудня в расписании еще значатся «легенды и словесность». Как пояснила магесса Арелия, на сем занятии мы будем изучать детские сказки, песенки, потешки и зубрить их.

Кто бы сомневался.

В магистерию возвращались дружной щебечущей толпой.

На подходе к академии нас обогнул парень, вышедший из ворот. Все бы ничего, но он здорово задел мне плечо. Я потерла ушибленное место и уже хотела ответить, но когда обернулась — никого не было.

Вот только, войдя в ворота академии, я отметила, что сегодня студенческая суета какая-то уж больно волнительная, что ли…

— Вы что тут стоите? Пропустите все самое интересное! — сразу обращаясь ко всем курсисткам, крикнул какой-то паренек, деловито улепетывая в сторону мужских общежитий темной половины.

— А что там? — спросил кто-то из курсисток ему вдогонку.

— Самоубийство намечается! — крикнул он, сверкая пятками.

Я же, услышав об этом, рванула следом.

Когда добежала, взору предстала картина: на краю крыши башни — Уилл. Парень был настроен решительно, он даже уже шагнул, вот только Альт, схвативший его за руку, мешал ему упасть. Зато самоубийца своим весом неотвратимо подтаскивал моего муженька к краю крыши. Лететь, сорвись они, было этажей семь.

А по толпе гулял шепоток про так не вовремя поставленный на стены общежития и прилегающую территорию антимагический полог…

Поверх рокота толпы студиозусов прозвучало:

— Начинаем аукцион!

Крикуну тут же отвесили подзатыльник, но его еще более громкое оправдание: «А что? Столько народу собралось. Грех что-нибудь не продать!» — разделило толпу на два лагеря. Одни ахали над развернувшейся на крыше драмой (в основном это барышни со светлой половины). Вторые — с факультетов некромантии, чернокнижия и боевого магического — отпускали циничные шуточки, между строк которых так и звучало: да когда

же он грохнется наконец!

Такая бесцеремонность объяснялась просто: неврастеникам не место среди воинов. Пусть уж лучше такой самоубьется сейчас, чем из-за его расшатанных нервишек придется подставлять спину под когти нежити.

Я вглядывалась в две фигуры, лихорадочно соображая, что же сделать…

На брусчатку упала черепица, первой не выдержавшая натиска дружеских чувств Альта и Уилла. Она проскользила по полотнищу вертикального флага, что реял вровень с окнами пятого этажа и мел кистями карниз на уровне второго, и разбилась о булыжник. Зато на крыше появилось еще одно действующее лицо: наш физрук. Магистр Дирк, ступая мягко, по-кошачьи, добрался почти до козырька, когда черепица сбоку начала ехать на манер ледника целым пластом. Мужчина замер.

Черепица упала на камни при полном молчании, осенив толпу облаком пыли. Прониклись все. И адепты, и подоспевшие к этому моменту преподаватели, и даже юный коммерсант, желавший устроить торги.

— Альт, держи его! — Сильный, уверенный голос преподавателя услышали все. — Отпустишь — силовым арканом не подхватить. Сегодня, как назло, на общежитие установили антимагический полог. Ни плетения, ни заклинания левитации не подействуют.

Двор загудел. Седобородый старичок в голубой хламиде (преподаватель лекарского дела?) воздел корявый, как ветка карагача, перст к небу и заголосил о ценности каждой жизни. Экзальтированная девица начала обмахиваться платочком, причитая: «Ну как же так! Я сейчас от волнения лишусь чувств…» — но, оглядевшись по сторонам и узрев, что все внимание стоящих вблизи парней приковано к крыше, грохаться в обморок раздумала.

Зато темная половина академии хранила единодушное молчание, лишь с жадным интересом вглядываясь вверх.

Дирка и Альта разделяло всего несколько метров, которые магистр не мог пройти из-за обвалившейся черепицы. Но вот в руках мужчины появилась веревка, конец которой он и кинул белому как мел моему муженьку.

Кто-то из толпы облегченно вздохнул, предвосхищая благополучный исход. Зря.

Альт неуклюже взмахнул рукой, пытаясь поймать конец, и чуть сам не потерял равновесие.

Все же кое-как он умудрился ухватиться за веревку. Вот только спасаемый отчего-то удвоил усилия по своему

самоубийству, упираясь ногами и бурлаком таща за собой вниз моего супружника.

Все в толпе смотрели лишь на это противостояние, и ни один не видел ее. Смерть. А госпожа костлявая меж тем, подобрав подол и зажав под мышкой косу, на цыпочках шла по карнизу, недовольно цыкая на магистра. Как же! У нее тут сверхприбыль наметилась — аж два адепта, а какой-то мужик собирается вырвать душонки, которые она записала уже на свой счет, из ее рук!

Чернобалахонница доковыляла до ребят, сделала пару шагов вверх по скату и, выпустив из пальцев подол, половчее перехватила косу. Замахнулась ею на манер топора и, опустив лезвие на натянутую веревку, начала пилить волокно.

Рука, что легла мне на плечо, заставила не просто вздрогнуть всем телом, а едва не заорать.

— Интересное зрелище, не так ли? — раздался знакомый голос с хрипотцой.

Вторая рука нагло легла мне на талию.

— Очень, — севшим голосом ответила я. — Особенно если учесть, что это зрелище того, как я становлюсь вдовой.

— Что? — В этом коротком вопросе смешались гнев, возмущение и даже обида.

Полотнище вертикального флага от порыва ветра выгнулось дугой и с хлопком ударилось о стену, вновь приковывая внимание к зданию. А меня перемкнуло.

— Согласна! — выпалила я, разворачиваясь и беря лицо Эрвина в ладони, словно в тиски.

Похоже, столь резкой смены темы разговора он не ожидал. Но не зря Торон учился на боевом факультете. Тотчас сориентировавшись, уточнил:

— На что?

Все же еврейские хромосомы не дали мне выпалить опрометчивое русское «на что угодно».

— Кто-то недавно заверял, что пойдет на все, чтобы меня добиться… Так вот. Поможешь мне остаться замужней, а не вдовой — пойду с тобой на свидание. Смекаешь?

— На два, — мгновенно включился в торг Эрвин.

— Да. Только быстрее! — Я заработала локтями, пробираясь сквозь толпу.

Только бы успеть…

Смерть активно работала косой, прямо как стахановец-лесоруб бензопилой «Дружба». Но то ли инвентарь ей попался бракованный, то ли лезвием все же удобнее головы оттяпывать, а не добротную пеньку с мое запястье толщиной перепиливать —

так или иначе, пока канат держал. Надолго ли?

В общежитие в этот раз удалось попасть без вопросов. Комендант, как и все, глазел на действо, что разворачивалось на крыше.

Я неслась по лестнице. Сердце колотилось о ребра, грозя проломить грудную клетку изнутри. Воздух жег легкие, мышцы готовы были разорваться.

Эрвин остался внизу. Пятый этаж — не ошибиться бы. Лестница. Коридор. Оконный проем, в котором на долю секунды мелькнуло иссиня-черное полотнище штандарта.

Энжи все время моего лестничного забега изображала отчаянную крысу, привыкшую объезжать норовистых хозяек. Она вцепилась всеми четырьмя лапками мне в волосы аккурат на макушке и что-то пронзительно пропискивала. То ли лозунг на своем крысячьем скандировала, то ли материлась.

Я пронеслась по коридору и затормозила о подоконник. Штандарт длиной не меньше шести метров висел меж окнами. Ткань прочная. Должна выдержать. Вот только как его снять? Наверняка ведь на совесть закреплен…

— Энжи, вся надежда на тебя! — С этими словами я отодрала крысу от своей шевелюры.

Сказать, что голохвостая не сопротивлялась, — значит обидеть благородную погрызуху. Но мне было особо не до церемоний.

Энжи пришлось бочком, цепляясь за лепнину и прочие архитектурные извращения, пробираться к ткани.

Крепления оказались хоть и прочными, но тоньше, чем канат. Падающую ткань я успела подхватить в последний момент, по пояс высунувшись из окна. Крысявка тогда же в прыжке спикировала на мое плечо.

Сматывать добычу было некогда. Она так и волочилась за мной по полу, пока я бежала вниз, перепрыгивая через ступеньки лестничных пролетов двух этажей.

Рапунцель выбрасывала из башни косы, общежитские студентки в мою университетскую юность — из окна пожарные шланги, что уложены в бухту и запрятаны под стекло рядышком с огнетушителем, а вот я сегодня — штандарт боевого факультета магистерии.

Эрвин поймал конец полотнища и начал отходить. Получилась своеобразная тканевая горка, начинавшаяся на уровне третьего этажа и заканчивающаяся самим боевиком. Я лишь успела вцепиться в свой край мертвой хваткой и упереться ногой в стену, как последовал рывок. Пока по полотнищу скользили тела, на мгновение мне показалось, что вот сейчас сил

не хватит и я на манер подсеченной рыбины вылечу из окна. Но нет. Все схлынуло так же, как и началось: резко, словно отрезало.

Расцепила руки и вытянула шею, разглядывая картину за окном. Эпичная горка из трех тел подавала признаки жизни. Преимущественно матерные. Альт сверху, посредине Уилл, изображавший котлету-гриль в бигмаке, и снизу — Эрвин, на которого и спикировали друзья.

Я же, убедившись, что муженек и недосамоубийца живы (о здоровье я даже не заикалась), поняла, что надо делать ноги. Как говорила моя бабуля: «С изюминкой должны быть кексы, с загадкой — кроссворды, а женщины — с мозгами, чтобы вовремя думать и действовать». Мне порой казалось, что мне эти самые мозги родители покупали вскладчину и со скидкой. Иначе почему я сначала спасла Альта с Уиллом, а потом задумалась: как бы мне свалить, прежде чем Смерть поймет, кто только что лишил ее командировочных?

Включив форсаж, я помчалась вон из общежития. Правда, на первом этаже не рискнула воспользоваться парадным входом, а выкарабкалась наружу через окошко каморки коменданта, что выходило в палисадник с обратной стороны здания.

Вот так вот, практически огородами, выбралась из эпицентра и поспешила на занятие по сказковедению, где оказалась единственной курсисткой, пришедшей на него. Даже преподаватель, благообразный старичок с лысой макушкой, окруженной венчиком седых волос, вошел чуть позже меня. Мы уставились друг на друга, как два грибника, столкнувшиеся на лесной поляне, полной маслят.

Вместо приветствия преподаватель вопросил:

— Имя и род?

— Рейнара Эрлис.

— Я вас запомнил. — С этими словами старичок осмотрел пустую аудиторию, словно ища еще кого-то, и… удалился.

Я же выждала для порядка еще минут пятнадцать и решила, что на сегодня учебный день закончен и можно отправляться домой. Благополучно миновала парк, ворота и даже квартал, что разделял магистерию и доходный дом, и уже размечталась, как вытянусь на кровати с бутербродом в зубах. Фантазерка. Едва я занесла ногу на первую ступеньку перед входом в дом, как из-за угла вышел боевик:

— Рей, кажется, сегодня ты мне кое-что задолжала…

Я лишь мысленно застонала.

— Эрвин, будь человеком! Я сегодня труп.

— Рей, милая, терпеть не могу эти полунамеки, если ты понимаешь, о чем я, — сардонически усмехнулся боевик. — Не

можешь — так прямо и скажи, перенесем…

Я, уже было воспрянувшая духом, рано обрадовалась, ибо блондин припечатал:

— Но тогда давай сразу договоримся о неустойке… Скажем так, один день — один поцелуй…

От этой его фразы шел запашок… Словно недавно сдохло в лесу что-то большое и толстое. Например, совесть Эрвина. Ибо веяло наглостью и нахрапом. Но того, кто сумел разобраться в 1-С бухгалтерии, не одурачишь размытым устным договором.

— Мы условились о сроках? Был прописан порядок взыскания пени? Наконец, где два отпечат… тьфу, написанных на пергаменте экземпляра, заверенных подписями обеих сторон? — Сухой тон фининспектора подействовал на боевика не хуже ушата холодной воды.

Но судя по тому, как быстро блондин поменял тактику, он был из тех, кто практикует моржевание и в прорубь ныряет постоянно. А иначе чем объяснить тот факт, что Эрвин моментально отошел от моего холодно-казенного тона?

— У тебя острый язычок, — провокационно протянул он и стремительно приблизился ко мне настолько, что мой нос уперся в его грудь. — Он мне очень нравится. А еще я хотел бы применить его по другому назначению.

Он притянул меня к себе. Руки. Сильные, мозолистые, они начали нежно поглаживать спину. Одна поднялась чуть выше, сквозь ткань прошлась пальцами по позвоночнику и начала ласкать шею. Невесомые прикосновения, призванные рождать в теле приятное ощущение мягкости… нежности… неги.

Вот только я стиснула зубы и замерла соляной статуей с неестественно прямой спиной. Понимала, что если начну сопротивляться — это только его раззадорит. И за ради чего я согласилась на эту сделку?

С другой стороны Энжи, восседавшая на плече, воинственно пропищала:

— Лапы убрал от хозяйки!

— А то что? — с интересом вопросил Эрвин у зверька.

На мгновение маска обольстителя спала, и выглянул охотник. Тот, кто привык добиваться своего. Такому недостаточно иллюзии полублизости, когда гуляешь под ручку на свидании и целуешься в парадной. Такой берет штурмом и наслаждается победой сполна. И преимущественно горизонтально, предпочитая слышать стоны и прерывистое дыхание.

Крысявка набрала воздуха в грудь, чтобы ответ (он же рявк) получился достойным, но ее опередил обманчиво-насмешливый голос:

— Охотиться на замужнюю женщину, да еще на территории, охраняемой ее семьей? Да за такое браконьерство можно и орудия незаконного промысла лишиться…

Дэн! Вот кто бы еще вчера сказал, что я обрадуюсь, услышав несносного родственничка, не поверила бы. Но он был меньшим из двух зол хотя бы оттого, что я интересовала его с исключительно деловой, а не постельной точки зрения.

Я обернулась. Позади стоял Вердэн, недовольно скрестивший руки на груди. В тишине мужчины мерялись взглядами. Пауза затягивалась. Что там по этикету в подобной ситуации приличествует совершить? Представить двух незнакомых друг другу мужчин, раз уж я знаю обоих? Спасибо, увольте. Я еще пожить хочу… поэтому-то тихонько начала тактическое отступление к входной двери.

А между этими двумя чуть ли не искры летели. Егерь, тьфу, деверь, прошелся уничижительным взглядом по Эрвину с головы до ног. Блондин словно приготовился к схватке. Словесной ли, рукопашной или магической — не суть.

— Где же ты был, родственничек, когда Рей чуть вдовой не стала? — Первый выпад в этой дуэли был за боевиком. — Хотя зря я все же повелся на уговоры и помог спасти ее муженька. Глядишь, уже утешал бы вдовушку, а не стоял здесь.

Эрвин бил фразой наотмашь, нарочно провоцируя, и любой другой на месте Вердэна наверняка сорвался бы. Вот только блондин не знал, что выдержка и хладнокровие его противника сродни вековым льдам Антарктиды, спрессованным до твердости железа.

— Так вы и есть тот самый Эрвин Торон, которому я обязан жизнью брата? — промолвил Дэниэль таким тоном, что самым чувствительным впору было идти и подыскивать веревку с мылом, чтобы тихонечко самоликвидироваться.

— Он самый, — это уже крысявка, не выдержавшая напряжения, которое было почти осязаемым.

— Что ж, тогда вынужден вас благодарить, — сухо заключил Вердэн.

— Лучшей благодарностью будет, если вы уберетесь отсюда и не станете мешать свиданию с МОЕЙ девушкой.

— А то, что ВАША девушка — ЖЕНА моего брата, вас не смущает?

Подчеркнутая вежливость этих двоих прошлась наждаком по моим нервам. Меж тем я тихонечко нащупала ручку двери и собралась было совершить последний рывок, как эти двое синхронно гаркнули:

— Стоять!

Я замерла. Энжи и вовсе вытянулась у меня на плече во фрунт, опершись лишь на задние лапы и балансируя хвостом.

— Свидание? — зло сощурился Вердэн. — Это правда?

В вопросе, обращенном ко мне, было обещание. Страстное обещание меня убить.

— Да, — выдохнула я и поспешно добавила: — За помощь в спасении собственного мужа я обещала сходить с Эрвином на свидание.

— Дважды, — педантично добавил боевик.

Но больше всего меня поразило то, что Вердэн отчего-то расслабился, а потом с издевкой протянул:

— Раз обещала, значит, нужно держать слово.

— Но…

— Вот именно! — рано обрадовался боевик.

— И я как твой родственник тебе в этом даже помогу, поэтому иду с вами.

С этими словами Вердэн подхватил меня под локоть с явным намерением сопровождать и поддерживать на протяжении всего «свидания», не отступая ни на шаг.

Эрвин, окинув нас с Дэниэлем взглядом, сообразил, что этот раунд остался-таки за противником. Хмыкнул, делая шаг назад. Боевик сумел проиграть красиво и, распрощавшись, удалился.

— Ну что, дорогая родственница, не пригласишь деверя на чашку чая? — изогнув бровь, вопросил сумеречный.

Я же поняла, что такое родственное общение вскоре может обернуться для меня заиканием и сокращением словарного запаса, который ограничится выразительным закатыванием глаз и только.

— Чая у меня нет, — попыталась увильнуть я.

— А что есть?

— Сало, — обреченно сообщила, понимая, что, скажи я хоть «подметки», и на них бы Вердэн, похоже, согласился. Значит, ему от меня что-то очень нужно… Опять.

Пока поднимались по лестнице, мысленно прикидывала, что малюсенького кусочка сала нам на двоих с половиной (Энжи шла довеском) явно не хватит. Может, быстренько сообразить цимес? Тем более что морковка у меня как раз имелась, как и пара пригоршней сушеных ягод. Правда, прикупила я их на рынке для компота, но да сойдет.

Едва мы добрались до моей комнаты и я ссадила крысявку с плеча, как Вердэн, до этого всю дорогу молчавший, заговорил, запирая дверь:

— Я уже проинформирован о произошедшем в академии. И, признаться, идя сюда, думал узнать у тебя детали как у

свидетельницы произошедшего. Но судя по тому, что сказал этот…

— Эрвин, — подсказала я, отчего гость скривился.

— …Эрвин, — произнес он с неохотой, — мне, прежде чем тебя расспросить, нужно для начала поблагодарить.

Увы, если этот аристократ рассчитывал отделаться витиеватой речью, то он явно просчитался. На голодную и уставшую девушку словеса не действуют.

— Если хочешь поблагодарить, помоги почистить и накрошить морковку. — С этими словами я полезла под стол, где в плетеной корзинке лежал как раз пучок свежей молодой моркови. Еще с ботвой.

Торжественно протянутые нож и корзина удостоились внимательного изучающего взгляда. Я была уверена, что этот высокородный сноб откажется.

— А что ты собралась готовить?

— Рагу.

— Из сладкой моркови?

— Извини, но на форшмак у меня сейчас сил нет, а у моего желудка — терпения.

— Кажется, кто-то говорил о сале… — тонко намекнул Вердэн, все же еще рассчитывая увильнуть от кухонного рабства.

Я лишь усмехнулась. Как говорила моя бабуля: «Не верьте тем, кто утверждает, что больше всего мужчины боятся женских слез. Неправда. Многие из них получают прививку от солоноватых капель годам к двадцати, пережив первые расставания, и потом лишь притворяются, что эта чудодейственная влага заставляет их нервничать. Хотите действительно полностью дезориентировать мужчину? Заставьте его готовить! В запарке, с маленьким ребенком на руках и под недовольное ворчание: „Ну давай быстрее!“ Эта задача окажется гораздо тяжелее, чем изображать жилетку. Лишь самые стойкие могут с ней справиться».

— Ага, — подтвердила я, доставая кусочек сальца, который по своим размерам был эталонным спичечным коробком.

Кто бы мог подумать, что обрезок жира с перцем способен так усовестить мужчину, что он снимет сюртук и возьмется за нож?

А может, просто желудок гостя был пуст, аки все три наперстка у профессионального шаромыжника? Или Вердэн предпочел не рисковать? Вдруг повар из меня — скорее алхимик, чем кулинар? Подмешаю что… а яды и зелья потом в животе бурчать будут.

Я уже приготовилась лицезреть эпохальную битву мессира и морковки. Энжи тоже заинтересованно поводила носом в лучших

традициях любителей комедий. Она села на задние лапки, а передние сложила на груди. Ей только попкорна не хватало для точного сходства с заядлым киноманом. И что же вы думаете? Результат нас с крысявкой обеих нагло разочаровал.

Вердэн не только чистил, но и шинковал морковку профессионально! Причем умудрялся при этом вести беседу, больше похожую на допрос: окольно вытянул из меня все детали сорванного самоубийства, вплоть до того, кого из адептов я видела, входя в магистерию.

Самое поразительное, делал он это столь умело, что я сама подивилась, как в памяти всплывают самые незначительные факты.

Так, лицо парнишки, который толкнул меня плечом у ворот, я не запомнила. Вот только в подсознании отложился навязчивый бит, который бил по ушам все то время, что я бежала до мужского общежития.

За эту-то незначительную деталь Вердэн и ухватился не хуже, чем таежный клещ за голое плечо туриста. Я уже жалела о том, что заикнулась о музыке, которую в те минуты вытащило из глубин памяти мое подсознание. Но призрачный гончий не отступал, наседая, прося ее напеть или сказать, кто из менестрелей ее исполняет. Я лишь мотала головой, утверждая, что не знаю. Ну как ему объяснить, что в том месте, откуда я родом, грибы не только едят. Их еще и слушают. И один вот такой гриб…

Я едва не выронила миску с набухшими в кипятке ягодами.

— Я вспомнила, как выглядел тот, кто меня задел плечом…

Поразило то, за что сумел зацепиться Вердэн, вытаскивая из меня нужные для него сведения. Оказалось, меня перемкнуло на образе, который мимолетно отметил мой мозг, перекинуло на ассоциацию с солистом «Грибов» и зациклило на незатейливой мелодии.

Пришлось подробно описывать еще и вот этого странного субъекта, и чем больше я рассказывала, тем сильнее хмурился Вердэн. Зато морковка, долго томленная на малом жару, получилась что надо.

Ели мы молча. Гость — из плошки. Я — прямо из горшочка, поскольку миска в комнате была ровно одна. Крысявка же, осчастливленная салом, тихо уплетала подачку в одну морду. Вердэн отказался от унизительной дольки сала, хотя я по-честному предложила ему самый большой кусочек, а мне же стало неудобно хомячить перченую вкусность под его уничижительным взглядом.

Наконец, когда Дэн задал, кажется, все интересовавшие его

вопросы, я спросила:

— А что там с Альтом и Уиллом?

Оба были не только живы, а муженек — даже весьма здоров, чего не скажешь о его приятеле. Несостоявшегося самоубийцу приложило знатно. К тому же целители обнаружили, что с сознанием парня явно кто-то поработал.

Не далее как пару дней назад в память Уилла вложили отсроченный приказ, который и сработал сегодня. Из объяснений Вердэна выходило, что это была не магия, иначе бы ее не пропустили охранные амулеты, которые носит на себе каждый отпрыск знатного рода.

У меня на языке вертелось слово «гипноз», но я вовремя успела поймать его. Если в этом мире о таком явлении не знали даже шпионы, значит, и Рей не должна. Иначе допрос про «Грибы» покажется мне цветочками.

— Что же послужило отмашкой к началу выполнения этого приказа? — осторожно спросила я.

— Любовь Единственная Тебя Исцелит, — серьезно, глядя на меня в упор, произнес Дэн.

— Что? — не поняла я.

— Приказ. Причем безобидный. Левитации обучают в первый год, как просыпается магия, и в слове «лети» нет ничего крамольного. — Дэниэль жестко усмехнулся. — Вот только не тогда, когда мага накачали отваром эдельвейса и ему, словно упившемуся вусмерть, мерещатся голубые зайчики…

— Про голубых — это из личного опыта? — Я невинно захлопала глазками.

— Рей! — Вердэн даже тарелку отодвинул. — Чем дольше я с тобой общаюсь, тем больше начинаю сочувствовать младшему. Ты всегда такая язва?

— Как будто у тебя нет недругов, — ввернула я.

— Ты удивишься, но при императорском дворе у меня действительно нет врагов, хотя многие меня ненавидят.

— Вот видишь! — воодушевленно начала я, размахивая ложкой. — У нас с тобой уже нашлись общие черты: и тебя, и меня некоторые с трудом переваривают. Может, мы и вправду родственники?

— По твоей логике и ишак мне родственник. Ведь и у него, и у меня есть уши, а это тоже как-никак общие черты…

Я лишь усмехнулась: взывать к логике той, что провела все детство в городе, который строили итальянцы, французы и немцы, где живут евреи, украинцы и русские, а градоначальник (он же мэр обыкновениус) вообще с Кавказа… да для этого надо быть смелым на всю голову!

ГЛАВА 8

Вечер подкрался тихо, но быстро, как бандит в переулке. Заглянул в чердачное окно, проверяя, кто приютился здесь, под крышей? А потом по стеклу застучали крупные дождевые капли, словно стоявшие на стреме.

Бывает дождь тихий, словно воркующий, бывает затяжной, как осенняя хандра, а этот оказался неистовым. В считаные минуты окно заволокло мириадами блестящих клякс, которые стали сливаться в маленькие ручейки. Про такой ливень принято говорить «как из ведра», хотя по мне — как из пожарного шланга. Когда льет подобный дождь, не понять, где кончается вечер и начинается ночь, да и будет ли вообще рассвет или небесная хмарь скроет границу сумрака и дня?

Нас окружили шелест и темнота, буквально взяв в кольцо осады. Даже Энжи притаилась, прижимая передними лапками остаток сала к брюшку. Серые тени расплескались по кровати, по шкафу, любовницами прижались к лицу Вердэна, резче очертив то, что сглаживал свет дня.

Гость положил ладони на темную столешницу. Она, исцарапанная ножами, еще хранила тепло закатных лучей, как и все в этой маленькой комнате, где воздух напитался жаром раскаленной за день крыши.

Мелькнула мысль, что зимой здесь по этой же причине близкого соседства с черепицей будет жутко холодно, но я ее отогнала. Сверкнула и исчезла, ну и пес с ней. Зато наступившая тишина, наполненная лишь ударами капель о стекло, стала до одури плотной.

Ужин был давно съеден, и если бы не накрывший город ливень, который лучше любого заклинания навесил на нас полог безмолвия, Дэниэль наверняка бы уже отчалил.

Но он продолжал сидеть, вертя в руках ложку и задумчиво глядя в окно. Я тоже смотрела на струи и ловила себя на желании распахнуть створки, за которыми сверкали молнии, бился, словно в агонии, ветер и хлестали наотмашь капли дождя.

— Ты тоже любишь грозу? — Простой вопрос, прозвучавший в тишине особенно громко, заставил Энжи вздрогнуть.

— Да, — не стала кривить душой. — Особенно на море, когда стоишь на утесе и под тобой беснуются волны.

Ответила быстрее, чем успела подумать, то ли поддавшись странной красоте стихии, то ли чертовой эмпатии фениксов. Ведь знала же! А сорвалась.

Опростоволосилась по полной: откуда девушке из провинции

известно, что такое шторм на море? Дэн поднял на меня внимательный взгляд, но, что самое удивительное, в его глазах не было блеска азарта, как у гончей, взявшей след.

Я же захотела стереть из его памяти эту нечаянно оброненную фразу: подошла к окну и решительно распахнула створки, подставляя лицо порывам ветра, каплям дождя.

Занавеска взметнулась шалью цыганки, что в бешеном кружении танца сама теряет голову и сводит зрителей с ума. В комнату плеснуло сырой свежестью. Новизна, острота, неистовая нагота природной стихии опьяняли. Вытесняя мысли из головы, выпуская чувства на волю. Я всегда любила грозу, но в сегодняшней буре было что-то особенное, новое, болезненное и желанное одновременно.

Если я не ошиблась в этом «тоже» гостя, то сейчас он должен, нет, просто обязан прожить эти мгновения ощущениями, а не разумом. Если не забыть, то задвинуть вглубь сознания мой нечаянный ответ.

Я закрыла глаза. Ветер играл с волосами, лицо было мокрым, как и одежда. А я почувствовала на кончиках пальцев знакомое покалывание. Во мне бурлила магия, она словно откликнулась на бушевавший на улице шторм.

Произошедшее секундой позже оказалось столь внезапным, что я не успела даже понять, что это вообще было. Стремительная черная тень метнулась ко мне из-за стола и буквально отбросила к стене, припечатав своей тяжестью.

Ухо обожгло горячее дыхание.

— Что же ты творишь, ненормальная?

Внутри меня все еще бушевала стихия, сила, что разгулялась не на шутку.

— Посмотри на меня, — приказ. Четкий и короткий, заставляющий подчиниться помимо воли. — Не смей отпускать дар, иначе он выжжет тебя!

Дэн пробормотал что-то в сторону о молодых глупых некромантах, которые еще не научились контролировать силу, а все жадничают, впитывая больше и больше.

Как сквозь сон, я услышала вопрос, обращенный ко мне:

— Крыса, она — твой фамильяр?

Услышала лишь заикающийся писк Энжи: «Да», — после которого я поняла, что лечу в какой-то бездонный колодец.

Боль, прошившая молнией тело, зацепила ускользающее сознание. А потом, в краткий миг вспышки света среди кромешной тьмы, словно чья-то сильная рука подхватила, рывком остановив мое падение.

— Ну, давай же! — голос на грани.

А потом я ощутила ее — силу. Она поднималась из глубины, словно проснувшийся гейзер. Сокрушительная, как волна цунами, разрушающая все и вся, магия выжигала меня тьмой, разрывая на части. Я была барьером, хлипким заграждением на ее пути в реальный мир. И когда показалось, что сила вот-вот выплеснется через край, накроет с головой, поглотит… она лишь обдала первозданной тьмой, будто налетела на волнорез, рассеклась, огибая меня, и, собравшись в поток, устремилась в мир…

Последнее я не поняла умом, а скорее осознала каким-то внутренним чутьем. Как и то, что русло этой реки, связавшей мою силу и реальность, — Энжи.

Крысявка стала проводником для дара, который я просто не смогла обуздать.

Тело била дрожь, сердце ударило о грудь изнутри раз, второй, а потом застучало, втягиваясь в ритм. Сначала рваный, но все более ускоряющийся.

Первым, кого я увидела после пробуждения, была Смерть. Та самая, командированная, у которой я увела из-под носа Уилла.

— И тут облом, — в сердцах плюнула она, сунув косу под мышку.

— Добрый вечер, — прохрипела я первое, что пришло на ум, — госпожа Смерть, может, чайку, раз уж заглянули?

Понять, по чью душу явилась моя знакомая, догадаться было нетрудно. А с учетом того, что я ей изрядно подпортила статистику… В общем, скорее интуитивно, на голых рефлексах проявила вежливость, нежели в полной мере понимая, зачем пригласила костлявую чаевничать.

Только потом, прокручивая в голове события, поняла, что сказала именно то, что следовало. Ибо, как говорила бабуля: «Вежливость — это не просто узаконенное подхалимство, но и способ изрядно облегчить себе жизнь». В моем же случае — не просто «облегчить», но и продлить.

— А если останусь, любовник твой не будет против? — ехидно уточнила черносутанница.

Только после ее слов я повернула голову вбок и уперлась взглядом в Дэниэля, который сидел практически вплотную ко мне. На его лице, что находилось всего в двух ладонях от моего, застыло выражение… боли.

Рука в перчатке, прикоснувшаяся к моей скуле, и вкрадчивые слова Дэна:

— Рей, посмотри на меня. С кем ты говоришь? Тут больше никого нет… — заставили нервно сглотнуть.

— Ну, обнаглел! А раньше он меня чуть ли не печенкой чуял, стоило только рядом появиться! — Это уже вовсю веселилась

Смерть. — У меня на твоего крылатого аж целая стопка уведомлений скопилась. Немудрено, с его-то работой, но он живучий… — припомнив, видимо, что-то старое, отвлеклась костлявая.

А я решила сразу убить двух зайцев. Объяснить Дэну, что я психически почти здорова, и развеять заблуждение гостьи. Первонаперво открестилась от роли пассии, которую так настойчиво сватала мне Смерть.

— Он мне вовсе не любовник, — выпалила я и, обращаясь уже к Вердэну, пояснила: — Дэниэль, понимаешь, ко мне в гости заглянула моя, да и твоя, как только что выяснилось, хорошая знакомая — Смерть. Ты ведь не против попить всем вместе чайку?

Вердэн сглотнул, но потом черты его лица словно разгладились.

— А я уже было подумал, что ты тронулась рассудком… — начал было он.

— И судя по его ошарашенному виду, все еще продолжает в это верить, — ехидно прокомментировала Смерть и прищелкнула костлявыми пальцами. От ее простого жеста открытая настежь оконная створка захлопнулась. И даже шпингалет сам задвинулся. — Вообще-то, обычно все происходит наоборот. Зловеще распахивается окно, трепещут занавески и влетает черный ворон — мой вестник, — пояснила она сие действо. — Но и наоборот, смотрю, неплохо получилось.

Про «неплохо» — это она изрядно преуменьшила. Вердэн, еще мгновение назад относительно спокойный, враз ощетинился веером щитов и атакующих арканов. Энжи, до этого умело изображавшая крысявку в глубоком обмороке, резво вскочила на все четыре лапы и встопорщила усы, а я… икнула.

— Быстро ко мне за спину! Ты ее видишь? — напряженно спросил Дэн.

Уточнять, кого именно «ее», было излишне.

— Вот то-то же! — сварливо протянула костлявая.

— Навь, я не отдам тебе Рей. — Не бахвалистый выкрик юнца. Слова зрелого воина, произнесенные со спокойной, давящей не хуже могильной плиты, уверенностью.

— Не больно-то и хотелось. — Смерть, чувствовавшая себя как дома, уже уселась на единственный в комнате табурет, положив косу на пол рядом. — Прислали мне тут сверхсрочную о возможной душе, что идет вне очереди, как уцененка. Ну я обрадовалась. Думаю, хоть какую из командировки привезу. Прилетела. А тут ты. Я сразу поняла: с такой ненормальной дело дрянь. Да еще и этот твой хахаль… Даже крови своей, чтобы за тобой на изнанку сигануть, не пожалел.

— Он мне не хаха… — начала повторно возражать и осеклась, видя, что Смерть откровенно надо мной издевается. — Чай так чай. — С этими словами водрузила горшок с водой на жар-камень.

Вердэн, видя, что умирать я пока не собираюсь, начал втягивать силу, один за другим убирая магические плетения.

— Рей, ты и правда решила… попить чай с ней?

— Ну с тобой же я морковку ела… — Не успела договорить, что цимес получился вполне пристойный, как костлявая засмеялась. Громко, от души, если таковая у нее вообще была.

— Морковку ела… Ой, не могу, так это теперь называется? А говорила — не любовники!

Черносутанница даже застучала ладонью об столешницу, отчего кружка, стоявшая на ней, подпрыгнула. А я лишь с тоской подумала: «Языком этой Смерти впору не калякать, а пол мести».

Вердэн же, понявший мои слова иначе, с сарказмом спросил:

— То есть ты приравняла меня к Нави?

Мне же захотелось побиться головой об стенку, но я лишь прикусила язык и мысленно достала из ножен лучшее оружие любой женщины — спокойствие и рассудительность. Именно поэтому следующая фраза, сказанная с вежливостью, выверенной до микрона, заставила и гостью, и родственничка поумерить пыл.

Спустя пару минут над чашками вился ароматный парок, отдававший душицей и мятой, а Вердэн сидел напротив Смерти. И хотя видеть ее он не мог, все равно смотрел прямо на Навь.

Блюдце со свежим тягучим медом, стоявшее ровно посередине стола, чем-то напомнило мне белый шатер, что возводили раньше на полях сражений для переговоров враждующих сторон. Вот только «дипломаты» в этот раз подобрались уж очень специфические.

Дэниэль обманчиво-спокойно попивал чай. Сдается, если бы он мог слышать Смерть, то и светскую беседу бы завел. А ведь я печенкой чуяла, как люто он ее ненавидит.

Зато костлявая ехидничала вовсю. Чего только стоил один ее невинный вопрос, обращенный ко мне:

— А ты ведь, наверное, архитектурный в своем мире закончила?

И как ей ответить, что нет, — бухучет? Здесь и слова-то такого нет, наверное. Вердэн только-только про море забыл, а тут… Решила ограничиться коротким «нет». Всего три буквы, а сумеречный уже сделал охотничью стойку, но вмешиваться в наш диалог не стал.

А костлявая, хитро стрельнув взглядом в феникса, протянула:

— А ведешь себя так, словно именно что на архитектора

выучилась…

— Это еще почему? — не выдержала я.

— Потому как строишь тут и строишь из себя девочку.

Я закашлялась, поперхнувшись чаем, а моя знакомая невозмутимо продолжала:

— Ночь на дворе, а вы тут двое в комнате заперлись. Неужто вас обоих разом посетило желание поговорить? — Она стрельнула взглядом в Вердэна и прибавила: — Обычно в таких ситуациях двоих посещает не желание словоблудия, а аист. И могу поспорить, что от такого богатого красавчика ты не прочь бы и ребеночка завести…

— Что она тебе сказала? — Судя по тому что Вердэн все же задал вопрос, на моем лице мартовской кошкой гулял весьма нелестный для Смерти ответ.

— Что мы с тобой были в шаге от спланированной незапланированной беременности.

Теперь уже закашлялся родственничек. Похоже, облик кровожадной и беспощадной Смерти ему все же гораздо более мил, понятен и привычен, чем Смерти ехидной. А что до последней… Не иначе костлявая все же решила привезти из командировки парочку душ и теперь намеренно отпускала колкости, в надежде, что хотя бы один из нас подавится или захлебнется чаем.

Дэн не успел прокашляться, когда у Смерти что-то завибрировало в рукаве. Она достала из складок ткани айфон и радостно оскалилась:

— Все же есть от тебя толк, Рей! Выброс твоей силы поднял аж половину кладбища у южных ворот! — Она предвкушающе потерла руки. — Пришло сообщение, нужно забрать три души, что привидениями квартировали на погосте. Они срочно запросились за грань, жалуясь на бесчинства восставших неупокойников. — Она хмыкнула. — А там, если поднятые умертвия прорвут ограду, то и в городе, может, еще кого прихватить удастся.

С этими словами костлявая лихо подхватила косу с пола, оседлала ее, словно метлу. Щелкнула пальцами, распахивая створку, оттолкнулась от пола, включила форсаж и вылетела в окно.

— Ушла? — это было первое, что спросил Вердэн.

Я лишь кивнула, а потом, предвосхищая его вопросы, протараторила:

— Она сказала, что я своим выбросом полкладбища на окраине подняла… Там же эти… умертвия… Если они в город пойдут, то кучу народу положить могут.

— Могли бы, если бы не полог над погостом, сдерживающий нежить, — педантично поправил родственничек. — Но ты права, предупредить все же стоит.

После этих слов он смежил веки и сосредоточился. Из его ладоней, прижатых друг к другу, заструился свет. Когда Дэн их развел, оттуда вылетели две пичуги. Небольшие и странные, больше всего похожие на золотистых бумажных журавликов.

— Я отправил вестников в департамент правопорядка и в корпус темных. Пусть адепты потренируются, — пояснил он суть своих действий, после чего в упор уставился на меня: — А теперь я хочу узнать, как давно прошла твоя инициация?

Он бы еще о теореме Ферма меня спросил. Я даже не представляла, как эта самая инициация происходить должна.

— Прости, что?

Крысявка хлопнула себя лапой по лбу и провела пятерней по морде.

— Кхм. Это же основы магической теории… — начал Дэн и осекся. — Инициация — это первое проявление твоей силы, всплеск, чаще всего бесконтрольный и имеющий эмоциональную окраску, — пояснил он сухо. Словно строки параграфа процитировал.

После этих слов я удостоилась уничижительного взгляда. Он-то, полный уничижения, меня и доконал.

— Я, конечно, многого не знаю, да и вообще далека от совершенства, но и ты, к слову, тоже не мамин борщ.

— Чего? — теперь уже опешил родственничек.

— Самая вкусная на свете еда, — менторским тоном начала я и, скопировав интонацию Вердэна, процитировала поваренную книгу.

На обжарке свеклы родственничек сломался. Подняв обе руки раскрытыми ладонями вверх, он выдавил:

— Был не прав. Осознаю.

— Ты быстро сдался, — хмыкнула я. — Я понадеялась, что раскаешься ближе к концу рецепта.

— У меня богатый опыт, — хитро улыбнулся Дэн. — Пять сводных сестер как-никак. Хотя мне, к счастью, общаться с ними довелось значительно меньше, чем Альту. Все же когда родилась старшая, Нарин, я уже поступил в магистерию.

Располагающая улыбка, смешинки в глазах… А ведь еще пару минут назад этот мужчина был готов защищать и убивать… Я поймала себя на мысли, что передо мной тонкий психолог, талантливый актер, шпион и феникс, у которого дар внушения — врожденный. Эти знания отрезвили не хуже душа Шарко. Я вся подобралась, и эту перемену тут же уловил Вердэн, сразу

вернувшийся к начальной теме:

— Так когда?

— Пару дней назад. На дирижабле. Как раз перед твоим появлением. — Я припомнила, как приложила эльфа в его же собственной капитанской каюте чистой силой, сорвавшейся с кончиков пальцев.

Вердэн же, словно что-то прикинув в уме, задал вопрос, которого я ожидала меньше всего:

— Так это первая гроза после твоей инициации?

— Ну да. — Я слегка подрастерялась.

— Тогда мой тебе совет: во время шторма старайся контролировать свои эмоции. Похоже, что у тебя сила резонирует с буйством стихии. Сегодня это чуть не привело к твоему полному выгоранию. Благо удалось через проводника выплеснуть часть переполнявшей тебя силы. Вот только я не ожидал, что она устремится прямехонько на погост…

— И чем мне это все грозит? — настороженно уточнила я, понимая, куда клонит родственничек.

— Обычно штрафом в пятьдесят золотых или исправительными работами, — с энтузиазмом палача-трудоголика начал феникс. — Также, если при этом маг прошел обучение и силу контролировал, — временной блокировкой дара. Если же чародей только-только осваивается со своей стихией, выносится постановление о том, что ему надлежит до определенного срока научиться контролировать свою силу и сдать экзамен на владение ею.

Каждое его слово было сродни гвоздю в крышку моего гроба.

— Лучше бы ты меня не спасал, — подвела я итог его прочувственной речи.

Эта его помощь — как платная палата в больнице. Вроде бы лечение в такой должно быть более эффективным, но от цен состояние здоровья лишь ухудшается.

— Ну уж нет, дорогая Рей. Ты как-никак с моим братом еще не развелась, а мне его нужно вернуть в род. Это раз. Во-вторых, долги я копить не люблю, а я твой изрядный должник за спасение Уилла и Альта. Ну и в-третьих, мне нужен человек в академии. Неприметный, но который бы мне помог… Ну и я ему помогу, соответственно, — с намеком закончил он.

— Я так понимаю, ты предлагаешь сделку? И каковы ее условия?

Дэн одобрительно хмыкнул. Наивный! Он еще не знал, что составление договора с юристом может вынуть всю душу от перечня пунктов, а с бухгалтером — заставить схватиться за голову от числа дополнительных актов и смет.

В итоге закончили обсуждение мы далеко за полночь. К этому времени я уже окончательно перестала бояться «великого и грозного» гения шпионажа, а он внешне смирился с тем, что теперь у него в невестках числится такое некромантское недоразумение.

Усталость второй бессонной ночи давала о себе знать, но свежий воздух бодрил. Я поежилась, и этот жест не укрылся от Вердэна. Он молча встал, дошел до вешалки и, сняв свой плащ, накинул на мои плечи.

Меня окутало тепло. Забота. Ненавязчивая, но столь простая, без какой-то подоплеки…

Дэн подошел было к окну, чтобы его закрыть, но я остановила:

— Не надо.

— Скоро рассвет. Тебе бы поспать, вон, под глазами круги.

— Тебе никто не говорил, что ты отвратительно делаешь комплименты?

— Реже, чем хотелось бы.

— Неужели дамы не оскорблялись? — Я притворно удивилась.

— Еще как, но отчего-то продолжали искать моего общества.

— К комплиментам добавлю еще и чрезмерное самомнение. — Мне хотелось улыбаться. Или во всем виновата магия ночи и усталость, что развязывают язык лучше рома с колой?

— Им с лихвой противостоят твои язвительность и нахальство.

В последней реплике сумеречного сквозила… нежность?

Так мы и проговорили с Дэном до самого рассвета. Болтали о ерунде: о вкусах и запахах, о дожде и тумане — в общем, обо всем том, что может стать темой для разговора двух абсолютно разных людей, которые не желают выдавать своих секретов, но никак не хотят закончить разговор.

Я перебралась на подоконник и сидела на нем, так и укутанная в плащ, подтянув колени к подбородку. Дэн же, чуть опершись о край откоса, смотрел на спящий город. А на светлеющем горизонте показалась алая полоска зари.

Это было последнее, что я запомнила, перед тем как все же провалиться в сон. Зато пробуждение вышло знатным. Под воинственный писк Энжи: «Вставай, а то опоздаешь!» — я убедилась, что утром лучше всего просыпается сахар мимо чашки, но никак не тот, кто лег часа полтора назад. Зато горячий чай взбодрил. Правда, пролитый на ногу, а не выпитый. Но, как говорится, в итоге важен результат, а не способ.

Дэниэль, со слов Энжи, ушедший, когда я отрубилась, зачем-то оставил у меня свой плащ, в котором я умудрилась уснуть. Крысявка, щелкая зубами, поведала, как феникс перенес меня с подоконника на постель и, прикрыв дверь, удалился.

На душе отчего-то потеплело.

Собравшись, я поспешила на таинственное «Органоведение», что значилось первой парой. Что-то мне подсказывало, что изучать мы там будем отнюдь не клавишно-духовой инструмент. Но как я ни прикидывала в уме, что же это за таинственная дисциплина, реальность оказалась далека от любых моих ожиданий.

Я успела сесть за парту до удара набата, знаменовавшего начало лекции. Когда же дверь отворилась, в аудиторию вошла магесса, высокая, прямая и какая-то тяжеловесная, несмотря на свою худобу. Одним словом — шпала. Тугой пучок волос на затылке. Прямая спина, на которую можно было равняться отвесу, яд в каждом взгляде, жесте, как у селекционной кобры, отличающейся повышенной удойностью, — в общем, милая до заикания особа.

— Приветствую, — бросила она, подходя к кафедре и раскладывая странные кристаллы. — Меня зовут лесса Ольриния Сейлид, и в течение года я буду преподавать у вас органоведение. Для тех, кто не знает, — эта дисциплина посвящена изучению мира через основные органы чувств. Итак, записываем тему нашего сегодняшнего занятия. Слух и способы распознания тональности детского плача.

Спустя два часа я вышла из аудитории, выжатая как лимон. Учебный процесс, построенный на принципе: прослушай десять записей вариации детского ора и запомни, какой из них просящий, какой — требовательный, какой принадлежит стукнувшемуся дитяте, а какой — тому, у которого режутся зубки… Эта какофония доконала мои бедные уши.

Я и подумать не могла, что у детского рева столько разновидностей! И каждая записана на отдельном кристалле. А если учесть, что мой музыкальный слух… Как бы поточнее выразиться… Не то чтобы его у меня совсем не было, но этот самый музыкальный слух могла охарактеризовать одна бабушкина фраза, оброненная ею после того, как однажды я три часа пиликала на виолончели: «Ну Ирочка, перестань! Купим мы тебе этот… айфин, айпед, в общем, ай какую дорогую заразу!»

Магесса Ольриния измывалась над нами как могла, но к концу занятия даже я отличала плач возмущенный, когда у малого отобрали игрушку, от плача обиженного, когда резвое дитя стукнулось.

Набат возвестил о большом перерыве. Магесса, попрощавшись, ушла, вызвав стойкое желание крикнуть ей вдогонку: «Приходите еще, после вас так хорошо!»

Курсистки же оживились: кто-то доставал бутерброды и яблоки, другие поглядывали за окно, намереваясь перекусить принесенным из дома в парке, пока на улице хорошая погода.

Я же пригорюнилась: за сонными сборами совершенно забыла о том, что сегодня у нас занятия до вечера, и все теоретические. А перехватить пирожок у уличной торговки не получится. Коробейников на территорию магистерии не пускали, а бегать за ворота и обратно — перерыв хоть и большой, но не резиновый. Денег же на столовую, где цены, рассчитанные на кошелек аристократов, не просто кусали обычных горожан, а норовили обглодать до костей, банально было жаль.

Желудок предательски громко заурчал, а я приготовилась стоически терпеть, стройнеть и оздоравливать организм целебным голоданием, когда услышала:

— Будешь булку? А то у меня большая. Я одна не съем.

Повернулась. Рядом с моей партой стояла кучерявая, как овечка, девушка. На ее пухлых щеках проступил румянец, что отдает в жженый сахар у смуглянок. В первые мгновения я почувствовала неловкость, но, руководствуясь принципом «глупая стеснительность еще никогда никому не помогала», отринула смущение.

— Спасибо. — Я с благодарностью взяла протянутый ломоть хлеба. — Меня Рей зовут.

— Сейна. — Она протянула открытую ладонь для рукопожатия. — Да не за что. Я просто много с собой взяла. Одной не одолеть. — Она чуть улыбнулась и добавила: — Может, прогуляемся? Время еще есть.

Я согласилась, памятуя о негласном правиле автостоперов: если тебя подвозят за так, то будь добр, расплатись разговором. А то ведь водители, особливо дальнобойщики, по простой речи скучают. Послушать, высказаться. Вот и сейчас, жуя булку, я болтала с Сейной, которая тоже уплетала сдобу.

Чисто по-женски мы с учебы перешли на более приземленные темы: где можно купить недорогое приличное платье и как отстирать грязь после полигона, где над нами измывался магистр Дирк.

А потом… слово за слово, выяснилось, что Сейна, которой едва минуло девятнадцать, была из довольно богатого рода. И ее угораздило влюбиться в бедного, но красивого до одури парня, который клялся ей в любви. «Ледяная лесса», как ее прозвал отец (и вовсе не за холодность и надменность, а за то, что магия льда

удавалась девушке лучше всего), была застенчивая, да и далеко не красавица. Влюбленная по уши, она поддалась увещеваниям о взаимном душевном трепете и согласилась тайно обвенчаться. А муж, как выяснилось чуть позже, действительно питал чувства и имел серьезные виды. Виды на приданое Сейны. Вот только отец молодой супруги, узнав о таком браке, заявил, что теперь у него дочерей не три, а две, и лишил ее всего.

Муженек же, поняв, что ему ничего не светит, просто выставил девушку на улицу. Заявил, что ему без надобности чучело в постели, неумеха на кухне и нахлебница за столом. «Видимо, рассчитывал, что я сама тихо-мирно умру в подворотне», — невесело усмехнулась Сейна.

По тому, как спокойно и даже отстраненно девушка рассказывала о себе, стало понятно: она это все уже пережила, перегорела и делится со мной не сокровенным, а чтобы я поняла, как ее занесло в няньки.

Удары набата оповестили о том, что перерыв закончился, и мы поспешили в аудиторию, где нас ждало еще одно занятие. На этот раз с куратором. Но едва только наша надзирательница вошла в класс и оглядела замерших курсисток, ее взгляд впился в меня:

— Смотрю, у вас, Рейнара, случился выплеск силы?

Я не успела спросить, как она об этом догадалась, поскольку магесса бросила:

— У вас в волосах седая прядь. А это один из признаков стремительного старения, которое как раз и случается при выплесках некромантского дара.

Я машинально покосилась на косу, что заплела сегодня утром практически с закрытыми глазами. И правда, в темных волосах виднелась серебристая змейка.

Куратор же, попросив всех присаживаться, объявила тему занятия, которая была как раз созвучна ситуации: «Первые проявления магического дара у детей».

Всю лекцию я сидела как на иголках. В голове роилось множество вопросов, от «почему никто до этого мне ничего не сказал?» до «что делать?». Едва дождавшись окончания трехчасовой лекции куратора, поспешила прочь. Я наивно надеялась, что хотя бы сегодня доберусь до дома без приключений, отдохну и обдумаю все случившееся, а еще — загляну в зеркало, чтобы убедиться, что мое лицо не обезображено морщинами, как у старухи. Реальность заставила убедиться еще раз в том, что надежда — самый фиговый помощник в жизни, зато живучая.

Я уже почти миновала парк, когда меня окликнул знакомый

голос:

— Рей!

У скамейки стоял Эрвин. Серьезный, собранный и с букетом в руках.

Я видела этого парня разным: наглым, развязным, хитрым, соблазняющим, но таким — никогда.

Мой взгляд прошелся от мысков начищенных до блеска сапог до светлых волос, собранных в аккуратный хвостик.

— И? — Усталость — лучшее подспорье самой близкой сестре таланта, оттого мой спич состоял всего из одного звука, зато весьма выразительного.

— Извини. — Мне протянули здоровенный веник синих роз, обернутый в пергамент.

Я взглянула на букет, потом на свои руки и поняла: не донесу эту охапку. Их там было больше сотни, и если Эрвин с легкостью держал эти цветы, то я наверняка буду мести ими тротуар.

— Зачем столько? Я же еще живая… — ляпнула первое, что пришло на ум, глядя на эту траурную клумбу.

На лице блондина не дрогнул ни один мускул, зато вылезшая из-за ворота Энжи пискнула:

— Не бери! Этот ритуальный букет.

— А в чем его ритуальность? — Верх взяло любопытство.

— Как будто сама не знаешь, — насупилась крысявка. — Если мужчина дарит женщине розы цвета ночного неба, то это означает, что у него серьезные намерения и он будет бороться за ту, которую выбрал, до конца. Возьмешь — значит, согласна на его предложение.

— А ничего, что я замужем? — Я уставилась на Эрвина в упор.

— Муж — не скала, подвинется, — сжал зубы боевик. — Тем более что разводы в империи еще никто не отменял.

— Ты прав, муж — не скала, он, может, и подвинется, зато у меня деверь — бульдозер. Закопает.

Сказала и поняла, что навряд ли собеседник имеет представление о большегрузной технике, но Эрвин то ли не обратил на это внимания, то ли «закопает» было и так само по себе информативно.

— Я не боюсь Дэниэля Вердэна, — упрямо возразил боевик. — К тому же невооруженным глазом видно, что ты вышла замуж не от большого чувства. Рей, ты же с этим первокурсником и не виделась даже после падения. Какая уж тут любовь?

«Эрвин зря время не терял: столько вынюхать за одну ночь», — подумала я с досадой. И не то чтобы сведения обо мне были высшей степени строгости и секретности… Но все же.

— Давай начистоту — зачем я тебе? Я бы поняла еще, если бы у нас ничего не было и ты из охотничьего азарта и в силу природного кобелизма… — била словами наотмашь, в надежде довести бывшего любовника до кипения, чтобы тот испарился и мы закончили этот странный разговор.

Три раза ха! Этот наглец даже как-то расслабился, чем здорово причесал мне нервы.

— Я не кобель, — прозвучало с хитрой улыбкой.

— Да разве?

— Я только слегка погавкать.

— Так гавкай на других. Зачем ко мне-то привязался?

— Рей, вчера, увидев тебя с этим Вердэном, я понял, что мне другие даром не сдались. И если дело только в том, что я бабник… Это все в прошлом! А чтобы ты поверила… — Тут он встал на одно колено и протянул мне парные обручальные браслеты. Мужской, более простой и массивный, и женский — с ажурным плетением.

Украшение было не чета моему нынешнему, медному. Золотое, изящное и в то же время с инкрустацией рубинами, отчего становилось понятно: несмотря на воздушность, оно тяжелое. Сразу видно, что не от новомодного ювелира, а из семейной шкатулки. Глядя на такое, невольно осознаёшь: рука, что его носила, не стирала и не мыла полов. Скольким женщинам рода Торон оно принадлежало?

Будь я семнадцатилетней в душе — растаяла бы от таких слов. Поверила безоговорочно признанию раскаявшегося грешника, ибо такой браслет был серьезной заявкой. Вот только Эрвин не знал прописной истины, которую вложила в мою голову бабушка Софа: с годами женщины не становятся старше, они становятся опаснее в ответах и коварнее в вопросах. И сейчас перед боевиком отнюдь не наивная барышня.

— Эрвин, лучше встань и убери эти наручники.

Боевик неверяще уставился на меня, но все же подчинился.

— А вот теперь скажи честно, зачем я тебе? Безо всех этих букетов и предложений.

Он тяжело вздохнул и ответил, словно в прорубь с головой нырнул:

— Я влюбился. Сначала, после того как переночевала в моей комнате, думал, что ты меня просто зацепила. Мысли постоянно возвращались к тебе. Я хотел избавиться от них, поэтому-то пришел в каморку на чердаке. Думал, что если… — Тут он замолчал. Но так и не прозвучавшая неприкрытая правда от этого не стала менее циничной. Эрвин сглотнул и продолжил: — Потом, спускаясь с лестницы в доходном доме, уже твердо знал,

что я тебя хочу. До одури, до боли. А вчера, узнав, что ты замужем… я разозлился, нет, чуть не сошел от ревности с ума. А увидев тебя с этим Вердэном, понял, что даже мысль о том, что ты будешь рядом с другим мужчиной, невыносима. Так что даже не надейся! Я добьюсь того, чтобы ты стала свободной. Разводы не такая уж и редкость… — вновь напомнил он.

— Спасибо, — произнесла я после молчания, воцарившегося вслед за короткой исповедью Эрвина.

— За что?

— За честность.

— Рей, знаешь, у нас с тобой все наоборот. Сначала ночь и попытка затащить меня под венец… А теперь вот я не могу думать ни о ком, кроме тебя, а ты… Мне порой кажется, что та девушка из захолустья и та, которая сейчас передо мной, — две разные Рей.

— Ты забыл, что между нами двумя была смерть. Эрвин, из-за тебя… — запальчиво начала я и осеклась, сказав о себе в третьем лице, но, сглотнув, продолжила уже ровным тоном: — Ты ведь прекрасно знал, к чему приведет та ночь. Неужели не мог выставить за дверь?

— А смысл? Даже если бы я тебя выставил, слух о той, что пришла под покровом сумрака к мужчине в комнату на постоялом дворе все равно бы пошел…

Я прикусила губу. Чисто с мужской позиции Эрвин был прав. Все как в той пословице про собак: когда одна не захочет, второй не вскочит.

— Смысла, ты прав, не было. Был лишь выбор совести. Внутренней совести.

— Только не говори, что веришь в благородных лессов, которых описывают в дамских романах. Я боевой маг, смрадный тлен, Рей, боевой маг! Я прикрою спину напарника своей шкурой. На практике за все годы учебы я восемь раз мог распрощаться с жизнью, шинкуя нежить. И все для того, чтобы простые люди могли спать спокойно. Может, у меня и другая совесть, не заточенная под тонкую душевную организацию юных невинных девиц, ложащихся нагишом в мою постель…

Оплеуха получилась звонкой. В первый миг Эрвин даже не понял, что произошло, а потом, откинув букет в сторону, резко дернул меня на себя и впился в рот поцелуем. Долгим, яростным, с привкусом кофе и коньяка. Я ощутила сильные руки, буквально вдавливавшие меня в твердое, напряженное мужское тело.

Я попыталась упереться ладонями, чтобы оттолкнуть, но куда там! Проще гору сдвинуть! Энжи негодующе визжала, клацая клыками на такой адептский произвол, щелкала зубами, норовя

укусить, но боевика это ничуть не заботило.

Он целовал страстно, лишая меня воздуха, и все никак не мог остановиться. Его язык раскрывал губы, блуждал во рту, вторгаясь захватчиком, исследуя, клеймя. Поцелуй закончился так же внезапно, как и начался. Эрвин чуть отстранился, безумно глядя на меня, как утопающий, который все же чудом сумел выплыть. Я же почти упиралась носом в его грудь, видела пульсирующую синюю жилку на напряженной шее.

Его ладонь лежала на моем затылке и все это время мешала двинуться. В какой-то миг мне даже почудилось, что он схватит косу и намотает на кулак. Но этого не произошло. Зато он заметил седую прядь, красовавшуюся в плетении, а потом неверяще начал перебирать волосы на макушке.

Признаться, я была ошарашена его поведением.

— Да что с тобой! То бросаешься как безумный, то будто вшей кинулся искать…

— Когда у тебя появилась эта седая прядь? Вчера же еще не было. Я точно помню. Да и так бы не заметил, если бы она в косе не виднелась. На макушке-то прикрыта сверху темными волосами…

— Вчера и появилась. — Поведение Эрвина сбило меня с толку, я на секунду растерялась.

— Из-за этого Вердэна? — с какой-то отчаянной злостью уточнил боевик.

Ответить я ничего не успела. Свист и улюлюканье заставили вздрогнуть и обернуться. На дорожке стояли трое парней. Старшекурсников.

— Эрвин, а мы-то думали, что ты после жаркой ночки дрыхнешь без задних ног, — беззлобно поддел один из адептов. — Тебя же знатно вчера та красотка потрепала.

Мы с Эрвином все еще стояли близко друг к другу. Слишком близко, чтобы остался хотя бы намек на то, что мы занимались чем-то целомудренным и пристойным.

Боевик на эту дружескую подколку разозлился, его губы плотно сжались, а скулы побелели. Он почти с ненавистью смотрел на шутника. А потом перевел взгляд на меня, и в его глазах отразилось беспокойство.

— Рей, я все объясню! — запальчиво проговорил он, словно я сейчас начну на манер обманутой жены кричать об измене. — Наш корпус сегодня ночью подняли по тревоге. Кладбище разбушевалось. Упокоили быстро, но под конец из склепа вылезла гоблинша. Еще совсем свежая и сильная, зараза…

Он говорил и буквально ловил каждый мой вздох: верю ли?

Парни, ставшие свидетелями объяснения Эрвина,

переглянулись меж собой, и шутник, стушевавшись, скосил взгляд на валявшийся на земле букет и обручальный браслет.

— Эр, извини, мы не подумали…

Продолжение фразы: «…что у тебя все так серьезно», — повисло в воздухе.

Двое поддержали незадачливого спикера кивками.

— Сам же знаешь, ночка длинная получилась, вот язык с усталости и мелет, — продолжал оправдываться тот. — Найти бы того чересчур одаренного некроманта, что умудрился весь погост из могил поднять. Из-за него у меня свидание на самом интересном месте оборвалось… Поговорил бы с этим темным по душам, клинкам и пульсарам, — кровожадно закончил он.

А я поежилась. Да уж, вот и «поклонниками» своего дара обзавелась. А Эрвин, не иначе сложив в уме седину и ночную побудку, как-то нехорошо посмотрел на меня. Я же, пользуясь тем, что во время разговора боевик чуть ослабил бдительность и хватку, тихонько включала заднюю передачу. Когда отошла на достаточное для удирания расстояние, то протараторила:

— Мне пора. Очень пора, — и поспешила ретироваться.

В спину полетело: «Рей, мы еще поговорим!» — но я уже споро улепетывала. То, что меня не пытаются догнать, поняла не сразу, но это позволило вздохнуть с облегчением. А потом расхохоталась: раньше мне всегда казалось, что опыт должен помогать женщине выйти замуж, а мужчине — остаться холостым. А у меня все наоборот. Вот только что мне теперь делась с этим профессиональным ходоком по дамам?

В животе заурчало, напоминая извечную истину: любовь может и приходить, и уходить, а кушать будет хотеться всегда. Оттого мысли мои переместились со сферы тонкой материи на более насущные и калорийные. Идя в сторону доходного дома, я уже намечала себе, как заскочу в булочную, что по пути, куплю вкусных пирожков… Но судьба была за правильное питание и стройность: в руки мне упал вестник с запиской. Едва птица коснулась ладоней, она истаяла. Я развернула послание. Всего одна строчка, прочтя которую, поняла: пирожки будут жить долго и счастливо, но без квартиры в виде моего желудка.

ГЛАВА 9

Когда я толкнула здоровенную дубовую дверь и шагнула в каменный сумрак, где было, несмотря на уличную жару, холодно, как в погребе, первое, что услышала, — это ехидный вопрос, произнесенный скрипучим голосом, в котором слышались отзвуки чахотки:

— И куда это послали столь симпатичную девицу, что она пришла именно сюда?

Из темноты вышел старик. Сухой, как мумия, и столь же жизнерадостный.

— Не послали, а пригласили. В вежливой ультимативной форме. — Я протянула местному ресепшионисту клочок пергамента.

Рейнаре Эрлис

Явиться в покойницкую сразу по получении на опознание тела по адресу: переулок Законников, дом 8.

Огго Мупс, секретарь Дэниэля Вердэна

Старик, прочитав сии замысловатые строки, лишь крякнул и, прокашляв: «Ну что, пойдем за мной, девица Рейнара», — пошаркал в темноту. Делать нечего, пришлось идти за ним. Правда, ориентировалась я в основном по звукам и комментариям Энжи. Ну почему у меня дар некромантии? Нет бы совиное зрение…

Наконец темнота коридора закончилась. Причем весьма банально: распахиванием двери, за которой была она — цивилизация в виде помещения с окнами. А точнее, коридора, по обе стороны которого в две шеренги выстроились двери. Массивные и не очень, но все — с медными ручками. У некоторых металл потускнел и проглядывал налет, у других, наоборот, — казался чуть ли не специально наполированным до блеска. Не иначе кабинеты, что скрыты именно за дверьми с этими ручками, набирают за день наибольшее число просмотров, а то и скачиваний в виде резолюций и отчетов?

Но мы шли мимо них, а еще мимо тех, чья популярность и число посетителей были столь малы, что медь аж позеленела, наверняка от зависти к надраенным ладонями товаркам.

Нужная нам оказалась в самом конце. Проводник пошоркал тапками у порога для проформы и, трижды постучав, заглянул:

— Господин Огго. Посетительница…

— Крауф Вердэн никого не принимает, — тут же перебил

старика нервический голос. — Особенно посетительниц.

При этой фразе я преисполнилась оптимизма. Совсем как моя бесшабашная и вечно верящая во все хорошее бывшая одногруппница Зойка, у которой в сумочке всегда имелись купальник, паспорт и фата. Увы, радость моя оказалась недолгой. Старикашка прошамкал что-то про записку, что вывела самолично секретарская рука, и господин Огго сразу же переменился.

— Так чего же вы раньше не сказали, что это по делу! — засуетился он.

Я тут же оказалась в центре приемной. Секретарь рассматривал меня, а я — его. У нас обоих исследовательский интерес плевать хотел на этикет, но все же лесс Огго оказался более учтив.

— Рейнара Эрлис? — на всякий случай уточнил он.

Я коротко кивнула, после чего секретарь, поправив очки и одернув сюртук, в коротком кивке чинно произнес:

— Приятно познакомиться.

— Не спешите с выводами, — честно предупредила я.

Господин Огго помрачнел и, собрав весь официоз, на которой только был способен, выдавил из себя:

— Прошу вас к крауфу Вердэну, — одновременно отворяя дверь и предупреждая хозяина кабинета, что я таки прибыла.

Дэн сидел за столом, погрузившись в бумаги. Тени под глазами, чуть ссутуленные плечи, несколько оплавленных свечей и насыщенный кофейный запах из тех, что заставляют разодрать глаза после ранней побудки еще до опрокинутой в горло горячей чашки. Никак на рассвете, выйдя от меня, он направился сразу сюда?

А еще родственничек был зол. Это читалась по его жестко сжатым губам, складке, что залегла меж бровей, пальцам, которые с остервенением массировали висок.

— Я что-то не поняла, кто это тебе вместо меня настроение испортил?

— Дорогая невест…

Грохнувшийся за спиной поднос заставил вздрогнуть и обернуться. По полу рассыпались крендельки, чайник с чаем разбился и изливал на ковер свою вскипяченную и свежезаваренную скорбь. Чашки усеивали осколками порог.

— …ка, — закончил Дэн.

Секретарь побледнел и засуетился. А я поняла, что и эти калории пролетят сейчас мимо меня. А есть хотелось уже до жути.

Не знаю, как надлежало бы поступить благовоспитанной

барышне, но вот я присела на корточки и споро начала ему помогать. В первую очередь — аккуратно складывать кренделькн на поднос. А что? Они вкусные, съедобные… Подумаешь, только что бегали…

Когда вся провизия была водружена на место, я споро подхватила поднос и под изумленным взглядом секретаря поставила на стол к Вердэну. Затем взяла один кренделек, обдула его, сделав себе мысленное внушение, что эта сдоба — как йогурт: если к ней и прилипла какая бактерия, то только полезная, — и вгрызлась зубами.

Ничего вкуснее я в жизни не ела. Желудок благодарно заурчал.

Секретарь стал походить на качественное умертвие.

— Огго, не стой столбом, принеси мне и лессе Рейнаре новый чай, — озвучил дельную мысль Вердэн.

Когда же слуга удалился, я, не переставая жевать (Энжи тоже захрустела у меня под ухом), спросила:

— Что это с ним?

— Полагаю, моего секретаря поразили до глубины души два факта: во-первых, что какая-то девчонка запросто обращается ко мне на «ты», да еще в такой наглой форме; а во-вторых, что я начал произносить слово, которое в свое время чуть не довело Огго до нервного тика…

Я, сложив в уме два и два, поинтересовалась:

— Неужели так много девиц хотят проникнуть в кабинет советника под предлогом того, что являются твоими невестами?

— Даже не представляешь сколько! — Дэн от души зевнул. — Просительницы, шпионки, охотницы за богатыми мужьями, авантюристки… Но ни одна… Ни одна не начинала приветствие с такого вопроса, как ты.

— Все случается когда-то в первый раз, — философски изрекла я избитую фразу.

Вердэн не ответил на эту народную мудрость, а я по-воровски сцапала сразу несколько кренделькоп с подноса и захрумкала.

Так мы и сухомятничали, когда Огго появился в кабинете с новым подносом. К слову, понадобилась ему для этого пара минут. А когда секретарь удалился, были горячий чай, от которого поднимался пар, объединяющая тишина и двое уставших за этот бесконечный день. Жаль, что все это продлилось недолго.

— А теперь, после того как ты перекусила и слегка отдохнула, — начал Дэн, поднимаясь, — нам нужно спуститься в подвалы. Сможешь опознать труп парня, что задел тебя плечом у ворот?

Я сглотнула. Нет, мне, конечно, и себя мертвую видеть доводилось, но все же… К покойникам я как-то особой любви не питала. Даже на сытый желудок.

Тем временем мне на плечи заботливо накинули сюртук. Ткань пахла дорогим парфюмом, а еще… Дэниэлем. Мужским запахом, в котором смешались лимон и мята, кислинка и спокойствие.

— Там прохладно, — пояснил он, сам, впрочем, оставаясь в одной рубашке.

Мы миновали коридоры, витую лестницу и подвал с низким сводчатым потолком, когда пред нами предстала шеренга трупов у стены.

Умертвия стояли неподвижно, тараща в пустоту блеклые, подернутые белесой пленкой, глаза. А перед ними генералом вышагивал пухленький маг. Некромант, завидев нас с Вердэном, потер ладони и радостно оскалился.

— Как вы и просили. Поднял всех, кто соответствовал вашему описанию, крауф. Свеженькие. Три дюжины. Только сами понимаете — чтобы мертвого допросить и за грань шагнуть, силу недюжинную потратить надо. Ошибетесь — зазря только артефакт спалим, а ему подзаряжаться неделю… — начал причитать труповед.

— Знаю, — прервал словоизлияния некроманта Дэниэль. И, уже обращаясь ко мне, спросил: — Кто?

А я пошла вдоль умертвий. Остановилась рядом с шестнадцатым. Меня словно пришпилило к нему. На парне не было формы, как в тот день. Какая-то тряпка, смутно напоминавшая балахон. Изуродованное лицо и тело. Но отчего-то я твердо была уверена, что это он.

Покойник вперился в меня своим мертвым взглядом и пробулькал разодранной глоткой:

— Ты-ы-ы-ы-ы!

Я только и успела отскочить, как раскрытая пятерня просвистела там, где мгновение назад было мое горло.

Истошный крик штатного некроманта: «Я не могу удержать нити подчинения!» — был услышан уже краем уха.

В коллективе активных и враждебных умертвий живые маги должны держаться вместе. В тихом укромном месте. Эта истина снизошла на нас троих, когда я закладывала четвертый виток по подземелью. За мной, подобрав подол мантии так, что мир и умертвия полным составом узрели толстые волосатые ляжки, несся упитанный некромант. Дэниэль прикрывал наши тылы и, кастуя заклинания упокоения, удирал в арьергарде. К слову, родственничек уложил уже половину из трех дюжин. Может, он

бы и решился на оптовое упокоение, но, подозреваю, что опознанный мной адепт был нужен следствию в активном, а не пассивном состоянии.

Я даже не заметила сразу, как дверь в подвал приоткрылась, и на пороге показался еще один маг. Он грозно сложил над головой пальцы в магический кукиш и уже было хотел засветить в толпу умертвий заклинанием, но под низкими сводами раздался крик Вердэна:

— Не сметь! Этот труп нужен мне живым!

— Хорошо, тогда не буду мешать. — С этими словами маг втянул в пальцы лепестки заклинания и… собрался удалиться.

Но не тут-то было!

Умертвия, как радушные хозяева, кинулись на нового гостя всем скопом. Разве что хлеба-соли не прихватили. И в подвале с новой силой раздался клич мертвой толпы:

— Гы!

— Хар!

— Ух!

— А, чтоб вас! — Последняя реплика принадлежала, правда, уже нечаянному недоспасителю, который резво присоединился к нашему забегу.

— Кого можно упокоить? — деловито осведомился он, пыхтя рядом со мной.

— Всех, кроме вот того красавчика, — ткнула я пальцем в опознанного.

Заглянувший на огонек маг понятливо кивнул и догнал Вердэна.

Что примечательно, штатный некромант отчего-то не торопился помочь своему начальству.

— А почему. Вы. Не. Помогаете? — Слова я выплевывала вместе с воздухом.

В ответ мне так же экспрессивно засопели:

— Потому. Что. Одна. Дура. Умудрилась. Втянуть. В себя. Энергию. Всех. Нитей. Подчинения.

— Как?! — Я даже чуть не остановилась. Но вовремя спохватилась, что за моей спиной «толпа фанатов».

А потом вспомнила, как вчера вечером тоже непонятно как втянула в себя энергию бури и чуть не сдохла. Да что же я за черная дыра такая?

— Не знаю! Ты и меня высосала, вампирюга! — злобно цыкнул толстяк.

— Все! — это за спиной выдохнул Дэн.

Я по инерции пролетела еще немного вперед и лишь потом обернулась и затормозила.

Тот парень, что ныне примерил на себя роль умертвия, болтался в воздухе, схваченный силовым арканом. Остальные же трупы лежали хоть и не штабелем, но хотя бы не шевелясь. Некоторые покойники, правда, — по частям. Но так даже лучше. Надежнее.

— Рей, а теперь скажи, какого ты потянулась к нему? — вкрадчиво начал Дэн.

— Я просто почувствовала, что вот это, — я неинтеллигентно ткнула пальцем в зависший в воздухе труп, — тот самый парень, с которым столкнулась. И захотела рассмотреть по ближе… Точнее, убедиться… — начала невесть с чего оправдываться.

Толстяк, обессиленно севший на пол, на мой ответ рассмеялся. Истерично так, с надрывом.

— Рассмотреть… — Он хлопнул ладонями по ляжкам. — Да ты хоть поняла, что сделала-то? Ты нити подчинения на себя перекинула. Все. Они у меня в пучок сведены были, от всех трех дюжин — в одну скрутку. — Некромансер потряс кулаком, словно в том и вправду была зажата невидимая репица. — А ты ее умудрилась… Как хоть силенок-то хватило?

— Она поцелованная Смертью, — нехотя признался Дэн.

— Первое поколение? — недоверчиво уточнил «заглянувший на вечеринку» наш спаситель.

Вердэн лишь кивнул. А я удостоилась пристального, изучающего взгляда нечаянного помощника.

— Да-да, магистр Норрел, эта та самая особа, за которую я вас просил. — Дэниэль тяжко вздохнул.

— Занятная лесса. — Маг разглядывал меня с интересом рыболова, умудрившегося на спиннинг в реке выловить подводную лодку с поднятым перископом. — Так вы мне ее отдаете в подопытные?

Вердэн подошел ко мне и в самый последний момент остановился, наткнувшись на мой хмурый взгляд и не только на него.

— Знаешь, за свою жизнь я немного поднабрался опыта и могу многое сказать о женщине по ее рукам… — начал родственничек, делая небольшой шаг назад. — Например, если дама с кровожадным оскалом на лице тянет руки, чтобы придушить тебя, значит, она слегка расстроена.

От моего: «Дэн?!», прокатившегося под сводами подвала, кажется, поежились даже упокоенные умертвия, а оставшийся «в живых» и вовсе вздрогнул.

— Рей, ты не так поняла, — попытался он воззвать к моему здравому смыслу. Полуголодному, испытавшему стресс и злому здравому смыслу. — Я попросил магистра Норрела помочь тебе в

подчинении дара, и он с радостью согласился.

— Ну, если шантаж вызывает приступ неописуемой радости, то да, — ввернул «гость», почесывая напрочь седую макушку, и резко сменил тему: — Зато мне понятно, как лесса смогла с такой легкостью перекинуть на себя управление умертвиями и даже сама этого не заметила.

Он подошел к свидетелю и начал словно расчерчивать его тело невидимым стило. И чем пристальнее я смотрела на движения мага, тем сильнее рябило у меня в глазах. Дошло до того, что я увидела нити, зависшие в воздухе вокруг тела. Сначала неясные, они все больше напитывались светом и тянулись ко мне.

— Судя по всему, вчера лесса усиленно думала об этом юноше. Ее мысли срезонировали с энергией его смерти. А во время грозы… — Тут он хитро прищурился и пояснил: — Да-да, я в курсе вчерашнего, мне крауф Вердэн все подробно пересказал… Так вот, вчера во время грозы вы открыли свой разум и неосознанно приняли на себя откат смерти. А затем в вас полилась и энергия самой стихии, что успела переплестись с магическим выбросом, который неизбежен при гибели любого чародея. Сегодня же ваша связь с этим юношей оказалась сильнее стандартной привязки некроманта… Результат этого мы сейчас и наблюдаем, — красноречиво закончил он.

— Рей, — мне на плечо легла рука Дэниэля, — я не предупредил, что договорился с магистром по поводу тебя. Это мой просчет. Но тебе стоит с ним позаниматься.

— Ей бы лучше в академию… Потенциал-то есть, — с сомнением протянул Норрел.

— Нет, — излишне резко отрезал родственничек. — Хватит мне братца, который неизвестно, доживет ли до диплома. Вы ведь помните статистику выпускников темного крыла?

— До седьмого курса доживает каждый третий, — усмехнулся маг. — Именно поэтому девушкам предпочитают отказывать под всеми возможными предлогами… Не то что у этих светлых паладинов. Факультет искусств традиционно заканчивает большее число магов, чем поступает изначально…

— Это как? — подала голос молчавшая до этого крысявка.

Дэн и Норрел тактично промолчали, зато толстяк, все так же сидя на заднице, уже пришел в себя и глумливо ответил:

— Рожают. Чего б не рожать? Там же все девицы в основном… Богатые к тому же. О том, чем дитя прокормить, думать не надо, а деньги и няньку позволяют нанять…

— К тому же мой брат уже всю свою часть наследства потратил, а за невестку в качестве адептки магистерии я платить

не намерен, — вернулся к прежней теме Дэн.

— А вы не говорили, что Рейнара ваша родственница. Я-то, грешный, подумал, раз вы попросили дело о поднятом погосте замять, то…

— Давайте лучше допросим нашего мертвяка, раз уж вы зашли к нам. Я, увы, не некромант, а лесс Ленрой сегодня, похоже, потратил весь резерв.

— Выпили, — буркнул толстяк, поднимаясь и недовольно глядя на меня.

Куда только девалось его давешнее радушие?

Норрел же лишь кивнул, подошел к столу, что стоял у стены и чудом уцелел, пока за нами гонялись умертвия, взял артефакт, над которым так трясся штатный некромант, и приступил к допросу. Но как ни бился магистр, умертвие бодро отвечало на все вопросы, кроме тех, которые касались непосредственно дня несостоявшегося убийства. Так продолжалось с час. А потом…

Я слушала слова, что вырывались из глотки умертвия. С каждой секундой они все больше походили на мычание. Еще немного, и связки вовсе не смогут издать ни одного звука. Удивительно, что они вообще остались в относительной целости, учитывая, как покромсали «посыльного».

Лицо — сплошное месиво. Убийца позаботился о том, чтобы адепта не опознали как можно дольше. А что, умно. Списать все на исчезнувшего студиозуса, которого кинутся искать сначала среди живых, а когда дело дойдет до клиентов дома упокоений, то он успеет и онеметь. Если бы, конечно, сыскался.

Труп последний раз выдохнул, и из его горла полилось лишь невнятное: «Ы-ы-ы-ы».

— Я сделал все, что мог. У него разговорный блок на конкретный временной промежуток. Не пробить. Заклинание молчания и так ему все связки уже разъело.

А я смотрела на белесые глаза трупа, в зрачках которых отражался свет от светящихся шаров, парящих под самым потолком.

— Энжи, а память об увиденном глазами можно как-то вынуть? — шепотом спросила я, вспомнив одно бредовое утверждение, что последние прижизненные воспоминания остаются на сетчатке глаза.

— Чего? — не поняла крысявка.

Зато наш разговор уловило чуткое ухо Дэниэля.

— Можно. Но совсем не факт, что это будет последнее воспоминание… Скорее самое яркое, к тому же непродолжительное. Поэтому-то данный способ изъятия воспоминаний мало практикуют: редко из этого выходит что-то

дельное. Лучина времени из неизвестно какого промежутка жизни умершего. Это может быть его первый опыт с женщиной или обида на кровника… да мало ли что.

— И тем не менее я бы попробовал, — вмешался в пояснения Вердэна магистр.

— У меня нет увеличителя, крепежа для глазниц и инверсора, как и полотна для проекции, — пискнул штатный некромант. — Ритуал просмотра воспоминаний в стандартную процедуру допроса не входит. Да и в специальную — тоже. Эти образы даже к делу нельзя будет подшить…

Вот только Норрел, похоже, на штатные предписания плевал. С небоскреба. В прыжке. Нет перевертыша? Значит, перевернем голову. Только сначала ее отсечем. Вердэн с магистром начали хозяйничать вовсю.

Я же присоединилась к заметно погрустневшему штатному некроманту и засела в окопе наблюдателей вместе с Энжи. Толстячка было жаль: по его профпригодности несколько раз прошлись наждаком колких реплик и магистр, и мой родственничек.

Через полчаса Дэн держал на вытянутых руках отрубленную голову несчастного адепта макушкой вниз, а белесые мертвые глазницы таращились на стену. Проекция через лупу, любезно одолженную лессом Ленроем, выводилась прямо на белую известку стены.

Нам повезло. Из воспоминаний попался хоть и не момент убийства (видимо, до последнего мига несчастный так и не успел осознать, что он умирает), но эпизод тоже весьма примечательный.

Размытая, с множеством неясных теней, но все же картина выходила занятная. Перед тем как Уилл решил полетать, к нашему тогда еще вполне живому свидетелю подошла адептка. Зеленая рубашка говорила о том, что она с факультета целительства, что на светлой половине. Лицо расплывчатое, зато запястье получилось отчетливым. Тонкое, изящное, с голубоватыми прожилками вен и родовой татуировкой. Последняя вязью рун больше всего напоминала змею, кусающую свой хвост.

Девица протянула свидетелю сверток, что-то говоря. Неужели просила озвучить ту самую кодовую фразу про полет?

Наивный посыльный наверняка решил, что это зазноба так передает своему кавалеру привет. Кому придет в голову травить или убивать? Клеймо академии такого не допустит.

Большую часть отрезка воспоминаний занимал путь до мужского общежития. Вот посыльный передает сверток Уиллу.

Рыжик улыбается, разворачивает. Протягивает один пирожок парню и сам пробует угощение… А потом выражение его лица меняется, словно он услышал о гибели сразу всей семьи. Уилл толкает адепта в плечо…

— Все, — обессиленно бросил Норрел.

Дэниэль, еще более озадаченный, чем когда я увидела его за столом с бумагами, задумчиво опустил отсеченную голову:

— Спасибо.

В тишине положил голову на стол и уже пошел было к выходу, когда ему вслед полетело:

— Пусть ваша… родственница, — Норрел усмехнулся в белые и внушительные, прямо-таки моржовые усы, — придет ко мне завтра после обеда, к четвертому удару колокола. Я с ней позанимаюсь. Думаю, пары встреч хватит, чтобы научить ее контролировать силу. С виду она простая, думаю, и дар такой же…

Вот только Дэниэль отчего-то сдержал улыбку. Неужто уже так хорошо меня узнал?

Когда же мы вновь оказались в кабинете Вердэна, хозяин попросил меня присесть, а сам начал мерить комнату шагами из угла в угол и рассуждать:

— Итак, мы имеем: некто сумел обойти протекторат защитной метки магистериума путем наложения обстоятельств. Сначала безобидное внушение, что летать — это хорошо, потом — отключение чувства реальности с помощью зелья. Последнее к смерти не ведет, лишь к приятным галлюцинациям, вот защита и не сработала…

— А почему убийца был уверен, что тот, кого использовали в качестве посыльного, сбежит? Мог ведь и попытаться спасти Уилла? — задала я на первый взгляд очевидный вопрос.

— Может, оттого, что наследник рода Рохар отбивался от спасающих не только руками и ногами, но и пульсарами. Альту, несмотря на его умение ставить щиты, досталось изрядно. Этот же адепт был и вовсе с низким уровнем дара. К тому же, мне кажется, на роль посыльного наш убийца выбирал именно что достаточно трусливого.

— А мне казалось, что среди боевиков боязливых нет. — Я вздернула бровь.

— После первого курса — уже нет, — отрезал Дэн.

Мне почудилось или упоминание об адептах боевого факультета ему не очень понравилось?

— По воспоминаниям мертвого первокурсника выходит, что убийца из целителей? — Я решила сменить тему.

— Может быть, и так. Хотя я на такую удачу не рассчитывал

бы. Размытость многих деталей говорит о том, что имел место частичный морок. Поэтому у меня к тебе просьба как к жене моего брата, — он позволил себе усмешку, — присмотрись ко всем девушкам, что будут приближаться к Альту. Вдруг какая-то из них будет похожа на образ, выцепленный из памяти убитого. Сейчас мой братец — самая вероятная цель, так что…

Я лишь кивнула, провожая взглядом закат, алевший за окном.

Дэн хотел еще что-то сказать, когда в приемной раздался шум, донеслось негодующее восклицание Огго, и дверь распахнулась.

— Дорогой, сколько можно тебя ждать?

На пороге стояла эффектная брюнетка. Она чуть капризно оттопырила губу. Чтобы так показывать свое негодование, нужно часами репетировать у зеркала, тренируя мышцы лица, дабы выражение получалось милым, а не отталкивающим.

Прямая осанка, явно дорогое платье, прическа — все это буквально кричало о том, что передо мной дама из высшего света. Она даже не удостоила меня взглядом, а с укоризной протянула:

— Ты же сам сказал, что освободишься к пятому удару колокола и мы прямо с твоей работы отправимся на прием к Робуринам.

Она посмотрела на меня с Энжи. Крысявка гордо восседала на моем плече.

— Очередная уличная воровка? — Гостья брезгливо сморщила изящный носик.

Мы с фамильяром переглянулись: эта дамочка нам не понравилась. Обеим и сразу. Мне так и захотелось дать ей тряпочку и стул, чтобы она села в уголочке и заткнулась.

— Оливия, — холодно начал родственничек, — я, кажется, ясно дал понять, что если занят, то не стоит меня беспокоить.

А вот мамзель буквально впилась в меня взглядом. От нее не укрылся сюртук Дэна, который я сняла по приходе из подвала и положила на подлокотник кресла.

— Эта… нищебродка для тебя важнее меня?

Крысявка цыкнула зубом. Я же выдохнула, вспомнив слова бабули: «Настоящая женщина способна выразить свое отношение взглядом. Взглядом, усиленным оптикой прицела снайперской винтовки». А потому на этот выпад смолчала.

— Да. Так что будь добра, подожди, пока я закончу, в приемной, и мы пойдем на этот званый вечер. — Остаток фразы в исполнении Вердэна был столь же кислый, как недельные щи.

— Ах ты… Заставлять меня ждать под дверью, как какую-то прислугу? У тебя нет понятия о чести! — задохнулась красавица от негодования и даже топнула каблучком.

А я же поняла, что не быть мне истинной женщиной, ибо не смогла сдержаться и уточнила:

— А еще у него нет понятия стыда. В общем, ничего лишнего и ненужного у него таки нет.

Такой «похвалы» не выдержал уже Дэн:

— Рей, а у тебя самой хоть капля совести есть?

— Есть. Тебе накапать? — не осталась в долгу я.

На это он лишь махнул рукой. Зато Оливия вцепилась хваткой бультерьера.

— Выбирай, Дэниэль. Или я, или… твоя работа, — добавила она уничижительно.

— Хорошо, — сухо бросил Вердэн и стремительно вышел из кабинета.

Мы остались с дамой тет-а-тет.

Она смерила меня убийственным взглядом. От легкомысленной и капризной барышни не осталось и следа. Женственность слетела с Оливии, явив мне и Энжи ее истинную суть матерого спецназовца, привыкшего не только к открытому бою, но и в совершенстве владевшего партизанской тактикой. Она с циничной усмешкой произнесла:

— Мы с Дэниэлем любовники уже почти год. Тебе известно, скольких за это время я отвадила от него? Знаю этот его взгляд, который загорался каждый раз, когда он хотел разорвать наши отношения. И сейчас я не позволю, чтобы какая-нибудь шавка перебежала мне дорогу к алтарю.

С этими словами она порвала рукав своего платья и запустила пальцы в собственную, идеально уложенную прическу.

Все это произошло в считаные мгновения, пока Дэна не было в кабинете. А до меня с запозданием дошел извечный, как мир, трюк: обвинение на опережение!

Я вскочила с кресла в ту самую секунду, когда Дэн вошел.

— Твоя ненормальная напала на меня! — Оливия уничижительно ткнула пальцем и осеклась.

Дэниэль стоял со шкатулкой в руках. Откинутая крышка являла миру явно дорогое колье. У меня по горлу прокатился ледяной комок, ухнув в район желудка. Но больше всех поразила крысявка. Словно засучив лапами невидимые рукава, Энжи пропищала:

— Ну, наглая! Да если бы мы с Рей на эту мымру напали, она бы по-другому выглядела!

С этими словами голохвостая ринулась показать, как это — по-другому. Остановила я ее уже в полете, ухватив за кончик хвоста. Зубы Энжи щелкнули у самого кончика носа той, что вздумала клеветать. Оливия рефлекторно дернулась.

Фамильяр пищала, извивалась и материлась на своем крысячьем.

— Вот видишь! — Обличительный перст брюнетки указал на крысявку.

— Фуф! — протестующе заверещала погрызуха. — Только отпустите меня, и я покажу, как должна выглядеть та, что пережила мое нападение! Да я ей нос откушу и уши резцами располосую!

Оливия попятилась, а Дэн с интересом уставился на мою Энжи.

— И чем же вызвана такая ярость? — спросил он у висящей вниз головой крысы.

Та демонстративно сложила лапы на груди и отвернула морду.

— Я защищала свое! — гордо возвестила миру Энжи, не выказав и капли раскаяния.

— Меня чуть не покусали! Я требую…

— Значит, факта клеветы на Рей ты не отрицаешь? — перебил ее Вердэн.

Оливия открыла рот и, так и не издав ни единого звука, закрыла.

— А раз так, то… Я хотел преподнести тебе это колье при других условиях, но, как видно, расставания — не мой конек. Это украшение — мой прощальный подарок.

С этими словами Дэн поставил на стол шкатулку.

Надо ли говорить, что колье тут же швырнули в него с криком:

— Ты редкостная сволочь и мерзавец!

После чего Оливия выбежала из кабинета.

Воцарившаяся тишина давила на виски. Энжи, все так же болтавшаяся в воздухе, и та затаила дыхание. Я тихонько посадила ее себе на плечо.

— Извини, — только и нашла что сказать.

От звука моего голоса Дэн встряхнулся, как мокрая псина. Я же решила его утешить:

— В ее устах это звучало, словно ты единственный и неповторимый, — втянула голову в плечи и развела руками.

А Вердэн… он расхохотался.

— Рей, неужели ты думаешь, что я не знал, на что способна Оливия? Она ждала предложения руки и сердца. Вот только не подозревала, что ни того ни другого я не предложу ей никогда по нескольким причинам: проклятие, моя работа и то, что я феникс.

— Так она не подозревает о том, кто ты?

— Для Оливии, как и для остальных, я крауф, числящийся

советником министра департамента правопорядка. О проклятии, о моей истинной сути и о том, кем я реально являюсь, знают лишь единицы. И нечаянно — ты. Морок скрывает знаки на коже, контроль — огонь феникса.

— А я все думаю, почему ты так не похож на невинного мальчика?

Права была моя бабушка, говоря, что пережитый стресс лучше снимать, заедая вкусненьким, а лучше его вообще не надевать на себя, ибо фасончик у него тот еще. Я же, не имея под рукой «успокоительного», стала ехидничать.

— Рей, я не говорил, что, когда ты молчишь, тебя так приятно слушать?

Решила это проигнорировать. Выразительно так проигнорировать. Из разряда: «Вам скучно? Так могу развеселить — устроить скандал». Дэн, словно почувствовав мой настрой, витавший в воздухе, неожиданно по-мальчишески сел на стол, свесив ноги и уперев ладони в полированное дерево, и провокационно начал:

— Рей, чем дольше я с тобой общаюсь, тем сильнее у меня ощущение, что тебе отнюдь не семнадцать…

— Нормальный у меня возраст. Как раз такой, когда в благородных лессов на черных жеребцах верить уже перестаешь, но к цокоту копыт еще прислушиваешься, — не осталась я в долгу. — К тому же спрашивать о годах у женщин неприлично. Зато у мужчин — нет.

Дэн на миг задумался, а потом сделал вид, что размышляет вслух:

— На суаре у Робурина мне присутствовать обязательно, и моветон появиться без дамы, хотя и простительно… Зато с тобой в кои-то веки не будет скучно. Уверен, ты найдешь со стариком-судьей общий язык. Этот почтенный полугном хоть и вышел на пенсию, но в некоторые тяжбы сует нос.

— Это такая просьба составить тебе компанию?

— Вообще-то сначала я собирался разжалобить тебя тем, что сегодня меня бросила девушка, потом расписать прелести милых людей, с которыми хотел бы тебя познакомить, — хитро начал родственничек, — но ты слишком умна и раскусила мой коварный план.

— А на самом деле? — Отчего-то его шутливое «бросила» резануло слух.

— На самом деле Оливия была мне удобна. Негласная сделка, в которой я обеспечиваю все ее капризы и дарю дорогие подарки, а она… Когда ты холостяк, не беден и не урод, то на любом приеме, вместо того чтобы… — Тут он сделал небольшую

паузу, а потом хмыкнул и выдал все как есть: —…собирать нужные сведения, шпионить, вынужден отбиваться от девиц брачного возраста. Ты не представляешь, в каких количествах матушки подсовывают под нос своих еще не оженённых дочурок. Да что я говорю. У меня у самого пять сводных сестер, младшая из которых недавно сменила панталоны на девичье платье.

Внутренне меня покоробило.

— Так что тебе мешало продолжать в том же духе? — чуть резче, чем хотелось бы, спросила я.

— Наверное, то, что при моем роде занятий, когда обман возведен в ранг искусства, нужно быть честным хотя бы с самим собой.

Я хотела еще задать вопрос, но он меня опередил, продолжив:

— Так ты пойдешь со мной на прием?

— Нет.

— А если я попрошу еще раз? — Дэн спрыгнул со столешницы и присел передо мной на корточки так, что у меня, сидящей в кресле, глаза оказались почти на одном уровне с ним.

— На этом вечере будет племянник старика Робурина. Пятый в списке нашего убийцы. Парень вообще редко выбирается в свет. А для диверсанта это возможность. Конечно, защита дома и личная охрана усилены, но я хотел бы присутствовать там лично. Рей, очень тебя прошу.

Я молчала. На плечи давила усталость, но этот его взгляд проникал в самую душу.

— К тому же ты способна увидеть Смерть. Возможно, это поможет нам вычислить убийцу. Альт будет в безопасности. И не только он. Подумай.

— Специально нажал на все болевые точки? — Я стиснула зубы, вспомнив о еще одной. Капсула с ядом, что была внутри меня.

— Я не скрывал, что благородства во мне нет и в помине, — выдохнул Дэн. — Но если ты откажешь… Хорошо. Пусть будет так.

— Ты сволочь и манипулятор, Дэниэль Вердэн, — я уже заранее жалела о своем решении, — но я иду с тобой. Так и быть.

Не знаю точно, что меня подвигло все же согласиться. Наверное, то, что он именно просил и готов был отступиться в случае моего отказа, а не угрожал. Хотя мог бы.

Дэн в ответ улыбнулся шальной мальчишеской улыбкой, тут же спрятавшейся за маской серьезности. Буквально секунда. Но на сердце отчего-то стало светло.

Я — сумасшедшая.

Вот только мой желудок подал иск протеста против

сдуревшей головы. Крендельки явно были малой данью, а он хотел податей в полном объеме.

— Заедем перекусить, а потом — в салон мадам Бейлинэль, — тут же отозвался Дэн, он же — кошмар моих последних дней.

— Мне, чур, сало со шкварками, — перешла на сторону противника Энжи, даже не удосужившись помахать белым флагом для проформы.

Больше Вердэн времени не терял: деловито подобрал колье и убрал его в сейф, поднял холщовую сумку с моими вещами, прихватил камзол, и мы вышли из кабинета.

Выбравшись на улицу, родственничек тут же усадил меня в подъехавший экипаж (личный, а не казенный, о чем свидетельствовал родовой герб на дверце), и уже через четверть часа мы притормозили у ресторации. Дэн, лишь приоткрыв дверцу, о чем-то коротко распорядился.

— Подожди немного, сейчас будет еда. — Это было произнесено с интонацией добытчика, как минимум самолично придушившего мамонта и притащившего тушу на своем горбу в пещеру.

А потом он посерьезнел:

— Извини за сцену в кабинете. Я действительно хотел расстаться с Оливией сегодня после званого вечера и уж точно не рассчитывал, что ты окажешься во все это втянута…

Дверца кареты распахнулась, и мальчишка-посыльный протянул корзину.

Я лишь хмыкнула. Энжи — деловито повела носом. Под полотенцем, которым была прикрыта кладь, явно лежало что-то съестное и до одури вкусное.

Пока Вердэн расплачивался, крысявка с нетерпением перебирала лапами у меня на плече. Стоило только дверце закрыться, а мальцу засверкать пятками, как крысявка не утерпела и сиганула вниз. Деловито шевеля усами, она сунула свой нос под полотенце, а спустя секунду уже трескала кусок копченой колбасы. Вскоре и мы с Дэном присоединились к голохвостой. И кто бы мог подумать, что уплетающий за обе щеки крауф, сумеречный гончий, советник какой-то там большой шишки, шпион, который еще недавно заставлял меня нервно сглатывать, сейчас будет казаться мне таким понятным и простым?

Вот только у вкусной еды был один недостаток — после нее ужасно хотелось спать. Как раз когда мы подъезжали к дамскому салону, я сцеживала зевок в кулак.

— Потерпи немного. Я обещаю, как только племянник уйдет

с приема, а он навряд ли задержится, мы сразу же покинем вечер и я отвезу тебя домой.

Мне лишь вспомнились слова бабули: «Хочешь усложнить себе жизнь — начни безоговорочно верить мужчинам».

Салон встретил нас обходительными прислужницами, кучей нарядов и тонким флером изысканности и шика.

— Девушки, у вас времени ровно до седьмого удара колокола, чтобы подготовить мою спутницу к званому вечеру. За расторопность плачу вдвойне, — пресек щебетание работниц салона Вердэн и получил букет улыбок.

А вокруг буквально закружилась толпа. У меня была стойкая ассоциация с отгламуренным цыганским табором. Затянутым в атлас, напудренным и вышколенным на английский манер, но табором. Ибо только цыганки могут за пару прикосновений тебя разуть, раздеть и опростоволосить. И хотя платье осталось при мне, но ощущение-то никуда не делось.

Дэн куда-то незаметно исчез, а вот я после толпы модисток очутилась в кресле с низкой спинкой. В зеркале отразилась невысокая полненькая смуглянка, стоявшая за моей спиной. Широкоскулая женщина средних лет заворковала над моими волосами. Ее руки нежно, почти невесомо касались головы, которая становилась с каждой секундой все тяжелее. Как я уснула, даже не помню, а очнулась от легких прикосновений к плечу. Кто-то меня аккуратно будил.

— Лесса, просыпайтесь. Я закончила.

Шея затекла и отозвалась покалыванием. Открыла глаза, посмотрела в зеркало и замерла. Это была я и не я одновременно. Высокая прическа открывала тонкую шею. Подведенные помадой губы, взгляд, который за счет теней стал глубже и ярче, скулы, казавшиеся благодаря румянам еще выше.

Пока я рассматривала себя, в зал вошли двое: молоденькая модистка и дородная портниха. Последняя держала на вытянутых руках ткань. Они остановились в нескольких шагах от меня, и модистка стянула кисейное покрывало с рук швейной мастерицы.

Я на миг перестала дышать: карминовый шелк с серебряной вышивкой сиял так, что возникала невольная ассоциация с рубином. Это было не платье, а произведение искусства. Захотелось протянуть руку, чтобы потрогать.

— Не стоит, — опередила меня модистка. — Лучше в перчатках. Пальцы оставляют следы на ткани.

Предложенные мне белые ажурные перчатки были ко всему еще и напудрены, отчего ладони сами словно скользнули в них. А потом пришлось поднять руки, чтобы на меня через голову надели платье. Оно было идеально во всем, кроме одного: сотни

мелких пуговичек, на которые застегивалось, причем со спины. Модистка же, не усомнившись ни на миг, взяла в руки крючок и ловко, со знанием дела, начала мне их застегивать.

Когда все было закончено, я еще раз повернулась к зеркалу. Хороша. Хороша настолько, что удивительно самой.

Модистка довольно улыбнулась и, протянув мне руку, промолвила:

— Прошу за мной.

Путь оказался недолгим. Всего два десятка шагов. Но когда я вышла из-за ширмы, то Вердэн, ожидавший меня, так и замер, не договорив фразы, обращенной к собеседнице.

Он сглотнул, буквально впившись в меня взглядом.

— Я же говорила вам, крауф, что ваша спутница будет сиять! Так оно и есть. Рубин. Истинный ограненный рубин.

— Спасибо, лесса Бейлинэль, — сипло произнес Дэн, все так же не отрывая от меня взгляда.

А потом, словно опомнившись, протянул руку:

— Лесса Рейнара, прошу.

Я не успела вложить свою ладонь в его, как откуда-то сбоку недовольно фыркнуло:

— Просит он! А меня? Кто бедную Энжи возьмет?

Я обернулась. На полу сидела не крысявка. Песец. Карликовый упитанный песец. Отчего-то это показалось мне едва ли не знамением судьбы.

Сумеречный же, и не подозревая о том, что я родом оттуда, где флора и фауна — не только компонент биоразнообразия, но и емкая характеристика ситуации, будь то белочка, хрен или полярная лисица, подхватил Энжи.

— Куда без тебя? — философски вопросил он.

Энжи лишь хмыкнула и заработала лапами, усиленно просясь ко мне. Делать нечего, я взяла ее и подумала, что дама с собачкой или горностаем — это уже скучно, а вот с карликовым упитанным песцом…

Надо сказать, что так подумала не только я, но и гости, званые на суаре. Меня с Энжи на руках провожали заинтересованными взглядами, пока я курсировала рядом с Дэном по залу. И к кому бы мы ни подходили, Вердэн представлял меня исключительно как Рейнару Эрлис, не указывая ни родства, ни титула.

В какой-то момент Дэн извинился и оставил нас с Энжи в компании бойкого старичка. Дедок, улыбнувшись, хитро вопросил:

— Рейнара, а вы что предпочитаете читать, романы или газеты?

Потеряв бдительность, чуть было не произнесла «посты в Интернете», но, вспомнив бабулю, выдала:

— Конечно, газеты! А то откуда бы я знала, что мы в империи замечательно живем?

Старичок, который как раз в этот момент затягивался трубкой, раскашлялся и начал хлопать себя по груди:

— Кхе-кхе-кхе!

Лишь спустя несколько секунд я поняла, что его душил не столь табачный дым, сколь смех.

— А вы мне определенно нравитесь! — огорошил меня он. — Одобряю выбор Дэниэля.

Я хотела возразить, что я не выбор, а скорее необходимость, когда почувствовала спиной взгляд. В углу на стульчике сидела Смерть. Закинув ногу на ногу, она возмущенно уперла костлявую руку в бок, а фалангами второй раздраженно отбивала ритм. Надо ли говорить, что весь ее вид говорил о том, как она рада меня видеть? Причем это ее чувство было взаимным, страстным и всепоглощающим. А еще я поняла, что мне срочно нужен Вердэн.

Пока я лавировала в толпе, до уха долетали обрывки диалогов:

— Я обратился в контору Форинина, Тефурина, Гимбкрина и Латиниэля для защиты своих интересов в суде.

— Так кого же ты выбрал адвокатом?

— Конечно, эльфа! Я доверился хватке перворожденного, который со своей расой сумел пролезть в юридическую компанию родовитых гномов.

— И…

Я обогнула группу оживленно беседовавших мужчин и проскользнула вперед, взяв в качестве ориентира двух дам, за которыми виднелся профиль Вердэна.

Одна из лесс усиленно предлагала тортик второй. Не иначе это были «закадычные подруги», и более упитанная хотела сравнять счет сантиметров в талии.

Наконец миновала и их. Вердэн что-то с интересом обсуждал с представительным лессом, но я буквально повисла у него на локте с жеманным:

— Дорогой…

Родственничек ничем не выдал своего удивления и в тон мне проворковал:

— Да, дорогая?

— Можно тебя всего на два слова? — Я очаровательно улыбнулась собеседнику феникса.

— Конечно, милая.

Даже у меня от патоки его речи заныли зубы, что уж говорить

о свидетеле нашей комедии. Но лесс стоически терпел. А я поняла, что влюбленные, вне зависимости от мира и эпохи, бесят окружающих своими прилюдными сюси-пуси.

Едва мы отошли, Дэн уже по-деловому даже не спросил, уточнил:

— *Она* здесь?

Мне осталось лишь кивнуть.

ГЛАВА 10

— Где?

Я слегка повернулась в сторону Смерти. К чести Дэна, он даже головы не повернул, продолжая все так же мне улыбаться, словно я говорила очередную милую женскую глупость.

— Значит, покушение все же будет, — произнес он с тем выражением, какое обычно приличествует фразе «дорогая, сегодня ты очаровательна». — А вот и племянник старика Робурина.

В зал как раз входил молодой человек. Прыщавый, нескладный, с рыжей челкой и куцым хвостиком волос на затылке. Он сутулился, прихрамывая на одну ногу. Зато по обе стороны, чуть поотстав от него, шли двое. Серые, невзрачные, за таких не цеплялся взгляд. Именно потому, что они столь напоминали секьюрити родного мира, у меня возникло стойкое убеждение — охрана.

Паренек, не обращая внимания на шепотки за его спиной, целенаправленно двинулся к хозяину вечера, восседавшему в кресле у стены, не хуже чем император на троне. И пусть на голове старика Робурина не сиял венец, а руки не сжимали скипетра и державы, это все же был правитель. Монарх по духу. А атрибуты… Сияние короны заменяла лысина, отполированная, блестевшая, подобно зеркалу, в которое ударил луч софита. Ладонь старого судьи согревала бокал с коньяком. Трость рядом с подлокотником кресла выглядела не как отгламуренный собрат батога, а скорее как безделица и дань моде.

Племянник подошел и наклонился, обнимая старика и что-то тихо говоря ему. Но я заметила это лишь краем глаза. Все мое внимание было приковано к Смерти. А вернее, к Смертям, поскольку именно в это время в зал просочилась еще одна. На этот раз я удостоилась чести лицезреть новую служительницу конторы «Вам пришел каюк». Как ни парадоксально, но эта костлявая была дамой в теле. Я бы даже сказала, что она являлась идеалом красоты для математика, поскольку именно для любителей чисел чаще всего идеальная фигура — это шар.

Она тут же, лавируя меж гостями, двинулась к еще более помрачневшей «коллеге». При ее-то габаритах это выглядело впечатляюще: бочком, порой привстав на цыпочки, в бесплодной попытке втянуть живот… А окружающие недоумевали, кто их толкает и отпихивает. Сквозняк, что ли? Упитанный такой сквозняк.

Слуга, случайно перешедший дорогу колоритно-калорийной

Смерти, и вовсе икнул, когда тарталетка с его подноса зависла в воздухе, а потом исчезла. Мужчина поспешил к неприметному входу. Из последнего тянуло умопомрачительно вкусными запахами, в букете ароматов угадывались запеченная курочка с чесночком и тушеные грибочки.

Наконец костлявые встретились.

Я навострила слух, и пока эти две черномантийницы были заняты обменом приветствиями, постаралась подойти поближе, прикрываясь спинами гостей. Что примечательно, Вердэн от меня не отставал, словно поняв: я увидела что-то интересное.

— Азраэлла, не припомню, чтобы этот участок был закреплен за тобой, — начала моя давешняя знакомая.

— А я здесь в отпуске, — беспечно ответила толстушка. — Знаешь ли, целебный воздух, спокойствие не тронутого техническим прогрессом мира… А то у меня, видишь ли, в технополисе с этими летающими флаерами и бесперебойными заводами замкнутого цикла светлое небо только в верхних слоях стратосферы и осталось. А доктор советовал отдохнуть, подлечить нервы. Опять же оздоровление способствует снижению веса…

— И ты его снижаешь на светских приемах? — поддела ее коллега.

— Ну выбралась с моря в общество, а то на побережье скука смертная. А у тебя тут целое шоу намечается… Здешний аниматор, один рогатый, с копытами, за билет аж две монеты стребовал. Пришлось из заначки, с глаз одного из покойников, брать. — Она тряхнула в руках листочек, смутно напоминавший программку оперного театра.

— Да-а? — как-то недоверчиво протянула моя знакомая.

— Ну да. Заявлено аж пятьдесят две души с вероятностью восемьдесят пять процентов и одна — обязательная.

— На проценты можешь и не рассчитывать, — поджав губы, осадила курортницу моя знакомая. — У меня тут источник помех нарисовался. Ту душу, за которой пришла, увести бы…

Взгляд черномантийницы зашарил по толпе, словно выискивая этот самый «источник» в моем лице. Я быстро юркнула за чьи-то широкие спины, владельцы которых даже и не подозревали, что в паре метров от них мило беседуют костлявые.

Приятно слушать две беседы разом: о завтрашней партии в бридж и о смерти тех, кто эту самую партию запланировал.

— Да не переживай ты так, я вижу в толпе Иналию. Она — талантливая убийца, сделает все в лучшем виде, — успокоила толстушка.

— Знаешь, я тоже видела сегодня на вечере одну такую…

талантливую. На любую точно выверенную и рассчитанную до секунды хитрость Иналии эта способна ответить своей непредсказуемой глупостью.

Я просто умилилась такой похвале.

Мимо Смертей прошел еще один слуга, на этот раз с подносом, на котором горкой возвышались канапе. Толстушка цапнула сразу целую бутоньерку из шпажек с закуской. Благо разносчик не заметил, что его поднос полегчал, лавируя меж гостями, а то тоже побледнел бы, глядя вслед танцующему в воздухе пучку канапешек.

— А как же твоя диета? — тут же оценила улов моя знакомая Смертушка.

— Ах, брось, я уже все перепробовала, и зеленый кофе, и зеленый чай… ничего не помогает.

— А зеленую колбасу? — уточнила коллега.

— Тьфу на тебя. Ты бы еще уголь к этой твоей колбасе присоветовала бы, — обиделась толстушка, сунув в рот сразу пять шпажек с канапе.

— Пить или разгружать? — невинно поинтересовалась вторая мадам.

Курортница закашлялась. А я вспомнила диету, которую как-то порекомендовала мне бабуля, когда я пожаловалась, что располнела: литр кефира в день. Все бы ничего, но есть его надо было вилкой. Помнится, тогда я лишь фыркнула, а она отшутилась, мол, не штукатурь мне нервы. Любящий мужчина будет дорожить мной вне зависимости от килограммов, а нелюбящий — даже у идеала найдет несовершенство.

Но это были мысли исключительно женские и мимолетные. А вот то, что планировалась оптовая поставка душ, наводило на выводы о глобальном…

— Дэн, кажется, скоро будет жарко… — Я вкратце пересказала услышанное фениксу, который умудрился быть со мной рядом, почти не таясь и тем не менее оставаясь совершенно незаметным для Смертей. Вот это я понимаю профессионализм.

Мы совершали тактическое отступление от черномантийных коллег. Родственничек нахмурился.

— Судя по всему, — наконец выдал он, когда мы оказались достаточно далеко, — наш диверсант применит какое-то разрушительное заклинание. Я бы сделал ставку на «лепестки смерти» или «огненную воронку». Самое то для такого зала и активируется достаточно быстро. Вот только нужно, чтобы кто-то установил инфин вблизи жертв.

— Инфин?

— Кристалл неправильной формы, способный вобрать в себя

сложнейшую матрицу заклинания и высвободить плетение в нужный момент, — пояснил сумеречный. — Чародею остается лишь напитать его силой.

— И? Если бы все было так просто, то, полагаю, народ убивали бы подобным способом пачками.

— Зал несколько раз проверяли агенты тайной канцелярии. Разве что паркет не разбирали и штукатурку не отколупывали. Да и гостей с прислугой сканировали висящие при входе амулеты.

Наши взгляды встретились и синхронно опустились на Энжи.

— Животные, — выдохнули мы одновременно.

Увы, я была отнюдь не единственной дамой, которая в этот вечер держала на руках живность. Кто-то из лесс прибыл с кошкой, кто-то — с левреткой, одна и вовсе со змеюкой, вольготно свисавшей с шеи своей владелицы.

— Что будем делать? — задала я извечный русский вопрос.

Вместо ответа Дэн взял в ладони морду Энжи и ласково, проникновенно произнес:

— Милая, вся надежда на тебя.

После столь прочувственного обращения он объяснил суть миссии нашей белой лисичке, которая, как потом выяснилось, осталась в душе все той же ехидной и вредной крысой: постараться под любым соусом сделать так, чтобы все питомцы побывали у феникса в руках.

— Хоть в зубах, но принеси мне каждого, — напутствовал Энжи родственничек.

Когда упитанная полярная лисичка скрылась меж кринолинов, я поняла, что всем местным породистым и не очень любимцам и любимицам, привыкшим к неге и полному пансиону на руках хозяев, сегодня пришел песец.

— А тебе придется еще сложнее, — огорошил Дэн. — Ты должна сделать так, чтобы племянник не задерживался на одном месте, а курсировал по залу.

Больше не говоря ни слова, родственничек взял меня под локоток и потащил… знакомиться с Робурином-младшим. Едва мы приблизились к парню, охрана чуть заметно напряглась, впрочем, не отгораживая от нас рыжего своими спинами.

— Моя спутница много слышала о Миноре Робурине и буквально осадила меня просьбами быть представленной столь юному чародею, способному как к темному искусству, так и к светлой магии, — словно извиняясь за меня перед парнем и его охраной, начал феникс.

А я про себя проскрипела зубами. Дэн выставил меня дурочкой, прихоть которой он решил исполнить. Хотя, если бы не это, не факт, что нас вообще подпустили бы к пацану, который

владел сдвоенной магией. А я, со слов Дэна, была чуть ли не его фанаткой, безобидной восторженной поклонницей.

Стражи переглянулись меж собой, и я поняла: нам отпущена от силы минута.

Она истекла как раз в тот миг, когда было закончено с приветствиями. Вот только Дэниэль умудрился самым нахальным образом улизнуть в последний момент, оставив меня наедине с племянником старого судьи. Пацан попытался намекнуть, что аудиенция закончена, но он, наивный, не знал, что невинный женский захват в стиле «у меня подломился каблук, можно на вас опереться?» при должной сноровке дамы держит крепче стального капкана.

А дальше… Как говаривала бабуля: «Красивая женщина способна строить глазки даже ножками, а умная — еще и контузить интеллектом». Я применила сразу весь арсенал, щебеча глупости, охая и временами изображая барышню, напрочь рассорившуюся с мозгами. Все это — без перерыва, дабы юное дарование потерялось во времени и пространстве, а его охрана не почувствовала настойчивого желания хозяина избавить Робурина-младшего от моего общества.

Я несла чушь и чуть смущенно улыбалась. Немножко краснела и тянула окончания с придыханием. И в очередной раз убеждалась, что глупость идет красивой женщине даже больше, чем шикарное платье. Ведь одежда услаждает лишь взор, а чувство собственного интеллектуального превосходства — еще и самолюбие. Вот только тут самое главное — не перегнуть палку. Милая глупышка — это приятно и перспективно, особенно в горизонтальном плане. Клиническая идиотка — это противно.

Холодный пот лил по спине градом, колени тряслись, а внутри словно подожгли бикфордов шнур, и я молилась, чтобы ведро воды нашлось раньше, чем «огонь» воссоединится с «порохом».

Жутко хотелось вытереть ладони о платье и сглотнуть. Но вместо этого я заговорила о магии. Рыжий, который доселе молчал, начал втягиваться в разговор. При этом мы лавировали по залу, ловя косые взгляды публики.

А я мысленно подгоняла Вердэна: «Ну давай же, давай!»

Беседа текла неспешно, и Робурин обмолвился, что теория магии ему ближе всего. Я же предположила, что разбираться в плетениях и потоках, делать выкладки и расчеты, с помощью которых можно предсказать результаты нового заклинания, наверняка интересно, в отличие от того, чтобы применять это самое знание для создания того же нагревательного камня.

После моих слов собеседник запнулся на ровном месте.

— Лесс Минор, не смотрите на меня так пристально! Вы заставляете меня вам нравиться, — попыталась отшутиться, поймав его серьезный взгляд, хотя внутренне была напряжена, как натянутая струна.

— Лесса, вы случайно не телепат? — огорошил меня он.

— Нет… — Я была озадачена.

— Прошу простить меня. Просто ваши слова про теорию магии столь созвучны моим мыслям…

Я слушала его, изображая полное внимание, а сама краем глаза наблюдала, как Энжи, на манер садового шланга, тащит в зубах удава. Змеюка даже не извивалась, предпочтя изображать труп. Даже язык из пасти вывалился.

Дэн, спрятавшийся в нише, потеснив разлапистый фикус, склонился над притараненной крысявкой добычей. Ухватил гадину за основание шеи и провел ладонью. Сияние под его пальцами — и победная улыбка. А потом феникс поймал мой взгляд, кивком дав понять, что нашел нужное.

Я облегченно выдохнула, мило улыбнулась Робурину и… напоролась на раздосадованный взор Смерти.

Толстушка-курортница, что расположилась на козетке и приготовилась к зрелищу, увидев, как Дэн извлекает кристалл из пасти змеюки, и вовсе встала, уперла руки в бока и вслух высказывала все, что думает об одном наглом билетере, который обманул ее доверчивую натуру, наобещав красочное зрелище. А ведь она положилась на известное имя! Как же! Иналия была профессионалом и всегда умела не просто убивать, а делать это зрелищно и с размахом. И что же? Возмущение пампушки было искренним, а требовательный взгляд — устремленным в угол зала, где соляным столбом стоял слуга с подносом в одной руке. И все бы ничего, но прислужник в другой держал метательную звезду.

Дальнейшее произошло слишком быстро.

Короткий замах — и сталь рассекает воздух. Я успела толкнуть локтем племянника хозяина вечера, и он потерял равновесие. Зато страж, словно что-то поняв в последний момент, попытался закрыть собой Робурина.

Звезда впилась ему меж бровей.

Тело охранника еще не коснулось пола, а я уже увидела душу, на которую радостная Смерть накинула аркан.

Второй охранник бросился к рыжему.

Дэн ошалело огляделся. Я успела указать ему на слугу, который, ловко лавируя меж гостей, устремился к черному входу.

А зал… Гости так и не поняли, что это было. К упавшему стражу тут же подскочили еще несколько. Кто-то бросил стоящим

рядом: «Перебрал… не стоит на ногах…»

Надвинутый на лоб уже покойника цилиндр, заботливые руки, помогающие Робурину подняться, — спектакль, цена которого — отнятая жизнь.

Парня спешно, под прикрытием нескольких охранников, что до этого сливались со стенами, прятались в эркерах и сейчас словно вышли из тени, препроводили к выходу.

А стража, поплатившегося жизнью, подхватили под мышки, как забулдыгу.

И все!

Праздная толпа и знать не знала, что за этот вечер были спасены полсотни жизней и убит один человек.

А я… я, наплевав на все и вся, рванула к неприметному входу для прислуги, куда мгновение назад нырнул Дэн.

Следом за мной метнулась еще одна серая тень. Да сколько же этих соглядатаев в зале? Прямо как клопов в малиннике. Я особо не задумывалась, отчего этот шпик дернулся за мной: то ли хотел арестовать по-тихому, не привлекая внимания толпы, то ли просто проследить…

Но это прошлось по самому краю сознания, по самой линии отрыва. А все оттого, что я даже не видела, а буквально кожей, печенкой, нутром чуяла, куда побежал Дэн.

Сумрак коридора для прислуги на миг зашорил глаза, привыкшие к зальному блеску, но я упрямо неслась вперед. Опешивший слуга с подносом, не успевший вжаться в стену, — я буквально пролетела мимо него и лишь спустя несколько секунд услышала звук столкновения тел и звон опрокинутых бокалов. Более массивный преследователь не сумел-таки разминуться с препятствием.

Но это было позади, а впереди, подобно светлому некоммунистическому будущему, маячила кухня. О том, что это именно она, без слов кричали умопомрачительные запахи, звон посуды и шкварчание сковородок.

Пара шагов — и моему взору предстала эпическая картина: феникс держал в левой руке, охваченной пламенем, накалившуюся докрасна чугунную сковородку вместо щита, а правой — один за другим выпускал фаерболы. Его противник, тот самый слуга, зажатый в угол, ловко метал в Дэна ледяные иглы и прикрывался энергетическим щитом.

Повара безуспешно пытались слиться со стенами, а особо ушлые — с полом. При этом все белоколпачники, трясясь и кося в сторону магов, медленно, но верно мигрировали в сторону выхода.

Я не испугалась, а рефлекторно отшатнулась, когда одна из

ледяных глыб, рассекая воздух, пронеслась мимо моего лица и задела скулу. Встретившись со стеной позади меня, она вонзилась в нее внушительным клином.

— Рей! — В это короткое восклицание Дэн сумел вложить все: злость, страх за меня и всю гамму непередаваемых эмоций, что бушуют в душе того, кого хотят убить, а убиваемый яро этому процессу сопротивляется.

В моей голове при звуках собственного имени сразу же зародились ассоциации с огородом, а конкретнее — с одним уникальным растением. Потому как продолжение: «Какого хрена?» — так и напрашивалось.

Воздух на кухне буквально звенел от магии. Казалось, еще немного, еще одно заклинание — и все взорвется.

Это поняли и Дэн с убийцей. Доля секунды — и рука «официанта» метнулась к кухонным ножам. Не знаю, как с карьерой киллера, но как шеф-повару ему бы цены не было. Так орудовать заточенной сталью — это же талант! Один за другим в Вердэна полетели три здоровенных поварских тесака, а затем очередь дошла до кухонного топорика, молотка для отбивания мяса, филейного ножа, ножа-пилы, хлебного, овощного, фруктового, разделочного…

Дэн сначала уворачивался, используя сковородку как щит, а потом улучил момент и запустил чугунную утварь в противника.

Убийца не смог полностью уйти с траектории летящего в него «счастья», отчего на краткий миг утратил концентрацию. Это-то и позволило Дэну перейти к ближнему бою.

Вердэн начал с джеба. Агрессивно, стремительно. Выпрямленная рука атакующей змеей метнулась в район печени.

Блок. И тут же ответный удар справа, на который Дэн ответил левым хуком, приласкав челюсть противника.

Тот на долю секунды раскрылся, и феникс впечатал в него свой кулак. Вот только выставленный в самый последний момент блок заставил всю силу уйти по косой.

Соперник Дэна, более шустрый и подвижный, буквально юркнул вниз, проведя подсечку и выиграв драгоценные мгновения, чтобы ужом выскользнуть из угла, в который загнал его феникс.

Киллер оттолкнулся от пола, перепрыгнул через жаровню, перекатился по разделочному столу, схватив наполовину опорожненный куль с мукой, и, не глядя, запустил его в Дэна. Феникс, принявший на лицо белил, выглядел как мим эпохи немого кино. В этот его новый образ органично вписалась скалка, которую гончий не иначе как автоматом прихватил с одного из столов. Как раз вовремя. Убийца добрался до еще одного набора

ножей.

До этого момента я и не подозревала, что скалкой можно ловить летящие в тебя лезвия. Через несколько вздохов деревянное орудие устрашения мужей было истыкано черенками ножей, не хуже чем еж иголками. На этом варианте кухонной «булавы» сошлись взгляды всех свидетелей, да и самих участников драки.

Откинув в сторону ставшую ненужной вещь (ножи-то под рукой у киллера закончились), Дэн еще раз попытался сократить расстояние, и тут раздался поистине поросячий визг.

Заорала какая-то кухарка, нервы которой все же не выдержали, когда в нее прилетело скалкой. Спрашивается, чего раскричалась, как младенец, которого колики одолели? Ей же всего-навсего вернули ее же профессиональный инструмент. Ну подумаешь, из него лезвия и рукояти торчат. Так скалка целая же ж!

Я не скривилась от этой звуковой волны лишь оттого, что буквально сегодня утром имела удовольствие целых два часа ласкать слух подобной симфонией на органоведении. Что примечательно, и убийца тоже ни одним мускулом лица не дрогнул. Личина, под которой он был, хоть и скрывала истинные черты, по сути своей не способна менять еще и мимику, эмоции носителя. Оттого мне показалось, что по лицу убийцы скользнуло удивление (именно удивление, словно киллер услышал что-то неожиданное, но определенно знакомое).

Дэн в этот краткий миг мазнул по мне взглядом, а потом произошло сразу две вещи: с пальцев наемника слетел аркан, раскрывая в полете свои огненные лепестки, а на голову убийце десантировалась полка, на которой стояли бутыли.

Воздух, буквально переполненный магией, вспыхнул от заклинания, сработавшего не хуже запала, а киллер, на которого обрушились бутыли, оказался с ног до головы облит маслом.

Это было единственное, что я успела увидеть перед тем, как на меня полетела стена огня, порожденного магией.

В голове мелькнула мысль, как же недолго я пожила в этот раз, и тут меня повалило на пол.

Жар опалил щеки, расцеловал оголенные плечи, буквально разодрал легкие горячим воздухом при вдохе. Но все это было ерундой по сравнению с тем, что, несмотря на яривщуюся надо мной огненную стихию, я еще была жива. И все благодаря тому, что меня закрыл собой феникс.

Его руки, волосы, да все тело оказались объяты огнем. Вот только это пламя, в отличие от того, бесновавшегося на кухне, не жгло.

Напряженный и какой-то безумный взгляд, судорожный вздох и сорвавшееся с разбитых губ: «Рей», в котором я уловила облегчение и… нежность.

Наверное, я все же сошла с ума. Нас двоих окружал кокон его магии, а вокруг — разгулявшаяся огненная смерть. Лежа на каменном полу, я спиной чувствовала, как холодная кладка наливается жаром. Вот только страха уже не было. Он сгорел во взрыве. А может, все оттого, что сильные руки, испещренные черными рунами и белыми жгутами шрамов, держали мои плечи.

Самый идиотский из всех вопросов, что могли сейчас прозвучать, сорвался с моих губ:

— Ты себя контролируешь?

— Нет. — Это было то единственное слово, что вырвалось у Вердэна.

А потом… Прикосновение сочащихся кровью губ. Поцелуй с привкусом железа. Нежный и обжигающий одновременно, заставляющий глотать его дыхание. Он пьянил, кружил голову, делал одновременно беспомощной и всесильной. И я отвечала. Отвечала, забыв обо всем. Не знаю, отчего я вела себя как ненормальная. То ли чудом избежав смерти и уже попрощавшись с этим светом, словно хотела себе самой доказать: вот я, живая и почти невредимая, дышу, чувствую. То ли…

— Ты даже не представляешь, во что ты только что умудрилась ввязаться, — были его первые слова, когда я наконец-то вернулась в реальный обгорелый мир.

Огонь угас, и то, что недавно было кухней, ныне напоминало филиал ада. В котором, к слову, костлявая смотрелась весьма органично. Она даже дружески помахала мне косой.

— Умеешь же ты, дорогая, порадовать! У меня аккурат в этом квартале план недовыполнен был, а сейчас… ровно-ровно все. — Ее голос источал счастье бухгалтера, у которого сошелся баланс. Но Смерть не была бы Смертью, если бы ехидно не добавила: — А я смотрю, ты времени зря не теряла. Какого мужика с огоньком нашла. Такой аж испепелить может. Да и фитиль у него ничего так, внушительный…

Лишь после этого до меня дошло, что на мне лежит абсолютно голый феникс. Да и моя одежда больше напоминала изрядно подкопченную паклю на навершии факела.

Тело Дэна напряглось, словно он вновь приготовился к атаке:

— Она здесь?

— У-у-у, какой проницательный стал, — прокомментировала Смерть.

Я же сглотнула и подтвердила:

— Да.

— Пусть твой дружок расслабится. Я свое беру. Визжавшая толстуха и так через полгода должна была помереть. А те два повара… один вон как улыбается.

Радостный привиденистый кулинар даже уточнил у Смерти, точно ли он умер насовсем.

— А ты чего такой веселый? — подозрительно вопросила костлявая.

— Да из-за тещи. Эта зараза по целительской части была, все утверждала, что помереть мне не позволит и на ноги поднимет в любом случае, чтобы я ее дочу не смел в бедности держать.

— Что, теща лекаркой работала? — сочувственно уточнил вторая поварская душа.

— Нет, медицинской пиявкой.

Смерть не дала развернуться проникновенной беседе и, лихо накинув аркан на свою добычу, оседлала черен косы и была такова.

Дэн, будто почуяв, что черномантийницы рядом уже нет, перестал напряженно озираться по сторонам. Когда он выпрямился и протянул мне руку, чтобы и я поднялась, до меня, как до жирафа, дошло.

— Знаешь, у меня для тебя не очень радостная новость. Наш убийца жив, — сообщила я Вердэну. — Его души у Смерти не было.

— Я догадался. — Дэн иронично усмехнулся. — Убить одного из лучших агентов Террины обычной огненной волной было бы слишком просто… — А потом задал вопрос, который меня совершенно ошарашил: — Скажи, о чем ты подумала в тот момент, когда услышала истошный визг кухарки?

— О младенцах, — ответила не задумываясь. — Мы сегодня подобные крики с самого утра всей группой слушали.

— А это уже интересно, — протянул феникс, осматривая угольях задумчивым взглядом.

Его ничуть не смущала собственная нагота, впрочем, как и то, что с минуты на минуту здесь будет толпа народу. Во всяком случае, я так полагала. Не мог же такой разгром остаться без внимания хозяев?

Стон из коридора вторил моим мыслям. Не иначе подал голос тот, кто ринулся преследовать меня через весь зал? Если так, то повезло ему. Считай, в рубашке родился…

Вслед за стоном из закопченного коридора послышался гул голосов и топот ног.

Дэн хмыкнул:

— Думаю, встреча с дознавательским отделом нам сейчас не совсем кстати…

Он схватил меня за руку и потянул к небольшому окну, стекол в котором не было и в помине, впрочем, и от рамы остался лишь один обугленный остов. Едва мы добежали, феникс, отпустив мою ладонь, взял разгон и сиганул в проем.

Уже откуда-то снизу, в полете, донеслось:

— Давай!

Как же это напомнило мамино любимое выражение из моего босоногого детства: «Если все с моста будут прыгать, то ты тоже сиганешь?» Лететь до земной тверди от силы метров семь. Переломы, конечно, очень хорошо сочетались с такой верхотурой, но я искренне надеялась, что это хотя бы будут не переломы шейных позвонков.

— Ну же, быстрее! — воодушевлял на подвиг голос снизу.

«Хм, если он цел, значит, и у меня есть шанс», — подбодрила я себя этой сомнительной истиной. Разбежалась, вскочила на подоконник и что есть силы оттолкнулась от обугленного дерева.

Каково же было мое удивление, когда, вылетев из окна, я оказалась на шее у здоровенной твари, которая тут же, едва я вцепилась в ее перья, взмахнула широкими крыльями, набирая высоту.

Завизжала. Пернатый гад обернулся и щелкнул клювом: дескать, уймись, болезная! Я икнула и вняла предупреждению, покрепче вцепившись.

Подозреваю, что для моего транспортного средства я была сродни эпилятору, который того и гляди выдерет-таки свой первый победный клок. Но Дэн стоически терпел и даже не каркал. Или какие звуки положено издавать этому созданию размером с «харлей», к которому какой-то умник присобачил крылья от дельтаплана? Но зря я обрадовалась молчаливому терпению этого орла-переростка. Он заложил такой крутой вираж, что у меня душа ушла в пятки. Как только мы выровнялись, я, мужественно заикаясь, озвучила единственную в моем положении выполнимую угрозу:

— Если еще раз повторишь такое, я буду тебе делать стыдно всю дорогу!

Феникс на это лишь заклекотал. В последних отблесках закатного светила его темные перья отливали багрянцем. Рваный, обгоревший подол моего потерявшего яркость рубинового платья развевался. Ветер бил в лицо, и я… я рассмеялась. Хотелось ни о чем не думать, но мысли, как вредные тараканы, почуявшие приближение ночи и оттого осмелевшие, активизировались в моей голове.

Поразмыслить было о чем. Начиная с того забега по подвалу и Оливии и заканчивая несостоявшимся покушением и

сражением на кухне. А еще выражение лица убийцы… Если предположить, что наши реакции на визг были схожи, то получается, что он, а вернее, она тоже имела удовольствие данную тональность не только многократно слушать, но и классифицировать, прямо как няня. Хотя почему «как»?

По всему выходило, что искать наемницу в первую очередь стоит среди курсисток. А что — удобно… В академию допуск есть, а с другой стороны — вроде как и простолюдинкой можешь быть, без титулов и званий, и до твоей родовой татуировки никому не будет дела.

Судя по реакции пернатого и его вопросу, он догадался о том, где искать убийцу, первым. Недовольно поджала губы, прямо как в первом классе, когда руку тянули оба, а спросили отчего-то не меня.

Хмыкнула, глядя на размах черненых крыльев, и мысли невольно переключились на феникса. Точнее, на поцелуй. Выходило, что по каким-то физиолого-магическим законам я ему идеально подхожу. Вот только глодал меня червячок сомнения, а есть ли среди всей этой биологии место простому человеческому чувству?

А еще мне чуток непривычно было без Энжи. Прикипела я к ней. Но отчего-то в душе была уверенность: крысявка меня непременно отыщет. Ведь она осталась в зале, и с ней ничего не должно было случиться…

Феникс пошел на снижение, заложил крутой вираж и приземлился: ударился, спружинил и немного пробежал по траве на лужайке какого-то особняка.

Дом был из тех, который не стыдно назвать и дворцом. Все в нем, начиная от удивительной по своей красоте ограды со строгой изящной решеткой между круглых тумб с чугунными шарами, до изящных балконов на консолях, которые имелись у окон флигелей, впечатляло своей величественностью.

Но Дэна ничуть не заботили красоты архитектуры. Он целенаправленно рысил к боковому входу и озирался по сторонам.

Я, подобрав юбки, побежала следом. И отчего мне показалось, что белые колонны на высоком цоколе, торжественно несущие на себе портик, видывали и не такое?

На манер татей мы миновали парадный вестибюль, что был разделен так же колоннами на две части. Расположенные полукругом, они плавно подводили нас к парадной лестнице, по которой взбираться на второй этаж для меня оказалось сущим наказанием, так устали ноги. Каминную, диванную, несколько залов мы миновали на крейсерской скорости и наконец-то

оказались в спальне.

Только привалившись спиной к двери, синхронно засмеялись. Тихо, почти беззвучно.

— Рей… — Голос прозвучал чуть хрипло, но требовательно.

— Да?

— Ненормальная, — выдал Дэн. Казалось, его ничуть не смущала нагота. — Обещай мне никогда больше не подставляться так. Я едва успел тебя прикрыть.

Вопрос, мучивший меня в полете, сам сорвался с губ:

— А ты знал, что твой огонь не причинит мне вреда?

— Знал, — припечатал Дэн. Его руки, оказавшиеся с обеих сторон от меня, упирались ладонями в двери. Он буквально навис надо мной. — И опережаю кучу твоих вопросов: да, я прикоснулся к тебе впервые тогда, когда ты едва не умерла, зачерпнув силы из грозы.

— А…

— И даже если бы ты не была моей истинной парой, я бы все равно закрыл тебя.

— Но почему…

На этот вопрос мне не ответили. А я еще раз убедилась, что поцелуй придумали мужчины, потому что не нашли другой способ закрывать женщинам рот.

Из него мы оба вынырнули, как из-подо льда. Практически задыхаясь. Дэн смотрел на мое лицо широко распахнутыми глазами, будто видел впервые. Он медленно провел пальцем по скуле, потом ниже, почувствовал биение жилки на шее, а затем коснулся губ.

Мое дыхание, прерывистое и тяжелое. Его шальная, мальчишеская улыбка. С этим сумасшедшим фениксом было все не так. Не по правилам. И его вырвавшееся признание — не исключение.

— Я чувствую себя стариком-извращенцем, который соблазняет молоденькую лессу. Но ничего не могу с этим поделать. Рей, ты сводишь меня с ума!

— Это кто кого еще совращает! — Я невольно улыбнулась.

Но от моих слов Вердэн лишь посерьезнел:

— Я не шучу. Сначала думал, что ты — просто чрезмерно наглая и настырная девица, которая умудрилась воспользоваться ситуацией и захомутать моего наивного братца. Вот только когда он не ринулся тебя спасать…

Я как-то сразу вспомнила, что еще недавно Вердэн обещал меня придушить, и отнюдь не метафорически.

— Но ты не выходишь у меня из головы, причем настолько, что я начал подозревать себя в нездоровой тяге к дет…

Моя ладонь прижалась к его губам, не дав договорить.

— Не стоит произносить слов, которые бы побудили меня к действиям.

— А может, я этого и добиваюсь? — иронично вздернул бровь Дэн.

— Тогда я готова и жду неприличных предложений. — Про себя лишь усмехнулась: играть в вопросы с той, у кого бабушка — коренная одесситка? Я вас умоляю…

— Тогда предлагаю найти для начала тапочки. Пол холодный, и ноги мерзнут… — не остался в долгу Вердэн.

— Нет, Дэн, это уже перебор! Таких неприличных предложений я еще не получала! — И лишь сказав это, я поняла, как прозвучало его имя: с придыханием, интимно.

Глаза феникса хищно блеснули:

— Если ты это повторишь сейчас еще раз и на выдохе, то будешь виновата.

— Я? В чем?

— В моей бурной фантазии, — честно признался феникс и, развернувшись, больше не говоря ни слова, босиком пошлепал в ванную комнату. Лишь когда он почти скрылся за дверью, я услышала: — Дэн… какое приятное сокращение от Дэниэля…

Я лишь улыбнулась.

Пока феникс отфыркивался в ванной, нашла гардеробную. Обнаружить в ней пижаму я, конечно, не рассчитывала, и оттого была удивлена, узрев приличный комплект из фланелевых штанов, рубахи и спального колпака. Причем невинного голубого цвета с рисунками плюшевых мишек в разных стадиях засыпания, явно мужского размерчика.

Второй такой пижамы не нашла и посчитала, что в столь просторной одежке я, если не утону, то захлебнуться могу легко.

Когда же ванная освободилась, я с добычей под мышкой гордо прошествовала в комнату омовений. Глядя на пижаму, Дэн даже не пытался скрыть улыбку.

— Рад, что ты оказалась не приличной, но здравомыслящей девушкой, — выдал пернатый. — У меня сил нет даже несколько шагов сделать, не то что тебя проводить до того доходного дома, где ты снимаешь комнату.

Вот ведь! Слов нет. Это его заявление напомнило мне, как бабуля ответила на воздушный поцелуй деда. «Вот же ж лодырь!» — припечатала тогда она. И это ее мудрое высказывание было сейчас как нельзя уместно.

— Так ты и не спрашивал, останусь ли я ночевать, — начала в отместку. — А при отсутствии альтернатив…

Дэн нахмурился и все же, поддавшись на провокацию,

посерьезнел и спросил:

— Хорошо… Рей, ты не желаешь остаться?

— Остаться в девках, в дураках, друзьями или до утра?

Его грозное: «Рей!!! Ты издеваешься?» — стало лучшим бальзамом для женского самолюбия, когда я, спеша покинуть поле боя, захлопывала дверь ванной.

Зато мое триумфальное появление через десять минут сопровождалось аккомпанементом посапывания. Дэн беззастенчиво дрых, разлегшись на середине кровати, даже не удосужившись одеться. Мокрое полотенце, что он обернул вокруг бедер, выходя из ванной, было небрежно брошено на спинку стула.

Ну вот, еще недавно чуть ли не в любви признавался, а сейчас… спит. Подозреваю, что такими темпами через пару лет на просьбу поцеловать этот пернатый будет вопрошать: «Что это за оргии на пятом году семейной жизни?»

Но додумать мысль мне помешал собственный зевок. Столь глубокий и проникновенный, что я решила: все же что-то общее у нас с Дэном точно есть. Например, желание выспаться.

Перина оказалась мягкой, подушка — чуть прохладной и с едва уловимым ароматом лаванды. Я не заметила, как уснула. Уже на границе дремы и яви почувствовала, как меня обнимает и притягивает сильная рука, поправляя край съехавшего одеяла. «Спи, мое любимое чудовище», — услышала уже сквозь сон…

А утро началось с писка Энжи. Крысявка скакала сайгаком по одеялу и экзальтированно верещала:

— Как ты могла! Оставить меня! Одну! Я весь город пробежала за тобой! С тремя котами помойными подралась и одного крысюка, решившего меня обесчестить, покусала, а ты! Ты! Ты тут нежишься на пуховых перинах… — Выпалив все это, она осмотрелась и уже чисто женским, заговорщицким тоном вопросила: — Ну что, у вас с этим шпионом что-то было?

Я окинула сонным взглядом постель. Смятые простыни там, где вчера уснул Вердэн. За окном — рассветная дымка раннего утра.

— Нет, ничего такого не было… Мы просто болтали о ерунде, смеялись и подначивали друг друга, а потом легли спать, а Дэн обнял меня и укрыл одеялом…

— Ничего не было… — глубокомысленно изрекла крыса. — Знаешь, по-моему, это даже больше, чем просто переспали.

Я задумалась над ее словами. Тем временем Энжи встряхнулась, встопорщила усы и, вильнув хвостом, добавила деловым тоном:

— А в этом доме есть что съестное?

— Думаю, что на кухне — наверняка.

— Тогда чего же мы ждем? — Крысявка была полна энтузиазма, как и мой голодный желудок.

Делать нечего — придется провести рекогносцировку местности с целью захвата трофеев.

Мы с Энжи, тихо отворив дверь, крадучись двинулись по коридору. Залы и гостиные, еще пустые в этот ранний час, нас неимоверно радовали. Вот только акустика была в этом царстве, где еще правил Морфей, изумительная. Можно было услышать не только нечаянный скрип половиц, но и дыхание крысявки. Именно поэтому разговор, что шел за дверями кабинета, достиг наших ушей.

Как говорила моя бабуля: «Любопытство — не порок, а способ самообразования». Я же считала себя девушкой, не чуждой тяги к званиям. Тем более если это касалось Дэна.

Едва мы приблизились к плотно закрытым дверям и прильнули к замочной скважине, как из недр кабинета послышалось:

— Ты не посмеешь! — Слова — как удар хлыста.

— Я так решил, — уверенный голос Вердэна.

— Не мне тебе объяснять, что назад пути нет. Ты присягал короне, — все тот же хлесткий, как бич, голос.

— Я не отказываюсь от присяги.

— Но и выполнить клятву ты не сможешь. Это выжжет твой дар. К тому же ты о ней подумал?

— Именно поэтому я и сообщаю, что дело, которое я сейчас веду, будет последним.

— А ты не забыл, что за вход в мой отдел — золотой, а за выход — два? — насмешливо протянул незнакомец, а потом с поучительной интонацией добавил: — К тому же что ты можешь дать наивной восемнадцатилетней девочке? Старых врагов, что имеют на тебя зуб? Сомнительное темное прошлое? Да это юное создание сбежит прочь, едва узнает, что тебе приходилось лгать, подкупать, обманывать, трахаться, убивать, чтобы добыть нужные сведения. Послушай моего совета: сделай ее своей любовницей, без огласки. В конце концов, пусть даже она родит от тебя, но чтобы твои враги о ней не знали…

— Вы уже не мой наставник, мессир Раун, — все так же упрямо гнул свое Дэн. — Да вам и не понять, что значит истинная пара.

— Это я-то не понимаю? — вскипел мужчина. — Твоя мать была моей истинной парой! И ты — наш внебрачный сын, которого крауф Вердэн признал своим! А иначе, думаешь, почему вы с Альтом столь не похожи?

Повисла пауза из тех, когда воздух буквально можно резать ножом. Я не дышала. Энжи, кажется, и вовсе превратилась в прижизненный памятник самой себе.

— Даже так? — разорвал тишину охрипший голос Дэна.

Я лишь поразилась выдержке феникса. Ни гневных тирад, ни звука мужской пощечины, именуемой в простонародье хуком… Хотя как по мне, собеседник Вердэна ее заслужил.

Визитер пришел к такому же выводу, его баритон уже не брал высоких октав:

— У тебя железная воля, как у клинка. Недаром я ковал тебя столько лет. И хочешь сейчас уйти? Ты давал клятву служить стране, императору…

— Я от своих слов не отказываюсь, — голос Дэна звучал натянутой струной. — Служить можно и в войсках, и в министерствах. Что же до вашего утверждения, мессир Раун… Я чту своего отца крауфа Вердэна, кем бы он ни был мне по крови.

Не знаю, какие именно слова зацепили собеседника больше, но ударил он прицельно, по больному:

— Значит истинная пара… зов тела, которому нельзя сопротивляться. Тогда послушай меня, сын, — сделал он ударение на последнем слове. — Я тоже был когда-то молод и горяч, юный полуфеникс без гроша за душой. По законам империи — равный с остальными. На деле — мне не светило ничего. Я увидел Майну, твою матушку, стоя за прилавком кондитерской, куда она зашла со своей дуэньей. Наши взгляды встретились. Мы оба вспыхнули, как мотыльки, попавшие в пламя. А потом были тайные встречи, краткие ночи и плод нашей любви. Когда я узнал, что Майна беременна, я предложил ей бежать. Тайно обвенчаться в храме… Но она испугалась. Испугалась бедности, изгнания из рода и вышла замуж за того, на кого указал ей отец. Вердэн, уже тогда немолодой крауф, согласился признать тебя, своей рукой запечатлел на твоем младенческом запястье вязь рода. Тогда-то я и понял, что истинная пара — это не любовь, это зов плоти. Урок, который я получил, помог мне. Я стремился доказать всем, и в первую очередь себе, что смогу добиться в этой жизни многого. По иронии судьбы мой сын попал ко мне в отдел и сейчас стоит передо мной. А я вижу в тебе себя…

— Нет. Не себя. Она — не только моя истинная пара. Я люблю ее. — Его слова, полные решимости, прозвучали с отчетливой яростью. — Даже если бы она не оказалась той единственной, с кем я могу не контролировать себя, отпустить огонь феникса на свободу, я бы все равно пришел к вам и сказал то же самое, что и сегодня.

— И когда же ты успел в нее влюбиться?

— Когда начал ее душить.

Мессир поперхнулся и закашлялся.

— Однако… — Но все же он оказался на диво упертым в своем стремлении заставить Дэна сомневаться в правильности своего решения: — Допустим, ты ее любишь. Но любит ли она тебя? Ведь вполне может статься, что ты ей интересен только как обеспеченный муж.

Этот мессир уже изрядно меня разозлил. А его вопрос и вовсе оказался последней каплей.

Я толкнула дверь и гордо вошла в кабинет. Плевать, что на мне пижама с подвернутыми штанинами и закатанными рукавами, а я сама растрепанная и сонная.

— Дэн, извини, что вмешиваюсь, но я думаю, что тебе одному, без меня, засыпать не стоит.

— Простите? — не понял моей вводной речи мессир.

— Говорю, что труп землей Дэну одному засыпать не стоит. Ваш труп.

— Да ты знаешь…

— А вам не говорили, что нет ничего опаснее, чем вставать на пути любящей женщины?

Мои слова тут же опроверг Дэн, оказавшийся между мной и начальником тайной службы. Его широкая спина заслонила меня от этого Рауна.

Мессир лишь усмехнулся, чем окончательно разозлил меня. В душе в тугой клубок сплелись ненависть и отчаяние. На ладонях сами собой начали проскальзывать сполохи оттенка обсидиана.

А дальше все произошло мгновенно: я ударила черной молнией в гостя. Вложила в этот порыв всю себя. Казалось, жизнь для меня не столь важна, как необходимость во что бы то ни стало стереть с лица визитера его наглую, уверенную улыбочку.

Я впервые осознанно позвала тьму.

Порыв ветра распахнул окно, словно камердинер — двери перед важной гостьей. Я почувствовала, что в меня вливается чья-то сила. Чужая, выжигающая вены изнутри. Она проходила через тело, выливаясь из ладоней черным потоком. Гость оградился щитами, Вердэн пытался до меня докричаться, а мне было уже все равно. А потом возникли две яркие вспышки, и я потеряла сознание.

Пришла в себя уже на руках Дэна в напрочь разгромленном кабинете. До слуха донеслось:

— Ты не предупреждал, что влюбился в ненормальную, поцелованную Смертью. Хоть бы сказал, что про труп твоя возлюбленная выражалась не фигурально.

Я открыла глаза и сразу же столкнулась с внимательным взглядом недожаренного гостя.

— Так, вопрос про безропотную невинную деву с тонкой душевной организацией снимаю, — буравя взглядом, начал Раун. — Признаться, на меня покушались неоднократно и разными способами пытались отправить к праотцам, но чтобы вот так, нахрапом, просто сырой силой выбить душу из тела… А вы знаете, милая барышня, что полагается за покушение на должностное лицо?

Если этот хмырь надеялся меня таким образом запугать, то он сильно просчитался. Налоговики, приходящие с проверками, — вот та вакцинация, которой наша фирма удостаивалась с завидной регулярностью. Я вспомнила Джоконду Анакондовну, и на моем лице появилась ее фирменная маска, которая отчего-то сразу жутко не понравилась мессиру. Он скривился.

А я начала как по писаному перечислять пункты, согласно которым случившееся нельзя представить в виде покушения:

— Если учесть, что вы не представились, то классифицировать вас как должностное лицо я не могла, — вещала я, опираясь на Дэна, который опять был в одних обгорелых ошметках одежды. — Во-вторых, имела место быть провокация, послужившая толчком к спонтанному выбросу дара. В-третьих…

Я толкнула речь минут на двадцать, обстоятельно расписав все нюансы того, как можно интерпретировать однозначную, казалось бы, ситуацию. Перечислив при этом с две дюжины пунктов, объясняющих, почему визитер в корне не прав. Когда я закончила, единственный вопрос, который задал мессир, был:

— Дэниэль, напомни еще раз, кто она? С такой извращенной, наглой, юридически подкованной фантазией я сталкиваюсь впервые. Вы, лесса, случаем, не из дипломатической канцелярии? Или из внутренней разведки? Среди своих я вас не припомню. Кто вас готовил? Натаскивал?

Я чуть не ляпнула, что главбух, но вовремя спохватилась:

— Я с отделения няньковедения.

— Что? — не понял собеседник.

— Младенческие колики, мокрые пеленки, грудничкИ… — попыталась я донести до главы шпионского отдела мысль более наглядно.

А он… расхохотался. А Дэн лишь обнял меня сильнее и прошептал на ухо: «Ты ему понравилась».

— Знаешь, сын, — отсмеявшись, обратился к фениксу гость, — кажется, я начинаю понимать, почему ты влюбился. Если

женщина ради тебя готова не только умереть, но и расстаться с молодостью и красотой, то твои чувства взаимны.

Он говорил и смотрел прямо на меня. Словно ждал, что вот я всполошусь, поняв: выплеск некромантской силы взял у меня дань. Но старого стратега подвело то, что я душой была не восемнадцатилетней. Это в юном возрасте внешность крайне важна. Когда же обнаруживаешь у себя утром первые морщинки, первые седые волосы, а весы неумолимо показывают, что хоть вес тощей коровы и упитанной газели примерно равен, но ты-то понимаешь, что цифры чем точнее, тем больше врут… Вот тогда-то ты учишься мириться с мыслью, что нет ничего вечного, в том числе и юной красоты, подаренной природой.

И сейчас, очнувшись и увидев краем глаза седую прядь, я приняла это как данность. Так и не дождавшись моей всполошенной реакции, мессир продолжил:

— Дэниэль, найди убийцу, который угрожает наследникам династий. Это будет твое последнее задание. — И уже мне: — Признаться, так сотрудников из отдела у меня еще не уводили. Подкупали, шантажировали, убивали, соблазняли, но угрожать главе тайной канцелярии смертью, если он не отпустит своего подчиненного? Отчаяния и смелости вам, лесса, не занимать.

С этим он пошел к выходу, но на пороге обернулся:

— Я не смог быть тебе отцом. Ни плохим, ни хорошим. Единственное, что я сумел, — однажды подарить тебе жизнь. Теперь я дарю тебе свободу. Не разочаруйте меня вы оба в этом душевном порыве. — Мессир протянул руку и чуть слышно прошептал: — Дэниэль из рода Вердэн, я возвращаю тебе твою клятву.

Он ушел, а Дэн сгреб меня в объятия и спросил:

— Ты правда меня любишь?

— Как будто ты сам этого не понял. — Я прижалась к его груди щекой.

— Я не был до конца уверен. — Сердце стучало гулко, хотя внешне феникс остался невозмутим.

— И все равно собрался жениться?

— У меня был план, как довести тебя до алтаря, на случай, если бы ты оказалась недостаточно в меня влюбленной.

— И какой же?

— Лучше тебе его не знать.

Я лишь усмехнулась. Да, Дэн не из чистоплюев, оттого методы в его «плане» могли оказаться весьма специфические, самый невинный из которых — «скомпрометировал» и «стал отцом», чтобы я точно не отвертелась от предложения руки и сердца. Кстати, о последнем.

— Дэн, а тебя не смущает одна маленькая деталь? Я вроде как пока замужем.

— Она меня не смущает, она меня раздражает, — признался этот несносный сумеречный гончий. — А вот заботит совершенно иное. Наш убийца. И думаю, что сегодня в полдень мы узнаем, кто это.

Энжи, которая все это время мирно сидела в окопе за дверью и наблюдала семейный разговор по душам и пульсарам из-за косяка, пискнула снизу:

— Да ладно, убийцы. Гораздо интереснее, почему на грохот, что вы учинили, не пришел никто из слуг?

ГЛАВА 11

— Что-то ты, дорогая фамильяр, поздно задала этот вопрос, — поддел Дэн крысявку.

— Судя по ухмылке, — не сдалась Энжи, — не поздно, а вообще зря.

— Какая догадливая крыска…

— И все же? — Мне тоже стало интересно.

А феникс… он впервые на моей памяти замялся.

— Рей, понимаешь, — начал он, чуть смущаясь, — ты же некромант, и ничто мертвое тебе не чуждо…

— И? — Кажется, я начала догадываться, куда клонит этот интриган.

— А этот дом достался мне от отца… — тут он запнулся, — вернее, от крауфа Вердэна. Я часто бываю в отъездах, а челядь порой ленива, болтлива и алчна… В общем, у меня в слугах зомби. Только повар — человек, но он — немой.

— И когда ты мне об этом хотел сказать? — проникновенно уточнила я.

Вроде и вопрос невинный, но Дэн прижал меня к себе покрепче, словно я начала вырываться.

— Вообще-то после свадьбы. — И хитрец потянулся за поцелуем, в надежде сбить меня с толку.

Не тут-то было! Нас с Энжи двое. А целовать параллельно еще и крысявку феникс технически не мог.

— То есть если меня захочет поутру покусать какой-нибудь зомби, мне не стоит пугаться? — уточнила голохвостая.

— У меня приличные зомби, и ни на кого они просто так не покушаются, — встал на защиту своих слуг Вердэн, но его голос, в котором слышался тщательно скрываемый смех, выдал его с головой. — А просыпаются каждое утро с деактивацией заклинания стазиса. Так что у нас с тобой еще есть время до шестого удара колокола.

А потом он глянул на Энжи, глаза-бусинки которой светились любопытством профессиональной сплетницы, которая ни за что не покинет спальню, когда там должно начаться самое интересное. На лице феникса отобразилась целая гамма чувств из серии: «Не можешь любить — сиди, дружи».

Дэн таки внес меня в спальню и уже было хотел уложить на кровать, но я заверила, что уже преотлично выспалась, а вот в зеркало бы глянуть не отказалась.

— Ты для меня хороша любая, — словно напутствовал Вердэн.

Я не смогла удержаться и уже из ванной крикнула:

— Даже если твоя пижама с мишками не будет вмещать всю мою раздобревшую на булочках красоту?

После секундной паузы из спальни донеслось мужественное чуть осипшее: «Да». Лишь подивилась богатому воображению феникса. Представить себя настолько аппетитной не смогла бы даже я.

А потом подошла к зеркалу и, решительно выдохнув, подняла взгляд. На меня смотрела хмурая, всклокоченная, плотно сжавшая губы девушка. Абсолютно седая. Ну да, не семнадцать-восемнадцать, а двадцать пять. Невесело усмехнулась: все равно это меньше, чем мой истинный возраст. Вот только, боюсь, следующий подобный выброс силы заставит Дэна поменять свое мнение о том, что я выгляжу слишком молодо для него, на «слишком старо».

Словно уловив мои мысли, в зеркале за моим плечом возникло отражение Дэна.

— Для меня ты никогда не постареешь… Это у меня может зрение испортиться, но не твоя внешность — измениться. — Легкий поцелуй в мою белую макушку заставил невольно улыбнуться. — И все же поспи немного. Еще слишком рано.

В подтверждение его слов меня одолела зевота.

— Умеешь ты уговаривать, — улыбнулась уголками губ.

— Как оказалось, это наследственное, — чуть помрачнел Дэн.

От этого его взгляда мне стало неловко. Да и феникс поспешил сменить тему:

— Во сколько у тебя сегодня занятия, куда отвезти?

— К девятому удару колокола мне нужно приехать к моему ребенку, — сказала, совершенно не подумав.

Дэн словно закаменел, а потом другим, отстраненным голосом спросил:

— У тебя есть ребенок?

— У каждой из курсисток есть ребенок. В приюте. У меня — Бьянка, трехмесячная вампирочка. — Я чуть отстранилась. Реакция Дэна на мою оговорку оказалась типично мужской. Хорошо хоть вопрос был нейтральным, а не традиционным мужским: «От кого?»

— Прости, видимо, события этого утра все же сильно повлияли на мои умственные способности, — сказано было с теплотой и нежностью. — Так что отдохни, пока есть возможность, а мне необходимо уладить некоторые дела.

А потом меня так же ласково уложили в постель, пожелав приятных снов. Но едва Вердэн притворил за собой дверь, как чувство, что этот хитрый лис меня где-то обдурил, накрыло с

головой. От того, что я не могла понять, где именно меня провели, как воробья на мякине, я не могла не то что уснуть — даже глаза закрыть.

Энжи, обвив себя хвостом, свернулась калачиком на подушке рядом с моим лицом и, сладко зевнув, вскоре задремала. Я же перебирала все слова, интонации нашего разговора в ванной.

Кругу на пятом до меня дошло, что Дэн не мог не знать о моем расписании, хотя бы приблизительно. Иначе не спрашивал бы про «куда». Только уточнил бы, к какому времени. Ведь занятия всех, кто обучался в академии, должны, по идее, в ней же и проходить. Тогда зачем вся эта столь правдивая игра в неловкость от оговорки, а потом и спектакль, словно ему неизвестно о приюте и детях? Вывод напрашивался один: чтобы я забыла тот главный вопрос, ради которого и затевался разговор.

Я лишь восхитилась и даже тихо присвистнула: ну, жук! Энжи недовольно завозилась, а я, как ни странно, разгадав этот ребус, успокоилась и сама не заметила, как уснула.

Радостный писк пробился к моему сознанию сквозь зевоту:

— Доброе утро!

— Не навязывай свое мнение! — ответила я в лучших традициях бабули, еще не продрав глаза.

— Ну хорошо, злого утра, — не растерялась крысявка.

И тут в дверь постучали. А я как-то некстати вспомнила, что Дэн отбыл, а прислуга в этом доме — зомбанутая. И тут ручка двери провернулась, и в комнате появилась она.

— Смрад! — вырвалось у нас с Энжи в унисон, но с разной интонацией: ругательной и констатирующей факт.

А я вспомнила своего соседа по лестничной клетке — прораба Александра Самуиловича. Он настолько хорошо владел этой самой интонацией, что умудрялся одной фразой «твою мать» и поругать, и похвалить, и даже выразить соболезнования.

Горничная же оскорбилась. И вправду, для зомби она была выше всяких похвал. Даже трупных пятен на неестественно-фарфоровом лице не было. Скорее внешне она напоминала марионетку или восковую куклу, которую оплетало черное кружево заклинания. Вот только отчего-то меня малость смущало, что поднос с завтраком в спальню все же внес ходячий труп.

Служанка без слов поставила свою ношу на прикроватный столик и, сделав книксен, удалилась.

Я же покосилась на молоко, печенье и яблоки. Решила, что моему организму жизненно необходимы именно витамины, и, цапнув с подноса фрукт, обтерла его о рукав, а потом вгрызлась в спелую сочную мякоть.

Когда от местного аналога антоновки остался лишь огрызок,

живот недовольно заурчал, сетуя на столь скудную поживу. Я скосила взгляд на молоко и печенье и решила рискнуть.

Энжи, которой на такие мелочи, как ходячие трупы, было и вовсе плевать, трескала за обе щеки уже вторую печеньку.

Когда горничная появилась вновь, уже с платьем, мы с крысявкой на пару уминали печенье и запивали его молоком. Я лишь убеждала себя порой, что медики же вон в морге чуть ли не трапезничают прямиком на вскрытых трупах. А здесь… Ну подумаешь, мертвец принес поднос… Вроде повар-то человек, а значит, обнаружить фалангу пальца мне в завтраке не грозит. Наверное.

Мозг все еще страдал этической дилеммой, а вот желудок был искренне благодарен хозяйке, что она не пошла на поводу у суеверий и в кои-то веки нормально его одарила завтраком.

Одевалась и причесывалась в спешке, как и спускалась по лестнице к поданной карете. Несмотря на то что завтрак готовила не я, да и одежду мне принесли свежую и отглаженную, я все равно умудрилась опоздать.

— Приют Святой Аларии! — крикнула я кучеру, оказавшемуся, к счастью, тоже человеком. Видимо, зомбанутая прислуга была исключительно в доме.

И все же, как ни гнал возница, в богадельню я влетела, когда занятие уже началось. Постучала в двери, мысленно придумывая оправдания для куратора, да так и застыла. Посреди царства яслей и колыбелей стоял Дэн, а рядом с ним, буквально дыша в затылок, — Смерть.

Феникс воззрился на меня так обвиняюще, словно я не опоздала на пару минут, а посмела явиться. Явиться как минимум в налоговую и протянуть фининспектору заполненную декларацию, где в графе «иждивенец» написала «государство».

— Проходите, лесса Рейнара, раз уж пришли, — поджав губы, процедила куратор, которая обнаружилась тут же, рядом с Вердэном.

Судя по всему, ей не понравилось именно то, что я опоздала, нанеся тем самым урон ее преподавательской репутации.

А я все стояла столбом и смотрела на Смерть. Та приветливо оскалилась и помахала мне ручкой.

— Что же вы застыли? — недовольно напомнила о реальности куратор. — Досточтимый крауф сегодня посетил приют, дабы удочерить одну из воспитанниц и предложить кому-то из вас стать ее бонной. Пока вы не окончите курс, полноценных нянь из вас, конечно, не выйдет, но лесс настоял, чтобы это была именно одна из тех, кто уже знаком с ребенком.

Я прошла к колыбельке Бьянки. Малышка агукала и пускала

пузыри. Вот кому уж не было дела до заговоров, политики, убийств и досточтимых крауфов, осенивших детский приют своей благодатью. Она умудрилась полностью распеленаться и сейчас лежала во всей дитячьей красе, демонстрируя миру голое пузико и дрыгающиеся ножки.

За окном пошел дождь, а потом не выдержал и буквально побежал. Крупные капли ударялись в стекло, шелестели по подоконнику, лупили по разлапистым ветвям каштана с крупными листьями. Но вот что за странность: вроде бы такая мокрая погода должна располагать к рефлексии и спокойствию, но у меня создалось ощущение, что воздух в комнате словно начал уплотняться. В животе будто свернулся клубок змей, непрестанно шевелящихся и недовольно шипящих.

Нервический настрой передался быстрее сплетни всем курсисткам, которые то и дело встревоженно переглядывались.

— Лесса Арелия, не могли бы вы оставить меня с вашими воспитанницами наедине? — мягким, но не терпящим возражений тоном обратился Дэн к куратору.

— Конечно. — Похоже, магесса была весьма недовольна тем, что подопечные останутся без ее зоркого присмотра, но подчинилась и, разгладив передник, удалилась.

— Дамы, — обратился Дэн уже к нам, — я прошу вас засучить манжеты и показать мне запястья. Меня интересует ваша чистоплотность, — туманно пояснил он свое требование.

— Может, ему еще и юбку до колена поднять? — буркнула стоявшая рядом полуорчанка Орая, нехотя закатывая рукава.

Как и ожидалось, у всех нас на левом запястье красовались брачные браслеты. У кого потолще, у кого поуже. Но все — медные, бронзовые или серебряные. Я ссадила Энжи в колыбельку Бьянки и тоже закатала рукава.

— А теперь отстегните застежку браслета, — уже жестким, властным тоном не попросил, потребовал Вердэн.

— Знаете, все же брачный браслет — это сугубо личное дело. Я не хочу объяснять мужу, почему я его снимала. Ведь едва разомкнется застежка, мой благоверный сразу же об этом узнает! — возмутилась рыженькая, как сама осень, Марьяника.

Ее поддержала кудрявенькая Сейна, на пальцах которой кристаллизовались снежинки:

— Зачем вам это? Я понимаю, когда смотрят на руки и на ногти, нет ли под ними черноты — свидетельства того, что перед вами неряха, но браслет…

Но под взглядом Вердэна рыженькая стушевалась, как и остальные.

— Знаете, я не намерена идти на работу к тому, кто при

первой встрече просит снять брачный браслет. Так недалеко и до приказа задрать юбку, — уперла руки в бока дородная лесса. Та самая, с которой я столкнулась на выходе из экзаменационного кабинета.

С этими словами она развернулась и, вздернув подбородок, направилась к выходу.

Ей в спину полетело:

— Я бы не торопился так быстро покидать эту комнату.

Щелчок пальцев феникса, и дверь, неплотно прикрытая, захлопнулась. Послышался шум задвигаемого засова, а на створки легла магическая печать.

— Что ж, придется по-другому, — словно в сторону бросил Вердэн и, уже обращаясь к курсисткам, начал: — Вчера вечером на племянника судьи Робурина было совершено покушение. И сделала это одна из вас. Убийца была так неосмотрительна, что в спешке оставила волос. Улика, конечно, мала. Если использовать ее в заклинании призыва на далекие расстояния, отклик будет столь слабым, что хозяин может его и проигнорировать. Но тут, в пределах комнаты, — другое дело.

Пока он говорил, стояла тишина. Даже младенцы не попискивали, а, казалось, слушали феникса. Или все дело в его природной способности к эмпатии?

Вердэн потянулся во внутренний карман, доставая улику со словами: «А вот, собственно, и сам волос…» — когда мне в шею уперлась ледяная игла.

— Вы выиграли, крауф. — Голос, чья «теплота» даст фору космическому вакууму, раздался рядом с моим ухом. — Хотя, признаться, до вчерашнего вечера не ожидала, что против меня будет играть сам черный феникс.

Холодная жесткая усмешка в устах милой и печальной Наты, девушки в очках, что так виртуозно сыграла юную застенчивую лессу, заставила все внутри сжаться. Сейчас к моему горлу приставила ледяное острие та, что точно проткнет пульсирующую под острой гранью жилку.

— Но готов ли черный феникс отдать за мою голову такую цену? — Лед разрезал кожу, и я почувствовала, как по шее одна за другой начали стекать капли крови.

Все курсистки замерли, боясь даже пошевелиться. Лишь Энжи, изображая рядовую крысу, с любопытством привстала на дыбки и поводила носом. Младенцы недовольно ворочались в люльках, но ни один, что удивительно, даже не пискнул.

Дэн же и вовсе превратился в мраморную статую. До того побелело его лицо.

— Я так и думала. У каждого мужчины есть та женщина, ради

которой он готов переступить через все клятвы. Мать. Дочь. Жена. Любовница. Друг. Как удобно, что она сегодня оказалась рядом со мной.

— Не советую выходить в коридор. Там уже ждут люди из тайной канцелярии, — предостерегающе прошипел феникс.

— А кто сказал, что я туда собралась? — иронично осведомилась Ната. Или Иналия?

Смерть обошла Дэна и с интересом подошла к нам. Она остановилась так близко от меня, что я буквально почувствовала ее дыхание.

— Ну вот и все, — усмехнулась костлявая. — Сейчас я заберу твою душу и исправлю свою ошибку. Все же перекинуть тебя в этот мир оказалось неудачной идеей. Так квартальную отчетность мне не портил даже юный целитель с высшим уровнем дара, что практиковал в полевом госпитале. А ведь тогда мне казалось, что шустрее него из моих рук души никто вытаскивать не умеет.

Я ощущала, как мгновения утекают сквозь пальцы, а я не могу ничего сделать. Ровным счетом ничего. Без оружия я была бессильна против матерой убийцы. Да даже будь у меня стилет — не факт, что это бы помогло.

Иналия, прикрывшись мной, отступала. Ей оставалось всего несколько шагов, и мы бы с ней уперлись как раз в окно меж стеной и пеленальным столиком.

И тут мой взгляд упал на косу Смерти. Еще до конца не поняв, что делаю, я схватила и потянула рукоять.

Смерть, не иначе оторопев от моей наглости, выпустила свой инвентарь. Ровно в тот момент, когда пальцы костлявой разжались, а моя ладонь плотно обхватила черенок, произошло сразу несколько вещей.

Иналия кинула что-то на пол, отчего под ногами словно разломилась сфера со светом, которая начала прорастать ледяным плющом. Его побеги цеплялись друг за друга и словно спаивались меж собой листьями, образуя толстую ледяную стену, что отсекала меня с убийцей от остальных.

Но помимо волшебства ледяной агрономии, что разворачивалось перед глазами, под моей ладонью творилось иное чудо. Коса Смерти в моих руках словно вздрогнула. На ее черенке под моими пальцами начали проступать позвонки, как у самого натурального скелета, косовище изогнулось еще сильнее и утолщалось, будто стальное крыло нетопыря, а на обухе и вовсе появился череп.

— Ах ты!.. — задохнулась от возмущения Смерть.

А Энжи лишь благоговейно выдохнула:

— Так вот как выглядит орудие жнеца Смерти…

Одна из курсисток тоненько истерично завизжала, ее вопль подхватила вторая, третья. А до меня дошло: они все увидели, что я держу в руках.

Это осознание придало мне решимости: я перекинула косу через плечо так, что лезвие оказалось сзади шеи Италии. Теперь, даже если она воткнет мне в сонную артерию свою ледяную иглу, я успею забрать ее с собой, буквально скосив голову своей убийце.

— Умирать — так вместе, — скорее прошептала, чем сказала, я.

Но Иналия услышала. Услышала сквозь истеричные крики курсисток, что приседали, прикрывая головы руками, сквозь как-то враз грянувший ор младенцев, сквозь рев пламени воронки, что развернулась под нашими ногами.

— Знаешь, а мне даже нравится такой расклад, — начала она.

А я поняла: наемница еще рассчитывала выжить. Не такой должен быть ответ у той, что готовится умереть.

— Тогда удвою ставку. — Я потянула лезвие на себя, прекрасно понимая, что сейчас игла пропорет мне шею.

Ледяные побеги рванули вверх. Просветы меж ними почти исчезли, и в этот момент на ультразвуковой частоте, словно разорвалась звуковая граната, раздался писк Энжи. Крысявка в немыслимом прыжке летела сквозь ледяной частокол. И я, и моя убийца, мы обе, уже приготовившиеся к смерти, на сотую долю секунды замерли, оторопев. И именно этого краткого мига хватило для просвистевшего у моей щеки кинжала, что, пройдя в узкую вытянутую щель, чудом оставшуюся меж ледяных прутьев, точно вписавшись в глазницу, вошел по самую рукоять. Тело за моей спиной потяжелело. Рука Иналии дрогнула, и лед прочертил на коже моей шеи борозду. Я лишь успела, выронив косу, подставить руку, отчего порез вышел неглубоким, а ледяная кромка рассекла ладонь до кости.

— Ложись! — раздался крик Дэна сквозь полупрозрачную преграду, что со смертью Иналии тут же пошла трещинами.

Падая, я лишь успела прикрыть голову руками, как на меня посыпалась, словно выпущенная из пращи, ледяная крошка.

Когда я поднялась, то увидела, что с моей стороны все усеяно ледяными осколками. Стекло в окне выбито напрочь, стены испещрены от ударов. А по другую сторону преграды все льдинки зависли в воздухе, подчиняясь магии, что струилась из кисти Вердэна.

Поднялась. С руки кровь не капала, а буквально лила. Дэн стоял бледный как смерть. Впрочем, оригинал для сравнения имелся рядом и по-отечески гладил по призрачной руке душу

наемницы.

Феникс, все так же не отрывая от меня взгляда, опустил ладонь. Ледяная крошка попадала на пол с жалобным звоном.

Щелчок пальцами, и двери распахнулись. Хотя бы в одном феникс не соврал: с той стороны и правда оказались серомундирные из тайной канцелярии.

В комнате все еще слышались судорожные всхлипы. И тут младенцы, до которых будто бы дошло, что сейчас произошло что-то грандиозное, как по команде набрали воздуха в грудь и заголосили. Или это Вердэн окончательно перестал расходовать на них свою эмпатию?

Но агенты канцелярии, видимо, были и не к такому привычны. Несколько пассов, и кто-то словно убавил громкость. Крики стали хоть и слышны, но как-то приглушенно.

Сквозь этот плач, ор, сдерживаемые рыдания мы с Дэном сделали шаг навстречу друг другу. Потом один и еще один, пока его руки не оказались на моих плечах. А потом он прижал меня к себе и стиснул практически до боли.

— Больше никогда так не подставляйся, — прошептал он мне в макушку.

— Предупредить не мог? — ответила я пуговицам камзола, пряча лицо на груди феникса.

— Не успел.

— А не мог сразу заклинание притяжения на этот волос применить? — вклинилась недовольная Энжи. — Я из-за вас двоих, между прочим, шкуру подпалила. Один, видишь ли, с черепашьей скоростью все делает, вторая стоит рядом с теми, с кем не надо…

— Мне не с чем было проводить этот ритуал, — просто ответил Вердэн.

— То есть как? — опешила крысявка.

— Ее невозможно было вычислить: она скопировала себе родовую вязь одной курсистки, применяла магию, что характерна для другой, была сильна, как третья… Под подозрением оказалась чуть ли не половина вашего курса… Поэтому я блефовал, надеясь, что наемница поддастся на провокацию.

— Ах ты! — Я хотела сжать кулак, чтобы как следует ударить этого самоуверенного лицедея, но рука отозвалась болью.

— Натис, целителя. Срочно! — Дэн увидел мою рассеченную ладонь.

Пока лекарь суетился, накладывая заклинание и повязку на мою руку, Смерть сверлила меня негодующим взглядом. Потом приобняла убийцу за талию, и они удалились. В этот раз костлявая выбрала для себя нетрадиционный способ ухода:

пешком через дверь. Последнее, чувствуется, разозлило ее даже больше, чем гибель такой перспективной убийцы и поставщика душ в одном лице.

— Мы еще сочтемся, — многообещающе бросила костлявая, перед тем как покинуть ясли.

А я, проводив ее взглядом, посмотрела на косу. Рядом с профессиональным инструментом Смерти, который и сам сейчас напоминал помесь хребта с гильотиной, стояли феникс и серомундирный. Я подошла к Дэну.

— …ледяной щит? — донеслось до моего слуха.

— Да, полагаю, что наемница рассчитывала под его прикрытием убить Рей и выпрыгнуть в окно.

— Третий этаж. Да у нас и оцепление выставлено, — с сомнением возразил серомундирный. — Не ушла бы…

— Для меня было в тот момент важнее другое. — Дэн обернулся ко мне.

Но тут Бьянка решила, что настал ее звездный час. До этого она лишь возмущенно попискивала, но сейчас заголосила так, что я, даже несмотря на приглушающее звук заклинание, открыла рот. И вовсе не от удивления, а следуя наставлению дяди — специалиста по переживанию скандалов. Тот утверждал, что женский крик нужно слушать с открытым ртом, чтобы давление на барабанные перепонки было изнутри и снаружи одинаковым.

— Ну и горластая, — затыкая уши и кривясь, прокомментировал серомундирный. — Кто хоть такая?

Мы с Дэном переглянулись. Не знаю, что он прочел в моих глазах, но мученически выдал:

— Кажется, это моя будущая приемная дочь.

Собеседник лишь хмыкнул:

— Сочувствую.

А Бьянка, словно поняв, что речь о ней, вдруг смолкла. Или это оттого, что я всего лишь протянула к ней руки, чтобы взять?

— Думаю, на сегодня занятие отменяется. — Феникс произнес это спокойно и буднично, а потом протянул мне руку: — Рей, лучше всего тебе отправиться домой.

Вот только Дэн не уточнил, что «домой» — это в его особняк, в который он отвез меня лично. Гончий словно чувствовал мое состояние: разбитой вазы, что ударилась о мраморный пол и разлетелась тысячью осколков. Страх и напряжение ушли, оставив после себя пустоту. Энжи тоже притихла на моем плече.

Дэн ссадил крысявку, вверив ее заботам зомбистого дворецкого. Мертвяк в ливрее, гордый почетной обязанностью, что возложил на него хозяин, отнес Энжи на кухню полакомиться вкусным сыром. Да не просто так отнес, а предварительно усадив

погрызуху на бархатную подушечку.

Лестница, коридор… Я не заметила, как мы оказались в спальне, а потом… Дэн прижал меня к себе резко, будто после долгой разлуки, когда уже и не чаял увидеть живой. А потом был поцелуй. Долгий, требовательный, ненасытный. Он провел ладонью по моему бедру, задирая юбку, обнажая стройные ноги.

— Сдается, на тебе все еще слишком много одежды, — прошептал феникс.

Его хриплый голос заставил меня потеряться во времени и пространстве. Руки сами потянулись к пуговицам на его камзоле.

Шелест парчи, что упала с плеч Дэна, шорох моих полотняных юбок… Я прижала ладонь к его груди. Через тонкий батист ощутила, какой Дэн горячий и возбужденный.

Мужские ладони сжимали меня, руки заковывали в объятия, а губы становились все яростнее.

До кровати мы так и не дошли. Я вжималась лопатками в дверь. Движения и рывки. Ласки и тиски. Стоны, когда губы клеймят губы поцелуями. Ярость и страсть двоих, сумевших отвоевать свое право на счастье у Смерти.

Спустя месяц

Я шла от магистра Норрела. Некромант, что так опрометчиво заявил, дескать, мне хватит пары занятий для обуздания дара, жестоко просчитался: я посещала его уже в двенадцатый раз. Правда, виной тому была даже не моя некромантская сила, а злополучная коса, которую я так опрометчиво выхватила из костлявой руки Смерти.

Эта безднова штукенция появлялась в моей руке всякий раз, как я волновалась, злилась, радовалась. А иногда и вовсе без причины. Очень интересно: когда пьешь чай, уткнувшись носом в трактат, на ощупь ищешь на тарелке бутерброд, а пальцы натыкаются на позвонки, из которых состоит черенок треклятой косы. Да что там. Меня из-за этой самой косы даже с курсов попросили уйти, аргументировав это тем, что ни одна мамочка в здравом уме не подпустит к своему ребенку жнеца Смерти.

Оказалось, что на протяжении всей истории было с полторы дюжины случаев, когда этот самый инвентарь вручали в дар отличившимся некромантам. Не иначе вместо гибрида ордена и газонокосилки: дескать, теперь ты сам вправе «косить» души, когда у них выйдет срок. Но людям-то простым это не объяснишь. Они видят некроманта с косой наперевес и воспринимают его как ходячий армагеддец, от которого не спастись. Да что там простые обыватели, даже маги нет-нет, да и косились на меня: все же

присутствие и. о. Смерти под боком немного нервирует.

Кажется, тот факт, что ко мне пожизненно приклеился этот милый аксессуар, не волновал лишь Дэна. А еще — слуг. Зомби, которым было глубоко безразлично, что у меня в руках (что они, ни разу косы Смерти, что ли, не видели?), даже не обходили меня стороной, а дворецкий-привидение и вовсе порой зубоскалил, узрев в очередной раз, как тает в воздухе коса или, наоборот, материализуется в моей ладони.

Зато у этого приобретения оказался существенный плюс. Когда маман Рей прибыла выяснить, отчего это на гобелене с семейным генеалогическим древом (к слову — кленом) распустился дубовый лист, на котором проступили руны, сложившиеся в название одного из древнейших родов империи, эта самая коса позволила сократить наш разговор всего до нескольких реплик.

Матушка, проделав немалый путь на дирижабле до столицы, решила заявиться в особняк Вердэнов. А поскольку она была не в курсе, за кого ее собственная дочь умудрилась выйти и почему муж теперь в роду Эрлинов, а не взял меня в свой, то решила провести разведку боем.

Стушевалась родительница еще в холле, когда дверь ей открыл Гарри — очень милый и обходительный зомби с безупречными манерами дворецкого в десятом поколении. А вот прочувственной речью в духе: «Я требую…» — она поперхнулась уже при виде меня, спускавшейся с лестницы с Бьянкой на руках.

Энжи же, съехавшая по перилам, стоя на задних лапах, как заправский сноубордист — с горы, оказалась рядом с гостьей первой и ехидно поинтересовалась:

— Лесса, вы к нам по делу или просто умереть?

Родительница икнула, Бьянка заинтересованно заагукала, начав улыбаться визитерше своим уже зубастым ротиком, и я перехватила малышку в правую руку. И надо было косе начать проявляться в этот самый момент?

В общем, матушка Рей экстерном сдала экзамен по выезду из особняков задним ходом. Уже на выходе из ворот она крикнула:

— Ты неблагодарная дочь! Ты опозорила наш род, отвергла помощь дома скорби, а сейчас и вовсе хочешь убить свою мать! Я знать тебя не желаю и больше на пульсар к тебе не подойду!

Я слушала и лишь удивлялась: какой у нее недюжинный талант так извращать правду! А то, что в этой лечебнице для умалишенных она хотела сгноить свою родную дочь, — это нормально? А встать на сторону злых языков и сплетников, а не защитить свое дитя, выслушав его, — правильно? Но как узнала о том, что через меня можно получить и положение, и деньги, сразу

примчалась на всех парах.

— А интересная у нее интерпретация просьбы «не трогайте меня, пожалуйста», — почесав задней лапой ухо, с сарказмом прокомментировала этот уход родительницы Энжи.

— Надеюсь, что я ее больше не увижу, — искренне ответила я крысявке.

— Она из той породы людей, что трясутся за себя: за свою репутацию, деньги и шкуру. А от тебя сейчас больше опасности, чем выгоды, — глубокомысленно изрекла голохвостая.

Из парадной донеслось:

— Дорогая, кто это был? Обычно Гарри не сообщает о нежданных гостях…

— А я думала, что нежданных гостей не бывает. Бывают лишь хозяева, потерявшие бдительность…

Бьянка в подтверждение моих слов радостно агукнула, пока я возвращалась обратно. Дэн был расслаблен и улыбался, но по его глазам я поняла: он таки докопается до того, кто нанес нам такой крикливый визит. И еще что-то мне подсказывало: феникс встретится со своей гипотетической тещей, после чего она наверняка забудет не только дорогу сюда, но и мое имя.

— Рей, ты помнишь, что у тебя сегодня бракоразводный процесс?

— А завтра — бракозаводный, — в тон Дэну ответила я.

В обществе, конечно, шли шепотки и кулуарные пересуды, но мы с фениксом вынуждены были огорчить светских кумушек: нам было хорошо вдвоем, и мы оба плевали на это самое общественное мнение, запрятанное под маски льстивых улыбок. А на открытое? Самоубийц, высказывающих свою точку зрения в лицо помощнику главы тайной канцелярии (увы, если из шпионов Дэна «разжаловали», то отпустить такой ценный кадр насовсем оказалось выше профессиональных сил серого кардинала) и жнецу Смерти, не было.

Посмотрела на феникса. Темный фрак, под которым жилет с серебряной вышивкой, воротник-стойка, шейный платок с брошью. Весь вид Вердэна красноречиво свидетельствовал: сегодня у него торжество.

— Развод брата для тебя праздник? — поддела я феникса.

— Ради этого дня мне пришлось пойти на шантаж, подкуп и даже превышение служебных полномочий, — беззлобно проворчал Дэн. — Я и подумать не мог, что моего братца могут мучить угрызения совести. Этот упрямец ни в какую не хотел давать тебе развод, опасаясь даже не за себя, а за тебя. Он вбил себе в голову, что едва выйдет из твоего рода, как я поспешу тебя устранить…

— Ну да, этим страдает большинство мужчин, находящихся в браке: о разводе они не думают, а вот об убийстве… — проворчала я недовольно, машинально укачивая Бьянку.

Малышка была совсем не против и даже начала придремывать, отчего свою следующую фразу я произнесла на тон тише:

— А о каком это превышении служебных полномочий ты говорил?

— Дорогая, у нас с Альтом был проникновенный братский разговор не для твоих ушек, после которого он согласился, что Вердэном ему все же быть лучше.

— Ты пообещал ему, что возглавишь род?

— Как ты могла так плохо обо мне подумать? Я поклялся. Братишка слишком хорошо меня знает, чтобы верить не подкрепленным кровью обещаниям.

— И все же, ты хорошо подумал? — Я задала этот вопрос уже не в первый раз. — Ведь едва ты станешь главой, едва имя твоего отца, что венчало древо Вердэнов, исчезнет и заменится твоим, ты потеряешь магию, может…

— Рей, это мое решение. К тому же так я точно не смогу вернуться к прежнему занятию.

— Ну да, ты больше не шпион, — улыбнулась. — Ты теперь тот, кто все добытые сведения анализирует.

— Ты не поверишь, но для работы с документами дар эмпатии вовсе не обязателен.

А я смотрела на него и понимала: бывших разведчиков не бывает. И хоть отец и отпустил его, но сам Дэн… Я не представляла его тихим семьянином. Он — как шторм, буря. Покой и небесная лазурь не для него. И пускай он мастерски скрывает свою истинную суть под масками, но его я полюбила именно таким — ненастным. И другого мне не надо.

— Уснула? — шепотом уточнил феникс.

Я лишь кивнула.

Уложила малышку в кроватку, оставив на попечение Энжи, которая, проникшись возложенной на нее миссией, ныне часто разгуливала по дому в облике миниатюрной кенгуру, а вернее, местного аналога этой зверюшки. От привычной для меня уроженки Австралии она отличалась повышенной шерстистостью, круглыми ушами, как у панды, и передними лапами, практически напоминавшими по форме человеческие ладони.

Энжи заверила, что не стоит волноваться за Бьянку, и мы отправились в храм.

Уже сидя в карете, я все же решилась задать давно мучивший меня вопрос:

— А как ты догадался о Бьянке?

— По твоему взгляду. У тебя был взгляд матери. А отнимать ребенка у женщины, которая считает его своим… К тому же я хочу, чтобы у нас в доме было много детей, и если среди них окажется одна юная приемная вампиресса — ничего страшного.

— А ты не торопишь события? Мы же еще не женаты!

— Скажу больше: мы даже еще не помолвлены, но это не помешало мне неделю назад стать будущим папой.

Я закашлялась:

— Прости?

— Извини, я думал, ты знаешь. — В голосе Дэна не было ни капли раскаяния. Дальнейшие его слова лишь подтвердили, что этот несносный феникс форменным образом надо мной издевается. — Когда двое проводят ночи вместе, появление третьего — лишь дело времени. В нашем случае оказалось, что недолгого.

— Нет, откуда берутся дети, я тебе и сама могу рассказать. Подробно. И не по разу.

— Лучше покажи, — попытался сбить меня с мысли Дэн.

— Я про другое: откуда ты знаешь?

— У тебя сдвоенная аура.

После такого заявления в храм я входила задумчивая и погруженная в себя. Да и сама церемония, когда Альт произносил слова отречения, прошла мимо меня.

Опомнилась я, уже выходя из храма под руку с Вердэном. На крыльце стоял Эрвин. Взгляд боевика буквально впился в мое левое запястье, где сейчас не было брачного браслета.

Вот только увиденное его не обрадовало: хотя моя рука и была ныне свободна (во всех смыслах этого слова), но пальцы — переплетены с пальцами Дэна.

— Значит, ты выбрала его? — прозвучало вместо приветствия.

Букет цветов, прижатый к груди Эрвина, казался лишним и жутко неуместным.

Я почувствовала, как Вердэн, внешне спокойный, весь словно напрягся для броска.

— Да. И знаешь, я в чем-то тебе благодарна. Не пересекись наши пути, не было бы меня сегодняшней.

Лицо боевика напоминало восковую маску: бледное, решительное. Сжатые в тонкую нитку губы, желваки, что стали после моего ответа отчетливо видны. Стиснутые до белых костяшек кулаки. Стебли цветов захрустели под прессом, брызнув соком, но Эрвин этого словно не заметил.

— Я дурак! — В его восклицании непонятно чего было

больше: злобы или отчаяния. — И поплатился за свою беспечность. Думал, что передо мной очередная красивая мордашка, которая быстро надоест, а оказалось, что меня затянула с головой твоя чокнутая натура.

— Знаешь, ты сделал комплимент так, что хочется поаплодировать тебе пощечиной. — Я лишь неосознанно придвинулась к Дэну, и он, расцепив руки, обнял меня, притянув еще ближе.

А Эрвин… Внутри него словно что-то взорвалось.

— Я предпочел бы вызов на дуэль, — с холодной яростью отчеканил боевик. — Я готов бороться за свою женщину и свое счастье.

— Умирать, отвечая за свои слова, благородно, но глупо. — Дэн говорил спокойно, его голос волнорезом рассекал решимость Эрвина. — Даже моя смерть не приблизит тебя к заветной цели, скорее наоборот, Рей тебя возненавидит. И ты готов всю жизнь видеть в глазах любимой женщины ненависть и только ненависть?

Это был поединок двух мужчин. И пусть в нем не было шпаг, но взгляды, впившиеся кобрами друг в друга, молчаливое противостояние из тех, что хуже стали, звенящей о сталь…

Именно этот момент выбрала коса, чтобы появиться в моей руке. И тут же Дэн, словно забыв о противнике, с укором произнес:

— Рей, тебе не стоит так волноваться, это может быть вредно…

Не знаю как, но Эрвин моментально все понял. Понял и отступил.

— Извини, Рей, но счастья вам пожелать не смогу. — С этими словами он развернулся и пошел прочь.

С неестественно прямой спиной, чеканя шаг и не оглядываясь.

Феникс же, задумчиво глядя ему в спину, начал творить вестника.

— Дэн?

— Пусть мои ребята за ним присмотрят. Кажется, он будет лучшей заменой для меня.

На мой молчаливый вопрос Вердэн лишь поцеловал в макушку и пояснил:

— Держать удар и уметь проигрывать — едва ли не главные качества любого шпиона. И он их сейчас продемонстрировал.

— А как же то, что у него не будет пути назад?

— Ему дадут выбор, и все остальное будет зависеть только от него самого. Единственное, он никогда не узнает, кто дал ему

входной билет в тайную канцелярию.

Гораздо позже я поняла, что феникс умолчал еще об одном качестве шпиона: холодном сердце. А что может быть холоднее сердца разбитого?..

Утро дня свадьбы мне понравилось хотя бы тем, что не нужно было ломать голову, что надеть. Вот только, как выяснилось, я морально не была готова ко всему остальному. От щипцов для завивки волос до того, что к алтарю меня будет сопровождать мой бывший супруг. Как выразился сам Альт: «Чтобы ты точно до него дошла». Правда, он обмолвился, что и Дэна будет сопровождать его оборотнистый друг, так, на всякий случай. Ибо клятва старшего братца клятвой, но перестраховка не помешает.

А еще, пока ехали до храма, из Альта удалось вытянуть, что клятвы братья давали обоюдные: Дэн сумел-таки развести младшенького не только на развод, но и на обещание. А вот какое — бывший супружник категорически отказывался говорить.

— Не скажешь, я замуж не выйду, — пошла я на шантаж.

— Не смей мне угрожать, — парировал Альт не так уверено.

Пять минут женского прессинга, именуемого в народе ссорой с мозгами, и парень раскололся. Дэн взял с него обещание помириться с семьей, а особенно — с матерью.

— Ну и что в этом такого страшного? — не поняла я.

— А то ты как будто не знаешь?

А я действительно не знала. Дэн виртуозно умудрился избегать весь этот месяц темы знакомства, отшучиваясь, мол, со свекровью мы еще успеем быть представленными друг другу.

— Матушка — весьма специфическая женщина, — начал юлить Альт, поняв, что сболтнул лишнего. — Но зато все пять сестер — просто замечательные, — затараторил он.

А я поняла, что любовь все же сродни лопате: бьет по голове, отключая мозги, и тут же умудряется вырыть под ногами брачную яму, в которую ты по неосмотрительности можешь легко угодить. Свекровь еще ладно, но ПЯТЬ золовок?

— Остановите карету, мне нужно на свежий воздух, — малодушно пискнула я.

— Дык зачем, лесса, останавливать? Почти приехали! — Кучер натянул вожжи, и карета начала замедлять ход.

В этот раз все было не так. От толпы гостей, в которой промелькнула знакомая макушка капитана дирижабля, того самого покусанного мной эльфа, до отдельной комнаты, в которую меня завел Альт. Здесь невесте надлежало ждать начала церемонии.

Бывший муженек, увидев кучу букетов, ширму, зеркала,

пуфики, подушечки, слегка растерялся и сказал, что, пожалуй, оставит меня одну буквально на пару мгновений, пока сбегает к брату и вернется. Но отчего-то засов на всякий случай на двери задвинул.

А я, посмотрев в зеркало, увидела взволнованную девушку в белом платье. И тут засов заскрежетал. Я обернулась, и на губах замерло так и не прозвучавшее имя бывшего супружника. Потому что в комнату вошел вовсе не он.

Три типа бандитской наружности и внушительных габаритов жаждали встречи со мной.

— Ты глянь, какая краля нам сегодня в руки упала, — начал один, отвлекая мое внимание, в то время как второй начал плести заклинание.

Будь я лишена магии — и не заметила бы аркана, на что, видно, и был расчет татей. Но бесследно не прошли не только занятия с магистром Норрелом, но и уроки Дэна, который, несмотря ни на что, заставил меня выучить несколько приемов, чтобы, как он сам выразился, ему было капельку спокойнее за меня. И первый из них гласил: внимательно наблюдай за противником.

Аркан я отразила щитом, не думая.

— Вот смрад и тлен! А та прошмандовка уверяла, что будет слабенькая магичка, которую оприходовать — раз плюнуть, — в сердцах ляпнул один из гостей.

А я смотрела на их лица, не изуродованные интеллектом. Один из бандитов вытащил заточку, второй — тесак.

— Ладно, не получилось поразвлечься, значит, сразу убьем. — И амбал решительно двинулся на меня.

Я тряхнула рукой, и в ладонь уже знакомо легла коса. Они не успели ничего понять. Я лишь махнула лезвием — и три головы раскатились по полу на манер шаров для боулинга.

Я выронила из руки черенок и прижала ладонь ко рту. Горло сдавил спазм.

Не впасть в истерику помогла, как ни странно, Смерть, по-деловому вошедшая в комнатку.

— А ты не так безнадежна, как я думала, — оптимистично начала она, собирая души. — А с учетом рода занятий твоего пернатого муженька перспективы все же есть…

Я же, глядя на то, как ловко она управляется с тремя душами, без слов протянула ей косу:

— Это ваше. Я нечаянно взяла тогда… Извините.

Смерть лишь фыркнула:

— «Извините» ей… А то, что мой рабочий инструмент перенастройке не подлежит, ее не смущает? Раз схватила и коса

тебя своей новой хозяйкой признала, то все, назад хода нет. Теперь пользуйся… Коси, да смотри не иззубри.

Не иначе сегодня костлявая в хорошем настроении?

Смерть еще раз критически меня осмотрела, пробормотав себе под нос:

— Ех, это, конечно, не Иналия, но тоже тала-а-а-антливая… — И, выудив из воздуха новую косу, подхватила пучок душ и была такова.

А я же, не чуя под собой ног, помчалась к Дэну. Если на меня напали трое, то сколько же на него? Промчалась через весь зал. Гости, кто недоуменно, кто обеспокоенно выворачивали голову мне вслед. А я неслась в ту сторону, где должна была быть комната ожидания для жениха.

Вот только криков и шума боя не было. Зато одна из дверей оказалась приоткрыта, и из проема слышались два голоса. Один из них принадлежал фениксу, а второй был смутно знаком.

— Всего один поцелуй! — В женском сопрано звучали и мольба, и страсть, и томление, и отчаяние. — Оставь мне хотя бы его на прощанье. Я молю тебя, Дэни…

— Ты зря стараешься, Оливия, — слова — как пощечина. — И не надейся, что яд приворота на твоих губах подействует. Смотрю, после нашего расставания ты все никак не уймешься. Это уже четвертая твоя попытка.

— Ты не можешь быть со мной так жесток. Ты, ты… Как ты посмел предпочесть меня этой…

— Как видишь, — спокойно возразил Дэн.

— Тогда знай, что в эти самые мгновения твоя невеста стонет под тремя мужиками…

— Что. Ты. Сказала? — Я впервые слышала ТАКОЙ голос у феникса. Казалось, его слова выжигали сознание. Проникая в разум, в самую душу.

Я поняла: еще мгновение — и он просто убьет Оливию, спалив ей мозг. А вместе с ней и всех окрест. Пришлось вмешаться в их столь занимательный разговор.

— К сожалению, те трое мальчиков нашли себе подружку повеселее. Госпожа Смерть любезно согласилась организовать их досуг не только на ближайший вечер, но и на всю загробную жизнь. — Я прислонила косу к стене.

Дэн же, осмотрев меня и задержавшись на подоле подвенечного платья, которое украшали пятна крови, словно красный подбой, вкрадчиво спросил:

— Оливия, ты жаждала моего поцелуя?

Отчего-то та попятилась.

— Н-н-нет… — противореча сама себе, начала она.

— Знаешь, я не могу тебе отказать и запечатлею на твоем челе братский поцелуй.

— Не надо!

Дэн же, не слушая возражений и воплей, взял ее лицо в ладони и поцеловал лоб. Вот только огня феникса он при этом не сдерживал…

К алтарю мы шли против правил вместе. Я — все в том же платье, подол которого был кроваво-красный. Дэн — с горящими руками, отчего манжеты на его фраке были обуглены.

Церковник заикался, творя молитвы, поэтому церемония изрядно затянулась. Я жутко устала и перенервничала, и когда меня спросили, согласна ли я взять в мужья Дэниэля Вердэна, я в лучших одесских традициях ответила вопросом на вопрос:

— Я что, в фате и платье просто так тут постоять пришла?

Священник лишь сбледнул, но засчитал это за согласие.

На наших с Дэном запястьях защелкнулись браслеты. Тяжелые, родовые, те, что носили женщины рода Вердэн задолго до меня. Я приготовилась к боли, вспомнив, как кричал Альт, входя в род… а ее не было.

Служитель улыбнулся первый раз за всю церемонию.

— Ваш союз одобрила сама богиня! — воскликнул он, но Дэну это было не столь важно, как поскорее забрать меня из храма.

Оттого он чуть поспешно произнес:

— Я, Дэниэль из рода Вердэн, здесь и сейчас при свидетелях принимаю на себя все обязанности главы рода. Клянусь чтить предков и действовать лишь в интересах своего рода. Защищать и оберегать тех, в ком течет кровь рода, а также тех, кто причастен к нему.

Едва отзвучали последние звуки клятвы, как в силу начало вступать проклятие.

На лице феникса враз проступили все вены, наполнившись чернотой, а потом кто-то невидимый будто выбил из него весь воздух. Дэн пошатнулся, но устоял, и даже умудрился успокаивающе прошептать мне:

— Я в порядке. Все в этом мире имеет свою цену. У нашего счастья — такая. И я не жалею.

Он выдохнул, выпрямляясь, а потом… взял меня на руки и понес. А я поняла: все, теперь этот феникс от меня никуда не сбежит. И, едва мы сели в карету, решила начать семейную жизнь с правды:

— Дэн, ты знаешь, я должна тебе признаться. Я не совсем Рейнара Эрлис. Вернее, тело принадлежит ей, а душа…

Муж прижал свой палец к моим губам:

— Не надо. Я знаю. Просто ждал, когда ты мне расскажешь.

— Но как?..

— Догадки начали посещать меня уже давно, а капитан дирижабля их только подтвердил, — напустил туману Дэн и виртуозно сменил тему: — Хотя я бы так и так побеседовал с этим эльфом, ведь одна его пассажирка поразила меня еще при первой встрече, когда так ловко и искренне сумела обмануть таможенника, а потом удрать от него.

— А теперь твоя очередь. — Я не дала сбить себя с намеченного курса. — Что не так с твоей мамой? — задала я вопрос в лоб.

— Понимаешь… — замялся муж, — моя мама — ведьма. Со всеми вытекающими — вредным характером, способностью к стихийной порче…

— Знаешь, по-моему, это не мне, а ей надо переживать. У нее в невестках жнец Смерти.

ЭПИЛОГ

Затаив дыхание прокралась по коридору. В руках — подол длинной юбки, что могла бы выдать меня шуршанием и замедлить передвижение. Сердце все еще учащенно билось от недавнего стремительного забега. Вдалеке послышались голоса. Я прильнула к стене, спрятавшись за полный боевой доспех рыцаря, в надежде, что меня не успели заметить. Выдох. И тут у самого уха раздается голос:

— Вот вы и попались, лесса Рейнара…

А потом сильные и знакомые руки легли мне на талию и втянули в нишу, которую я сразу не заметила.

Летнее солнце сегодня задалось целью до самого распоследнего булыжника на мостовой прогреть за один день всю столицу, до этого целую неделю мокшую под дождем. Жарко стало всем: от благородных лесс, прячущих фарфоровую кожу под тенью кленов в парке, до бродяг в темных подворотнях. Оттого внутри особняка было душно, как в тропическом лесу. Вот только шестерым отважным воителям племени краснокожих до коварных планов светила не было никакого дела.

Бьянка, пригнувшись, целеустремленно вела свое племя через коридоры и залы родового гнезда Вердэнов. Самый мелкий воитель пока ходить не мог, но несся по дорожке на четвереньках, грозно попискивая и воинственно муслякая дольку морковки. В его волосах, в отличие от остальных соплеменников, еще не было гусиного пера из писчего отцовского набора по причине того, что эти самые волосы отсутствовали. Зато боевой раскрас из сока свеклы уже украшал мордаху отважного краснокожего.

И тут с нижнего этажа донеслось:

— Дети, спускайтесь вниз!

Голос Энжи проникал в каждый закуток дома. Все же из крысявки вышел на диво дотошный и заботливый фамильяр. И едва она только получила власть бонны, как тут же вообразила, что все окрест — это маленькие дети и, следовательно, ее подопечные.

— Мы вспотели? — тут же раздался вопль Миниры, одной из наших пятилетних близняшек.

— Нет, вы хотите кушать, — ничуть не смутилась фамильяр.

В этом была вся Энжи. И ладно бы дети, но звать так же с балкона второе лицо тайной канцелярии… Но Дэн стоически терпел.

Дружный топот ног (и коленей) возвестил о том, что гурьба помчалась-таки в столовую.

— Опять играли в конкистадоров и индейцев? — В голосе мужа слышалась улыбка.

— Да, бедные бледнолицые в моем лице спасались бегством, — выдохнула я.

Сказать о том, что при этом подлый конкистадор в моем лице умыкнул сокровищницу — шкатулку с фантиками, не успела. Мои губы накрыл поцелуй. Дэн всегда умел пользоваться удачным моментом.

А вот со свекровью мы, как ни странно, поладили. Правда, не сразу, а попытки с седьмой, но она стала уважать мою силу, а я — ее власть. И именно она объяснила мне, откуда взялось это самое проклятие рода. Дело в том, что в незапамятные времена, когда магия как наука еще только появлялась, многие носители сильного дара не могли его обуздать, умирали или сходили с ума. А проявлялась сила порой весьма поздно. Она могла раскрыться уже и после того, как носитель дара вступил в права главы рода. Вот так и получалось, что во главе этого самого рода оказывался безумный маг. Чтобы предотвратить подобное, некоторые семейства приняли решение о таком вот проклятии. Время шло, появилось множество способов обуздать первые бесконтрольные выбросы силы, и в тех семействах, где дар был не столь силен, а следовательно, и не столь мощное проклятие его сдерживало, избавились от последнего. Но у Вердэнов рождались традиционно сильные маги. Минимум три-четыре наследника. Оттого проклятие набрало силу, и в империи это был едва ли не единственной род, над которым оно продолжало довлеть. Вот только за три века почти все благородные семейства империи об этом уже подзабыли… Но тот, кто когда-то создавал проклятие, и помыслить не мог, что однажды главой рода станет полуфеникс. Оттого на церемонии проклятие забрало из Дэна силу человеческого мага, а вот фениксову суть — не смогло. Мой супружник все так же остался верен стихии огня и полетам…

Эрвин сидел в кабинете, разглядывая карандашный рисунок. Девушка. На первый взгляд обычная, с искренней улыбкой и лукавым взглядом. Ее предстояло скомпрометировать. Для одного из лучших шпионов империи это казалось бы пустяковым делом, если бы не одно «но»: девица и так, по слухам, была, мягко говоря, вольных нравов. Но Эрвину поручили обеспечить скандал во что бы то ни стало. Так, чтобы расстроить помолвку рыженькой с иноземным князем. Вот только сам потенциальный жених был готов обручиться с ней любой, даже мертвой (если попадется талантливый некромант и неболтливый священник). Что поделаешь — политика преследует вроде бы благородные

цели, но добивается их отнюдь не честными методами. Шпион предвкушающе улыбнулся. Дело вырисовывалось занятное.

Впрочем, это уже совсем другая история…